

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПОДОЛЬЕ

Часть первая ПУТЬ К СВОБОДЕ

I. На грани срыва

Обхватив голову руками, бывший начальник спецкомендатуры города Караганда майор милиции Константин Харасанов сидел в одиночной камере СИ-16¹. Все жалобы и заявления о предоставлении ему адвоката стопорились где-то в стенах тюрьмы. Он уже начал понимать, что система, которой он так долго служил верой и правдой, решила его уничтожить. Известная русская поговорка “Ворон ворону глаз не выклюет” на поверку подтверждения не находила. Вот уже год его, бывшего офицера милиции, бросают в камеры к уголовникам. Год он находится на грани между жизнью и смертью.

Каждая жалоба прокурору влекла за собой перевод в новую камеру. Как уголовники до сих пор его не убили, он точно объяснить не мог. Вернее сказать, уже не мог. Различные ситуации переплелись в столь запутанный клубок, что, желая вспомнить, напрягая мозг, он сразу же начинал ощущать полное физическое бессилие.

Иногда приходила мысль покончить с собой. В принципе, жизнь прожита. За спиной пятьдесят лет, в которые поместилось все положительное, что дарит человеку жизнь — любовь, материальное благополучие, уважение и почет. Но, оказывается, кроме положительных эмоций судьба уготовила его еще здоровому организму самое страшное — гнить в застенках Карагандинской тюрьмы.

Харасанов неплохо знал законы, всегда этим обстоятельством гордился, но в этих стенах вдруг с ужасом почувствовал, что обусловленных законом прав у заключенных фактически нет. С первых же дней, когда он с пеной у рта требовал адвоката, следователь, ведущий его дело, абсолютно спокойно ему ответил: “В начале следствия закон адвоката не предусматривает. Вы имеете право на адвоката только в том случае, если являетесь психически больным и не имеете возможности сами себя защищать”. Но Константин не был психически больным и поэтому все его просьбы о предоставлении ему адвоката оставались без внимания. Его игнорировали, над ним смеялись. Постепенно в административном аппарате следственных органов он стал ничем иным как нарицательным. Его следователь в глазах коллег прослыл великомучеником и, когда он отправлялся в тюрьму, коллеги сочувственно спрашивали:

— Ты куда?.. Опять по делу правдолюбца?

Начальник тюрьмы Петренко Иван Григорьевич вначале еще перечитывал заявления и жалобы Харасанова, но однажды, плохо выспавшись, на собрании сотрудников аппарата процедил:

— Нечего с ним нянчиться... Пусть сидит в общей камере.

Это в “общей” младшие чины перекроили на общих, и Харасанов отправился путешествовать по камерам Карагандинской тюрьмы.

О нем помнили, но о нем забыли. Только тогда, когда из тюремной столярки раздавался своеобразный стук, свидетельствующий о сколачивании очередного гроба, начальник тюрьмы спрашивал у офицера ДПНСИ (дежурного помощника начальника следственного изолятора):

— Это не для нашего правдолюбца? — а услышав отрицательный ответ, лукаво улыбался и говорил:

— Такого еще не было... В Книгу Гиннеса нада-бы.

Несмотря на то, что убийство в тюрьме любой страны является чрезвычайным происшествием, необходимо заметить, что в то же время, оно является избавлением кого-то от кого-то. Если на одну чашу весов богини правосудия Фемиды положить этих “кого-то”, а на другую — неприятные последствия в связи с убийством, сначала чаши уравновесятся, а затем чаша с “кого-то” поползет вниз. В той стране, где подследственный по ходу следствия не имеет адвоката, иначе быть не может. Это уяснил и Константин Харасанов, поэтому каждый день готовился к смерти.

II. Волки и овцы

Грязная камера. Цементный пол в трещинах и выбоинах. Окно разбито. Сквозь решетку и створчатые жалюзи дневной свет не проникает. В камере, рассчитанной на десять человек, втиснуто тридцать особо опасных рецидивистов. Многие из них не были на свободе пятнадцать-двадцать лет. Двухъярусные нары вплотную пригнаны друг к другу. На нижнем ярусе

кто сидит, по-турецки поджав ноги, кто лежит — разместились пять человек из уголовной элиты. На втором ярусе пятнадцать человек. Они принадлежат к разряду “мужиков” — молчаливых, исполнительных, но по тюремным и лагерным законам не падших.

На цементном полу, на скрученных матрасах, сидят восемь человек не имеющих авторитета. Днем стелить матрасы и лежать не разрешается.

Возле самой параша, согнувшись, стоят на корточках два человека — они из разряда отверженных. Жизнь этих несчастных преисполнена физическими страданиями. Когда звонок извещает отбой, для них наступает время интенсивных мучений.

На нижних нарах разговаривают известные на всю тюрьму рецидивисты. Они сравнительно молоды, но на счету каждого по несколько убийств. Их без конца возвращают из лагерей, где они отбывают сроки, для дачи новых показаний в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Обычно подельников держат отдельно, но в этой тюрьме администрация давно махнула рукой на “столь незначительное правило”.

Один из пятерки рецидивистов, с вытатуированным на плече эсэсовским погоном, по кличке “Полковник”, рассказывает свесившимся с верхнего яруса заключенным о похождениях на свободе.

— И тогда мы подъехали на грузовике к магазину. Вышел сторож, старый мудака, и начал орать, мол, сваливайте отсюда, иначе буду стрелять. Было темно, он не усек как Шамиленок обошел магазин, подошел к нему сзади и грохнул ломиком по башке... Короче, мы привязали к штанге на двери цепь, а второй конец к машине. Я газанул, и через пять минут мы были в магазине. Взяли пару ящиков “конины”¹, собрали костюмы, куртки, а деньги ищем, ищем и ни х... найти не можем. Уже хотели уходить. Я пнул ногой обувные коробки и с одной вывалились они, родимые.

Полковник засмеялся хриплым смехом и толкнул лежавшего рядом Шамиленка в плечо.

— Но самое интересное устроил Шамиленок когда мы уже садились в машину. Потом он это часто делал, видать, понравилось.

Кто слушал, загалдели:

— Расскажи, полковник, чё он делал?!

— Я сел за баранку, смотрю Шамиленок возле сторожа чё-то делает. Включил фары, смотрю, а Шамиленок башку сторожу штыком отпиливает. Атрезал, пнул ногой и нам кричит: “Пацаны, айда в футбол, бля... буду, после зоны не играл.” Ну, мы дэцэл² поиграли, и чухнули на Курган.

В камере раздался смех. Колыма, Калуга и Север не спали. Они обменивались воспоминаниями. Дополняли рассказанную историю деталями.

В разговор включился один из бандитов — Колыма. Худой, желтолицый, с замедленными речью и движениями он наводил на окружающих непонятный страх.

— Один раз я попробовал таким макаром. Н-н-не понравилось. Помнишь жену пастуха? — обратился он к Полковнику. — Ну, пастуха, которого ты завалил.

Полковник курил явно не в силах вспомнить. Цепь преступлений была столь велика, что отыскать одно звено представлялось сложным.

— Ну, ты даешь... — хрипел Колыма. — Ты ее еще в юрте драл, а мне она не хотела давать ..., рожу поцарапала.

Полковник перестал вращать глазами. В его глотке что-то забултыхалось.

— Все, Колыма, хо-хрл-хрл, вспомнил. Можно подумать, она мне сразу дала. Вспомни, сколько я ее прягой бил по башке. А про ноги связанные забыл?

Колыма сделал жест, как бы стряхивая с ширинки назойливую муху.

— Да, но поцарапала она не тебя, а меня.

— Ладно, пацаны, — послышалось с верхнего яруса, — чё тяните? Говори, Колыма.

— Меня на эту шкуру зло взяло, — продолжил Колыма. — Когда пацаны ее отодрали, я взял штык, схватил за волосы и отрезал башку. Ничего особенного, приятней когда из ствола шамальнешь промезж глаз.

С моментом, когда Колыма закончил рассказывать, совпал скрежет двери. В камеру с матрасом под мышкой вошел новичок. Растерянный, он стоял возле умывальника и в нерешительности переминался с ноги на ногу.

Шамиленок приподнялся.

— Чай есть, земляк?

Новичок радостно улыбнулся.

— Есть, ребята, где-то с полпачки.

Слово “ребята” в кругу подобного контингента неприятно резануло слух. Шамиленок медленно поднялся, обул сапоги и сделал шаг по направлению к новичку. Губы в хищной улыбке поползли к правому уху, оголяя ряд рандолевых зубов.

Глядя на новичка, он неожиданно со всей силы ударил в грудь ногой сидящего на матрасе заключенного.

— Дергай под нару, рожа ментовская, асвабади человеку место.

Пожилой, охая схватился за грудь, но следующий удар сапога в челюсть отбросил его на рядом сидящих.

— Быстро под нару, ментяра, иначе пока в зону прийдешь и лохматину¹ нацепишь, я тебя, ишака, задолблю.

Шамиленок не объясняет, но всем ясно, что старый зэк был в лагере членом СВП².

Новичок испугался. Он не решается занять свободный пятак цементного пола.

— Давай, земляк, садись. По какой статье, рассказывай.

Полковник крикнул верхнему ярусу:

— Харош!.. Глохните. Пусть сначала дает чай.

Новичок порывлся в своих вещах, и выгалил грязный узелок. В носовом платке горсть мелкого чая. Величайшую ценность уголовного мира высыпают на бумагу.

Шамиленок, не глядя, запустил руку на верхнюю нару и стянул вниз первое попавшееся одеяло. “Дрова” готовы. Через некоторое время кружка идет по кругу избранных.

Чифирь выпит. Элита удобно разместилась на нарах. Взгляды опять останавливаются на вновь прибывшем.

— Говоришь, первая судимость!?. По 76 статье... В школе магнитофон украл?.. Что, до этого не сидел!?

Все переглядываются. Событие действительно редкое, и все же встречающееся в некоторых тюрьмах, а именно: новичка бросили к многоходчикам.

— Ану-ка, Расскажи, как там на воле? Бабы красивые есть?

Новичок, которого зовут Валентин, от всеобщего внимания оживляется.

— О-о-о-о, телок на воле полно, — вставляет новомодное слово. — Они вечером возле ресторана сами меня снимают. Как выйду, то одна, то другая: “Валек, пойдем со мной”. Я уже счет потерял. Прихожу в кабак, знакомые или незнакомые, в наглую сажусь за столик, наливаю себе шампанского, короче, кайфую. А на ночь какая-нибудь обязательно пригласит.

В камере переглядываются. В тусклом свете то и дело отсвечивают чьи-то рандолевые зубы.

Валентин вошел в раж. Его трудно остановить. Но этого делать никто и не собирается. Всем весело. Но не от рассказов типичного Альфонса, а от предстоящей утехы. Его место в уголовном мире предопределено. Сути пословиц “язык мой — враг мой” и “молчание — золото” он не знает.

Когда он на минуту умолк, из-за тел сидящих показалось смуглое лицо с орлиным носом.

— Ну, ты даешь, Валек. Да-а-а, жил ты, как мы тут пасмотрим, красиво. Так, гаваришь, телки тебя снимали? Ну, Расскажи, сколько они тебе платили?

Убийственной иронии в словах уголовного новичок не улавливает, продолжает вдохновенно рассказывать о похождениях на воле.

— А я не ждал, когда они мне заплатят. Подойду, когда она еще в постели, открою сумочку, заберу все, что там есть. В камере заготовали. В глазах Севера вспыхнули желтые огни.

— Ну, а когда денег нет?

— Забираю хоть что. Я своей Таньке комбинашек целый шкаф натаскал.

Камера ухнула. В этом мире волчьих нравов, где каждый человек доходил до невероятных глубин падения, малейшее проявление чужой нечистоплотности воспринималось однозначно. Но вместо порицания вокруг слышались восхищенные восклицания:

— Ну и Валек! Ну, ты и даешь! Маладец, Валек!

III. В гостях у инквизиции

У Лежнева и Векслера, дознавателей четвертого райотдела милиции города Караганда, имелись свои методы работы. Благодаря этим методам процент раскрываемости преступлений неуклонно возрастал. Следователи этого райотдела боготворили дознавателей, но в то же время содрогались, ловя себя на мысли “А что будет, если моему сыну или дочери доведется попасть к ним в руки?”. Для этого были веские основания, ибо молодые люди, благодаря сеансам спиритизма, научились вызывать знаменитого доминиканца¹. Необходимо отметить, что Торквемада охотно с ними делился богатым опытом.

Когда пьяного токаря завода отопительного оборудования Валерия Вейсгейма забирали из общежития, размахивая руками, он сбил с головы Векслера ондатровую шапку. Это обстоятельство неожиданно заставило Векслера вспомнить, что у следователя Макаренко висит нераскрытое дело по воровству шапок. Векслер еще раз посмотрел на физиономию Вейсгейма, и убедился, что она ему не нравится.

Валерий Вейсгейм проснулся на полу обычной камеры для задержанных. Их называют где как. В одних регионах “отстойниками”, в других — “аквариумами”, в третьих — “гадошниками”. Бывший СССР — огромная территория.

Двадцатилетний токарь Вейсгейм был обычным человеком. Он любил выпить, подраться, посквернословить, любил все то, что для нас является родным и неотъемлемым.

В отличие от многих молодых людей новой формации, трезвым он был суров и немногословен. И впридачу, как говорится, любил работать на совесть. Мать у Вейсгейма была по национальности киргизка, а отец обрусевший немец. Это обстоятельство не могло не сказаться на крови сына. Вот откуда взялись у Валерия с одной стороны буйство степняка, а с другой — трудолюбие плюс рационализм немца.

Несмотря на то, что Валерий был красивым парнем, восточные черты удивительно гармонировали с европейскими, в любви ему не везло. К тому времени в общежитии появилась смазливая практикантка Валентина Симонова, родом из Саратова. Она отметила красивого парня, позволила с собой переспать, а на следующий вечер ушла с другим. Это и послужило причиной скандала в общежитии, который для Валерия закончился “отстойником” в четвертом райотделе.

Подавленного и разбитого Вейсгейма, как говорится на блатном жаргоне, “выдернули” из камеры и привели к дознавателям.

— Вот он какой, — многозначительно сказал Векслер, кивая Лежневу. — Парень как парень, сразу не определишь, чем занимается. Ну, садись, Валера, вернее присаживайся. Разговор у нас будет долгий. Придется сознаваться.

В центре кабинета сиротливо маячил облезлый стул.

— В чем сознаваться? Давайте штраф и отпускайте, я на работу...

Закончить ему не дали. Лежнев, который стоял сзади, ребром ладони ударил его по шее, а Векслер, выбивая из-под ног стул, со всей силы ударил кулаком в челюсть.

Когда Валерий очнулся, они схватили его под руки и, словно мешок с опилками, втиснули в стул.

Векслер, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Расскажи, как десятого числа возле кинотеатра “Батакоз” снял у гражданки Сологуб ондатровую шапку. Расскажи, как второго, седьмого, восьмого снял еще три шапки. Ты думаешь тут дураки сидят? Тебя потерпевшие по паспортной фотографии опознали.

От неожиданности Валерий чуть не задохнулся. Он знал какими методами пользуются дознаватели, но теория, как известно, в сравнении с практикой не идет.

— Да вы что!?. — начал было Валерий, но ему опять не дали закончить.

На этот раз первым ударил Векслер. От удара по голове валенком, набитым песком, сознание помутилось. Валерий опять оказался на полу.

— Итак, у тебя четыре эпизода. Потерпевшие: Васильченко, Шмелев, Кононов, Сологуб. Если сознаешься, получишь по первой судимости до трех лет условно. Если будешь крутить — напишем, что вводишь следствие в заблуждение. Получишь пять лет строгого режима. Не доводи до греха, парень, не заставляй нас собирать потерпевших на очную ставку.

— Я-я ничего не знаю. Люди, чего вы от меня хотите?!

Высокий, сухощавый блондин Векслер, как и Вейсгейм, имел немецкие корни. Но, в процессе милицейского воспитания в бывшем Союзе, имел иезуитские наклонности. О немецких корнях здесь сказано мимоходом. Винить Векслера в садистских наклонностях из-за немецких корней столь же нелепо, как утверждать, что преступниками не становятся, а рождаются. Сегодня у дознавателей обычная работа. Вейсгейма избивали методично и жестоко. Единственное, что всегда раздражало и беспокоило дознавателей, это боль в костяшках суставов пальцев. Но на этот случай имелся валенок, набитый песком, и масса других приспособлений.

Одного они не могли предусмотреть: у Вейсгейма в жилах текла еще и киргизская кровь. Пусть она, как и немецкая, привыкла к послушанию, но, в то же время, имела свойство захлестывать сердце и мозг шквалом буйного протеста. Когда Лежнев, слегка наклонившись, бил его по лицу кулаком, одетым в кожаную перчатку, поддаваясь этому жгучему всплеску, Вейсгейм резким движением головы нанес оглушительный удар Лежневу в лицо. Обливаясь кровью, подрубленный Лежнев грохнулся на пол. В следующий момент Векслер вытащил из наплечной кобуры пистолет и рукояткой ударил Валерия по затылку.

IV. Следователи, прапорщики, заключенные

Сквозь пелену раздумий Константин услышал знакомый шорох открывающегося глазка. Стекла не было, глаз дежурного чем-то напоминал красную медузу в мутной воде. Возникло непреодолимое желание подойти и ткнуть пальцем в этот назойливый комок живой плоти. Еще через секунду открылась кормушка.

— Харасанов, на выход с вещами!

Константин знал, что после подобного распоряжения они приходят через 10-15 минут. Он развязал мешок, и в руке оказался обоюдоострый, короткий предмет, напоминающий кинжал.

Над изготовлением оружия он работал целый месяц. Приобрести супинатор¹ оказалось не так просто. Вновь прибывших тщательно обыскивали. Но однажды повезло. Новичок все же “задарил” ему так необходимый кусочек стали. Он был готов защищать свою жизнь до последнего.

Прапорщик, сухопарый азербайджанец, скептически посмотрел на человека, который еще недавно был майором милиции, и сказал:

— Проходи, пойдешь на строгий режим.

Константин подхватил матрас, перебросил через плечо вещмешок и вышел из камеры.

— Эй, земляк, ты, случайно, не из Баку? — обратился он к прапорщику.

Но красноглазый был из породы тех людей, которые, служа неизвестно какому богу, забыли родную речь, не говоря уже о способности сострадать.

— Я таких земляков в гробу видел, — парировал вопрос Константина.

Харасанов вспомнил, и ему стало горько, как однажды его подопечный “химик” азербайджанец просил отпустить его домой на побывку к старой матери. Он тогда ему ответил что-то вроде “тамбовский волк тебе земляк”, и выгнал из кабинета. “Время разбрасывать камни, и время их собирать” — подумал Харасанов. Только за один этот поступок судьба может тяжело покарать.

Порой красноглазый приказывал ему остановиться и повернуться лицом к стене. В одном из переходов они столкнулись с группой заключенных женщин.

На этот раз, несмотря на окрики: “К стене!!! Быстро!!! Быстро!!!” — Константин не отреагировал.

— Откуда, дорогой, давно с воли? Мы с хаты 108, пиши мне, — обхватила его шею руками одна из девушек. В этих стенах подобное показалось Харасанову сном. Она была красива и сексуальна. До боли хотелось на свободу.

Красноглазый подгонял девушек без конца повторяя:

— Давай, давай, шкуры, быстрее!!! Давай, давай!

Женщин увели. Продолжала грызть невыносимая тоска.

— Эй, Мамедов, — раздался откуда-то снизу крик, — погоди!

На галерее появился низкорослый, кривоногий прапорщик. Было видно что он пьян. Фуражка сидела криво, глаза блестели.

— Заведи его в любую пустую камеру, пусть кинет матрас. Я его заберу, срочно сказали к следователю.

Красноглазый недовольно сплюнул, достал пачку “Космоса”.

— Ну, это на два часа затянется. Я ждать не буду. Забирай карточку, потом отведишь его в триста четырнадцатую.

— Чего, чего? — изумился кривоногий. Ты, случайно, колес¹ не обожрался? Там одно отрицалово². Они его завалят³! Н-н-не, я его туда не поведу, — с пьяной запальчивостью возражал кривоногий. — Пусть сам ДПНСИ придет и лично распорядится. Они его завалят, а наши потом будут крайнего искать.

Обычно подобные вопросы в присутствии заключенного не решались. Красноглазый попытался кривоногого остановить, но, возбужденный алкоголем, прапорщик никак не хотел успокоиться.

— Ладно, Мамед, ты мне не маши. Чуть что, привыкли Тольяна крайним делать. Ты здесь недавно, а знаешь, что Калуга с 314 в прошлом году в десятой хате двоих завалил. Ему все пох... Сроку больше, чем на две жизни.

Мамедов не выдержал:

— Да хорош тебе, чего разорался! Насчет 314 ДПНСИ, между прочим, сам распорядился. Звони, он сам тебе скажет.

В тесной комнате с зарешеченными окнами одновременно работали три следователя. Обстановка ни в коей мере не способствовала откровенности. Подследственные косились друг на друга. Говорили нарочито громко, рисуясь своими “подвигами”.

Следователь опять пришел без адвоката. Грамотная, правильная речь Харасанова мгновенно настораживает.

— Вы один?.. Я же вас предупреждал, что без адвоката разговаривать не стану. В конце концов, в этой стране человек хоть на что-то имеет право?!

Рецидивист за соседним столиком повернулся к Харасанову и, подмигивая следователю, громко сказал:

— Пиши, пахан, в ООН. У нас с адвокатами плохо, оттуда бесплатно пришлют. Ага, пахан, выгатац тебя и сразу в Штаты заберут.

В комнате заготали. Рецидивист демонстративно закинул ногу на ногу и нагло спросил у следователя:

— Начальник, прости подлеца, адин вапрос задам. А сколько лет ему карячится?

— Ну, если честно все расскажет, получит три общака.

Рецидивист картинно стукнул себя в грудь.

— Треха?.. Ниш-тяк!!!⁴ Да откуда такие берутся? Да с трехой можно на одной ноге простоять.

Не говоря ни слова, Константин поднялся со своего стула и направился к выходу. Следователь поспешно нажал кнопку. Вошел прапорщик, загородил проход.

— В чем дело? Куда его? — спросил у следователя.

— Харасанов, сядьте! Вы мне тут комедию не ломайте! Вы у меня допрыгаетесь!

— Плевать я на вас хотел! — сдерживая ярость выдал Харасанов. Вам было сказано: без адвоката не приходите. Я от вас отказываюсь!

Рецидивист не унимался. Продолжая рисоваться, он хлопнул себя по коленям и воскликнул:

— Ты посмотри на этого быка, начальник. Мне вышак¹ светит, а он от трояка отказывается.

Грузной походкой, не обращая внимания на прапорщика, Константин подошел к столу и толстой, словно бревно, рукой схватил рецидивиста за горло. Следователь отпрянул и, сбивая со стула коллегу, почему-то бросился к зарешеченному окну.

— Ах ты гнида поганая, пидарюга, — процедил Константин, переходя на блатной жаргон. — Я из тебя враз инвалида сделаю.

Лицо рецидивиста налилось кровью. Глаза полезли из орбит. Он хрипел, пытаясь в свою очередь схватить Харасанова за горло.

— Марш на парашу, пидар, — Константин оттолкнул его от себя и тот, переворачивая стол, кубарем полетел в угол.

В тот момент, опомнившись от неожиданности, на Харасанова набросился прапорщик.

— Вы что себе позволяете?! Я вас... — он размахнулся резиновой дубиной. Константин перехватил черную змею и закричал:

— Хватит!.. Хватит надо мной издеваться! Почему вы пришли опять без адвоката?.. Почему вы не заткнули рот этой паскуде, когда он меня оскорблял?!

Все тяжело дышали. Напряжение разрядил прапорщик.

— Товарищ следователь, он вам больше не нужен? Можно увести?

— Да, да, уведите, — поспешно втискивая листы в портфель, сказал следователь. — Харасанов, напишите прокурору письменный отказ... Впрочем, я вам назначаю судебно-психиатрическую экспертизу.

V. Земляки встретились

В какую он попал камеру, новичок не догадывался. Землистые лица даже казались симпатичными. Поощрительные слова “давай, давай, Валек, ты парень крученный”, приводили его в восторг. Ему казалось, нет, он был уверен, что в лице этих людей он обрел истинных товарищей. На воле, безнаказанно эксплуатируя женщин, он растерял, а возможно и вовсе не имел качеств так необходимых мужчине. Благородство, умение молчать были вытеснены эгоизмом сластолюбца. Он не понимал, что теперь его окружает не стайка легкомысленных женщин, а тридцать рецидивистов, деградировавших, выброшенных из жизни, давно потерявших надежду.

— А теперь, Валек, расскажи нам, что такое перестройка. Меня посадили еще при Хрущеве, — прохрипел старческий голос.

Из-под груди засаленного тряпья показалась плешивая голова, а затем худосочное тело, покрытое чешуей псориаза.

— О-о-о, Равиль проснулся, — обрадовался Калуга. — Поговори с новенькой, ана симпатичная, — закончил словами, от которых по камере прошел сдавленный смех.

Похожий на паука, сверкая радугой чешуи, Равиль сел на нару по-турецки скрестив ноги. Из-под черных сатиновых трусов выглядывали худые колени с вытатуированными звездами.

— Ну, давай, овца, расскажи что такое перестройка, и с чем ее на воле хавают¹.

Новичок уже начал улавливать, что его оскорбляют. В груди ёкнуло и впервые к сердцу подкатила волна страха.

— А х... его знает. Менты пахать не заставляют, в магазинах все есть, но все дорогое. Говорят, за границу можно свалить даже с судимостями.

Старый уголовник, улыбаясь хищной улыбкой, молча слушал. Внезапно он весь как-то напрягся. В желтых глазах вспыхнули злобные огоньки.

— Ты, овца, сам ни х... не знаешь. За границу свалить... Так тебя и выпустят. Ани только так базарят, а на самом деле только заявление подашь, через неделю опять на зону закроют.

Тема выезда за границу вызвала оживление. Один из заключенных возбудился больше всех.

— Они выпустят с пулей в башке на тот свет. Я в Алма-Атинский ВОВИР сто раз ходил. Хотел к братану в Германию уехать. Как только вызов пришел, они меня в ментовку забрали. Товарили две недели, пока не заставили на себя взять магазин. Свидетелей туфтовых нашли, короче, все сделали по уму. Теперь у меня шестая судимость. Ха-ха, выпустят! Нет! Я пайду другим путем. Автомат, пару гранат, на самолет и в Турцию.

Кто-то из заключенных его перебил.

— В Турцию или в другую страну валить нада с деньгами. Кому ты там без денег нужен.

— Может ты не нужен, а я себе найду место. Мне лишь бы свалить, а там уже через неделю буду в наемной армии. Мне похер за какую власть воевать. Лишь бы дали автомат и деньги платили.

Север, который разговаривал мало, которого все в камере боялись, как бы рассуждая с самим собой, произнес:

— А мне следак прошлый раз базарил, что на этот раз дадут вышку.

В камере воцарилось гробовое молчание. В один момент все ощутили фантастичность обсуждаемой темы и реальность происходящего. Вспыхнули и погасли искры надежды выбраться из бездны на свободу. Старый рецидивист разрядил обстановку. По опыту он знал, что в такие моменты в камере чаще всего вспыхивает бунт. Заключенные или схватываются между собой, или оказывают неповиновение администрации. Он понимал всю бесполезность бунтов в тюрьмах. Всех до единого разбросают по карцерам, избыют и камера будет расформирована. Ему не хотелось побоев. Не хотелось перебираться в другую камеру, где опять предстоит ожидать очереди в получении нижнего места.

— А где ты, малай¹, жил в Караганде?

Он назвал по-татарски заключенного сынком, что немало удивило находящихся в камере.

— Я? — переспросил тот, — я жил в Майкудуке², возле магазина “Колос”.

— О-о-о, малай, так мы с тобой земляки, — подмигнул Равиль. — Меня последний раз с магазина “Колос” забрали, — сказал, несмотря на то, что забирали его двадцать пять лет назад, когда еще не было микрорайона под названием “Майкудук”. — Ой-бай, — не переставал деланно изумляться Равиль, — я земляка нашел!

Играя мускулатурой, потягиваясь, словно леопард, сел в позу индийского раджи Полковник. Каждый из рецидивистов, имеющих в камере вес, через определенные промежутки времени о себе напоминали.

— Ну, ты, Равиль, конечно не допустишь, чтоб твой земляк спал на цементе. Забирай его к себе, а то я смотрю сейчас ему грузин место предложит. Как, грузин?.. По твоим глазам вижу, что угадал.

Заросший щетиной, могучего сложения грузин Важа лежал не втором ярусе. В разговоре он участия не принимал, но и не спал, беспокойно ворочаясь под одеялом.

— Конечно, дарагой. Какой разговор. У меня места хватит. Прозвонит звонок, залезай ко мне.

Новенький, наблюдая какой ажиотаж разгорелся вокруг его персоны, признательно улыбался. Непроходимый ум породил радость, что эти бывалые люди вот так не могут его поделить. Единственное, что ему было неприятным, это псориаз Равиля. Он лихорадочно искал выход.

— Я лягу с земляком... Равиль, с тобой. С грузином не выплусь. Придется всю ночь на боку курить.

Наивные слова опять вызвали в камере волну приглушенного смеха. Опять новенький расценил этот смех, как результат удачной шутки. Впереди была первая ночь в тюрьме.

VI. Прощай, Жмеринка

Жмеринку Франц Бялковский покидал без сожаления, с огромным моральным облегчением. Первая выставка его картин в Черновцах провалилась. Модернистские картины, далекие от сюрреализма, вызвали бешенство у критиков. Авантюра с подменой картин в последний момент ему удалась, но на дальнейшей учебе в художественном училище можно было поставить точку. Что касается его любимого полотна с диким для худсовета названием “Революция на земле глазами марсиан”, — эта картина сыграла решающую роль в его судьбе. Картину изъяли, а его, подающего надежды художника, неделю таскали в КГБ, прежде чем отпустили домой в Жмеринку.

Город жил скучной провинциальной жизнью. Молодые ребята с горячей кровью дурели от скуки. По вечерам неугомонные собирались на пятаке, накачивались дешевым портвейном и отправлялись на вокзал встречать и провожать поезда, видевшие огромный мир. Иногда молодые парни с известного в Жмеринке района, именуемого “Корчевкой”, собирались в

банду и, неизвестно по какой причине, шли бить “угольничких”. Часто на пруду под названием “Позняк” по ночам разыгрывались в самом прямом смысле кровавые баталии.

Дрались чем попало. В ход пускали кулаки, камни, цепи, палки и ножи. Зная всех наперечет, жмеринская милиция на следующий день забирала босяков, и начинались суды и слезы матерей.

Дешевого вина было действительно много. Оно продавалось на разлив и на вынос. В колбах, бутылках, а молдавانه, сопровождающие вагоны, предлагали его хоть ведрами.

Через несколько месяцев пребывания в Жмеринке Франц почувствовал, что деградирует, если не сменит обстановку. Возвращаться в Черновцы и доказывать, что он хороший не было смысла. Подобно персонажу одного из героев Лондона, он бросил в сумку пару белья и задумался: куда ехать? Удь Франц тогда, к примеру, как Михаил Шемякин в Америку, а не в Караганду, он бы избежал множества неприятностей, уготовленных ему жизнью. Пока же Франц Бялковский вышел из плацкартного вагона поезда Москва — Павлодар на перрон карагандинского вокзала.

Устроиться работать на шахту оказалось не таким простым делом. В бюро по трудоустройству не помнили времени, когда из шахт поступали заявки на рабочую силу: “Пройдите по шахтам, порысайте, возможно, какой начальник участка и возьмет”. Франц поблагодарил за полезный совет, и отправился на одну из самых передовых шахт.

Ему “повезло”. К тому времени на тридцать пятой произошел взрыв. Погибли восемьдесят человек. После каждого взрыва проходила волна добровольных увольнений. Начальник участка, широко известный в Караганде немец Штах, ошупал его мышцы и сказал:

— Гут! Сила есть. Пойдешь путевым ремонтником.

И вот клять несет Франца на глубину шестьсот метров. В ушах потрескивает. Все необычно, за исключением родного российского мата и водочного перегара, исходящего от людей в комбинезонах.

Бригадир ремонтников, с красивой фамилией Жемчугов, ведет группу из сорока человек по замысловатому лабиринту куда-то в нутро пласта “Марьяна”. На плечах лопаты, кирки, кайла. Наконец участок подземной железки, подлежащей ремонту. Необходимо сделать подрывку и осадку пути, чтобы вагоны не цепляли кровлю. Пришел десятник, тоже с интересной фамилией, — Горовой. Он разделил бригаду по два человека и каждой паре выделил по одному рельсовому пролету от стыка до стыка.

— Ну, мужики, поехали, — бросил клич маленький “Жемчуг”, и остервенело принялся долбить ломом породу.

Сделать подрывку рельсового звена дело совсем не простое. Особенно, если шпалы покоятся на твердой породе. Несмотря на то, что вентиляция работает во всю уже через двадцать минут, все в бригаде раздеваются до трусов. Когда Франц проходил технический минимум, инструктор показывал разнообразную горную технику. На небольших площадках уголь отгружали маленькие экскаваторы. В забоях звенели горнопроходческие комбайны. Казалось, тяжелый физический труд здесь не имел места. На самом деле... Они работали, как рабы фараона — черные, блестящие в желтом свете шахтерских “головок”¹. Тело Франца налилось свинцом, болела поясница. Несмотря на рукавицы, под тканью на ладонях образовались волдыри.

— Ну и что, мужики, вы так каждый день работаете? — спросил он у сорокалетнего мордвина Василия Тутарева. — За такую работу тысячи нужно платить.

— Какие тысячи!.. После такой работы жить будешь, но спать с бабой не захочешь.

Десятник Горовой приходил каждые пятнадцать минут. С палкой, словно жандарм, он то и дело давал наставления. Был он из породы тех людей, о которых говорят: “Такой в гроб загонит”.

В первый рабочий день Франц увидел, что шахтерам живется совсем не так, как он привык лицезреть с экрана телевизора и узнавать с газет.

Вечером в общежитии он спустился в “красный уголок” посмотреть телевизор. Сказывалась физическая усталость. Тело разламывалось, растертые руки горели огнем. Кое-как он посетил столовую и лег спать.

Потянулись однообразные дни, заполненные изнурительным трудом. Все, что окружало Франца, уже не казалось ему столь экзотическим. Поэтическое воображение, вначале воспринимающее огромные терриконы², как пирамиды, а восточные лица, как нечто пришедшее с полотен Гогена, благодаря тяжелому труду притупилось.

Возвращаться домой он не хотел. Преследование живой мысли на Украине достигло таких размеров, что вернуться для Франца означало одно — предать самого себя. “Лучше вкалывать на этой адской шахте, честно зарабатывая на хлеб, чем выслушивать пошлое сказание взахлеб: “Страна вас кормит, учит, а вы!..”

От родителей из Жмеринки приходило множество писем. Сначала мать, а затем и отец заклинали Франца вернуться. Потрясенная мать никак не могла взять в толк, что ее сын потерял там, в далеких землях. Перед отъездом, когда Франц показал железнодорожный билет и поведал куда он едет, мать воскликнула: “Господи! Когда я училась в школе, туда сослали отца моей подруги. Это так далеко и так страшно!” На поверку оказалось куда страшней жить в центральных регионах страны. В Казахстане дышать было легче. Легче от обилия степных ветров и по причине обдуманной скидки на отсталость народов окраины. Меньше лезли в душу, платили больше, а если человек оступался, попадал за решетку, долго не мучили — в краткие сроки отправляли на безымянные лагерные погосты.

Когда Франц немного втянулся в работу, его здоровый от природы организм затребовал свое. Вечером со своим новым товарищем Валерием Вейсгеймом, токарем завода отопительного оборудования, они выпивали по стакану портвейна и, как большинство молодежи, бесцельно бродили по улицам.

У подъезда, покрытой угольной пылью пятиэтажки, сидели две девушки. Выпитое вино сказывалось, Франц чувствовал себя раскованно.

— Привет, мышки! Вы не нас ожидаете? Давайте выпьем, а затем что-то придумаем, — сказал Франц.

Трезвым, знакомясь с девушкой, Франц всегда чувствовал неловкость. Будучи художником, он, как и большинство людей, обладающих этим даром, имел натуру идеалиста. Он искал ту, которая могла обитать на Олимпе¹ или в глубинах космоса. Но стоило ему прибегнуть к помощи Бахуса², описанное выше качество испарялось, словно вода, разлитая на спираль электроплиты.

Франц женщинам очень нравился. В порывистом, молодом человеке с задумчивыми серыми глазами угадывался страстный, утонченный любовник.

Несмотря на опьянение, Франц не терял галантности. Впрочем, для девиц подобного рода галантность и острота ума были не что иное, как обстоятельства, приводящие в смятение.

Валерий Вейсгейм в обществе девушек мгновенно терялся. Чем это объяснить, Франц не знал. Оставалось лишь догадываться, делая выводы из рассказов Вейсгейма о его детстве и юности. Его отец систематически избивал мать. Вплоть до совершеннолетия он был буферной зоной, защищая мать от зверств отца. Детства и юности не было. Отсюда замкнутость, стремление к одиночеству.

В кафе они не попали. Распить купленное вино оставалось только в подъезде. Когда они вошли в освещенный подъезд, Франц внимательно рассмотрел ту из девушек, которая представилась Наташей. Девушка оказалась потрясающе красива. Огромные, миндалевидные глаза были теми глазами, которые с детства грезились художнику, о которых он тайно мечтал. Ее лицо смело можно было назвать классическим. Франц понял: перед ним не знающий себе цены самородок. Незамеченной такая девушка могла оказаться только в глубинке огромной страны.

Они поднялись на лестничную площадку третьего этажа и распили первую бутылку. Где-то этажом или двумя выше веселилась такая-же неприкаянная компания. Сквозняком принесло запах дыма с примесью конопли. Девушки оживились.

— Эй, Тагир, это ты там наверху? Валите сюда, курнем вместе!

Сверху ответили:

— Лорка, что ли... Поднимайтесь к нам, забьем по косячку.

Они поднялись. На площадке четвертого этажа, прислонившись к стене, стояли два парня.

— Познакомьтесь, это Тагир и Фуат с нашего микрорайона.

Парни были двоюродными братьями. Высокого роста, с крючковатым носом Тагир и худой, вертлявый Фуат.

— Ты откуда, земляк, мы что-то раньше тебя здесь не видели.

— Я приехал с Украины недавно, пару месяцев назад.

— С какого города?

— Есть такой городишко на юго-западе Украины. Называется Жмеринка.

— Ты серьезно из этого города? — Фуат ударил Франца по плечу. — Из твоего города со мной пацаны служили.

Отличные ребята.

Контакт был установлен.

Марихуану Франц пробовал впервые. Из носка Тагир вытащил целлофановый пакет, из которого извлек темно-коричневый шарик спрессованного зелья. Комок тщательно раскрошил и смешал с табаком. Они пустили “косяк” на пятерых.

— А теперь держи, Франек, “пяточку”, — протянул Тагир папиросу, в которой оставалось на несколько затяжек.

Франц хотел отказаться, но последовавшие слова показали, что этим ему оказали честь.

— Держи, держи, это самый кайф. “Пяточка” не каждому фраеру достается.

В следующие минуты Франц почувствовал, как его мысли завертелись в бешеном водовороте, а ноги парализовала неведомая сила.

VII. “Невинные” развлечения

Возле унитаза на цементном полу сидели двое из касты отверженных. У них даже не было матрасов. Вот так час за часом, день за днем, месяц за месяцем эти мученики сидели и ожидали своей участи. В тех камерах, где под нарами валялись клоки ваты и обгорелые куски матрасовки, им удавалось поспать “с комфортом”. Но в большинстве камер, и в этой в том числе, цемент под нарами был покрыт лужами.

Новичок лежал на самом краю верхнего яруса, пытаясь отодвинуться от Равиля. Покрытый чешуей псориаза уголовник в самом деле походил на страшного паука. Его пальцы ощупывали тело новенького, вызывая страх и отвращение.

— Ты, Валек, не переживай, придем на зону, будешь возле меня в кочегарке работать. Вместе жить будем, — шептал на ухо все больше прижимаясь к нему уродливым телом.

Камера не спала. Все ждали финал, нисколько не сомневаясь в способностях рецидивиста и слабости духа новенького. Когда отодвигаться было уже некуда, Валентин зашептал:

— Равиль, давай заканчивай, я не такой!

После неуверенных слов раздался зловещий голос:

— Если ты меня не слушаешь, я тебе сейчас кадык вырву.

Он схватил скрюченными пальцами Валентина за горло и надавил.

— Запомни, змей, я сижу за пять убийств. За тебя мне треху добавят, ни х... больше.

— Не нада... кругом не спят, — упавшим голосом выдавил Валентин.

— Да ты чё! Все давно уже дохнут¹... Не бойся, возьми в руку!

В камере стояла гробовая тишина. Глаза у всех были открыты.

— Так, хорошо, — шептал Равиль. — А теперь давай я тебе заеду.

— Хватит, Равиль, давай завтра, хватит, — упрашивал тот. — Я больше не хочу.

— Молчи, змей поганый, убью! Ближе подвинься!

Новенький, побелев, как полотно, опять повернулся к татарину спиной. В следующий момент раздался лязг замка. Железная дверь открылась. В камеру с матрасом под мышкой вошел грузный мужчина восточной национальности. Это был Константин Харасанов.

— Равиль, завязывай, успеешь его зафаловать?, — сел на нару Калуга, и все в камере, словно по волшебству, последовали его примеру. На какое-то время дрожащий новичок получил отсрочку “приговора”.

— Что-то ты для этапа запоздал, земляк. Откуда привели, с карцера, что ли? — уставился на Харасанова Калуга.

У Константина болела спина. Прежде, чем бросить его в “пресс-хату”, его умышленно держали в “стакане” — металлическом ящике, где пространство позволяет находиться только в сидячем положении.

Желание администрации расправиться с Харасановым руками уголовников было столь большим, что время подсадки в камеру затянулось до глубокой ночи. Ночью надзор ослабевал и многие неугодные лишались жизни. Ответ Харасанова прозвучал неубедительно:

— Сначала был у следователя, а потом держали в “стакане”.

Калуга ослабился, сверкая рандолевыми зубами.

— Да кто тебе поверит!? Ты, видать, “ломанушка” или “петух”! Говори сразу, узнаем, будет х...о.

Вывдигать подозрение такого характера, не имея на то основания, во всех тюрьмах и лагерях считается прямым оскорблением. Харасанов понял, что в этой камере до утра ему не дожить. Через час по тюремному “телефону” они узнают, что он бывший майор милиции и уже к утру начальник тюрьмы проверит качество его гроба. Харасанов, как леопард, метнулся к Калуге и нанес сильнейший удар кулаком в челюсть. Удар отбросил Калугу на лежавшего рядом Равиля.

— Эй, орелики, а я при чем!?

В следующее мгновение Константин стащил Калугу с нары и с холодной жестокостью стал избивать ногами.

— Ты чё, змей, делаешь?.. У-у-у, не бей!.. Я же пашутил!

За Калугу никто не заступался. Каждый из уголовников в душе ликовал.

— Я тебе, падло, кадык вырву!.. Кто петух? — цедил Харасанов, продолжая пинать Калугу.

Один из ударов пришелся по затылку. Калуга потерял сознание.

— Ну, кто еще хочет? Может ты, старая вешалка? — он по-блатному ткнул пальцами в подбородок пытающегося казаться равнодушным Равиля.

— Э-э-э, земляк, ты не путай, — закричал старый рецидивист. — Ваши дела — разбирайтесь сами.

Калуга в сознание не приходил.

— Приехал земляк. Да ты, кажется, его кончил! Ништяк, теперь пойдешь по 88¹ статье, — сказал кто-то в камере.

Дверь со скрежетом распахнулась. Те, кто был за дверью, явно следили за происходящим. Но в жуткой тесноте и при плохом освещении ход событий прапорщиками был прослежен неправильно. Ожидая увидеть убитого Харасанова, они увидели на полу хорошо известного в тюрьме Калугу.

— Кто бил?.. Кто?! Ага, убили! Пойдешь на вышку! — осмыслив происшедшее, набросились они на Константина.

Харасанов не думал сопротивляться. Они заломали ему руки, потащили к выходу.

Неожиданно из глубины камеры к выходу метнулся новенький. Выпучив глаза, разорвав на груди рубашку, он истерически закричал.

— Заберите меня отсюда! Они меня хотят опедарастить! Суки, гады! Заберите меня отсюда!

Его вытолкнули вместе с Харасановым в коридор. На тюремной галерее их сковали наручниками и повели к офицеру ДПНСИ.

Дежурный помощник начальника следственного изолятора от злости покусывал губы: “Опять не получилось. С ним необходимо быть поосторожней. У этого человека сила духа и сила физическая сочетаются необычайно. Какого черта с ним возятся?! Скорее бы осудили и увезли в зону. Пусть там строчит жалобы.”

— Снимите с них наручники. Вот вам, Харасанов, ручка и бумага. На этот раз вам придется писать не жалобу, а объяснительную. Напишите подробно, за что вы убили Мартынова.

— Послушай, майор, — Харасанов рассмеялся, — не бери меня на пушку. Он жив. Не забывай, что я двадцать лет проработал в милиции.

— Ладно, ладно, — ухмыльнулся дежурный, — ну, избил, нанесли тяжкие телесные повреждения. Впрочем, это мы еще выясним. А ты, Корольков, — жестким голосом обратился к Валентину, — пиши, кто именно к тебе приставал с попыткой принудить к мужеложству.

— А чё писать?.. Я его фамилии не знаю, я т-т-только знаю, — сказал заикаясь, — его зовут Равиль.

Майор из письменного стола вытащил ящик с картотекой.

— Этот?

— Т-т-точно, он самый.

— Н-н-нда, — майор опять ухмыльнулся. — Хабибулин в своем амплуа. Не вылезит с “особняка”, а успокоиться не может. Пусть они пишут, — обратился к прапорщикам, — а я в санчасть.

Через десять минут он возвратился. Объяснительные были готовы. Майор бросил их в ящик стола.

— Харасанов, собирайтесь, сейчас пойдете в другую камеру.

VIII. Встреча с монстром

“Натали, Натали, как вас любил поэт. Тысячу лет подарил поэт вашей красе, Натали!” Да, именно так! А старина Хэм¹ говаривал, что на востоке миллионеры имеют своих агентов, которые из глубинки поставляют для них красавиц. Самородки, как правило, водятся в глуши. В правильности этих слов довелось убедиться и Францу Бялковскому.

Ее тело было столь гармоничным и грациозным, что Франц просто не мог поверить. Откуда в западном Казахстане появилась эта редчайшая классическая красота!?

Франц и Наташа быстро сблизились. Мать Наташи и отчим часто уезжали. Квартира оставалась в их распоряжении. Наташа была темпераментной и нежной. Целыми днями они валялись в постели. Как всякий художник, он подолгу любовался ее совершенным обнаженным телом и впервые ощущал соприкосновение с вечно таинственным и прекрасным космосом. Он знал, что подобное выпадает не каждому мужчине — любить, и главное, получать взаимность не от мнимой красоты, а настоящей.

Когда возвращались родители и страсть утолить было невозможно, для них оставался подъезд и поцелуи. Только тогда, когда терпению наступал предел, Франц уводил ее в степь и на жухлой траве они гасили огонь молодости.

В один из таких вечеров на лестничную площадку в очередном подъезде вышел невысокого роста подвыпивший мужчина.

- Откуда ты родом, парень? По базару вижу, не местный.
- С Украины. Приехал из города Жмеринки.
- Живешь, видать, в общаге?
- Где же еще? Квартиру пока не заработал.

Лицо незнакомца периодически озаряла странная улыбка, в которой принимали участие в основном тонкие, бескровные губы. Нос у незнакомца напоминал перетянутой хоботок какого-то отдаленно знакомого животного, и так же как губы отливал белизной.

— Проходите в квартиру, молодые люди, посидим, поговорим. У меня жена тоже с Украины, из Харькова. Мы в разводе.

Холостяцкая квартира была по советским понятиям огромной. Четыре комнаты дышали запустением. Кухонный стол уставлен бутылками из-под дешевого портвейна. В раковине громоздилась грязная посуда, валялись горелые спички и окурки.

Они выпили. Франц поведал неудобства жизни в общежитии.

Безапелляционным тоном Сотников Алексей заявил:

— Будешь жить у меня. Я постоянно в командировках. Места навалом.

Эту летнюю ночь они коротали в степи, а на следующий день Франц перебрался жить к Сотникову.

Когда Сотников отсутствовал, для них наступал нескончаемый праздник любви. Но когда хозяин приезжал, в квартире начинались пьяные оргии, в которых принимали участие люди совершенно озверелые из-за бессрочного пребывания в степи на стройках пятилеток.

Молодость Франца и красота Наташи вызывали зависть. Франц и Наташа все чаще слышали в свой адрес пошлые, циничные шуточки, при появлении в зале — идиотские перемигивания.

В меру возрастания опьянения положение начинало меняться.

— Эй, Франц, мы слышали, что твои предки были поляками? — разговор затеял сам хозяин квартиры, который, как Франц уже убедился, был человеком завистливым и злобным.

— Да, мои дед и отец поляки... Ну и что?

— А то, — неожиданно вскочил с налитыми кровью глазами Сотников, — что поляки убили моего отца!

Совершенно неожиданно Сотников подскочил и ударил Франца кулаком в лицо. Собутельники его поддержали, Франц получил еще несколько ударов.

Вытирая с лица кровь, Франц выскочил в прихожую, где столкнулся с Наташей.

— Что случилось, что!? — чисто по-женски допытывалась она. Он взял ее под локоть и насильно вывел в подъезд.

— Уйдем отсюда. Эти скоты перепились. Завтра я с Алексеем побеседую, а эту ночь переночую в общаге.

На следующий день Франц пришел к Сотникову. Тот лежал на диване, обхватив голову руками. Собутельников не было. Не говоря ни слова, Франц начал собирать свои вещи.

Сотников, бледный как полотно, подошел к Францу.

— Франек, ты куда? Брось обижаться. Пойми, жизнь у меня, как у собаки, нервы сдают.

— Это не повод, чтобы прыгать с кулаками и натравливать своих бичей. Я не знаю, что тебе сделали поляки, но лично я ничего плохого не делал. Какого черта ты меня приглашал к себе жить?! Узнав твой характер, я понимаю почему от тебя ушла жена.

— Франек, не уходи. Даю тебе слово, что такое больше не повторится.

— Ладно, посмотрим. Но запомни, в следующий раз на меня кинешься — я из тебя сделаю отбивную.

Они помирились, и это примирение было величайшей ошибкой художника. На следующий день Сотников уехал на строительство. Больше месяца Франц и Наташа прекрасно проводили время. Сотников нагрянул неожиданно с друзьями и полными сумками вина. К Францу он обращался заискивающе, что всегдастораживает человека мало-мальски умудренного жизнью. Так на первых порах облекается коварство. Где-то за полночь пьяная компания убралась. Вскоре Сотников возвратился и постучал в дверь комнаты, где находились Наташа и Франц.

— Франек, внизу возле подъезда гуляют твои друзья, просили, чтоб ты вышел.

На улице, в свете фонарей Франц огляделся. Никого не было. В груди проснулось нехорошее, тягостное чувство. Перепрыгивая через ступени, он быстро поднимался на четвертый этаж. Уже на втором этаже он услышал отдаленные крики.

— Отпусти, гад!.. Франц!.. Франц!.. Отпусти, животное!..

Дверь оказалась запертой изнутри. Несколько ударов кулаком ни к чему не привели. Франц с разбегу методически стал вышибать дверь плечом. После серии ударов раздался треск. Еще удар, и дверной косяк вылетел вместе с замком. В освещенном зале на проходе в спальню он увидел картину, которая никогда не исчезнет из ячеек его памяти. Голый Сотников с разбитым лицом занес топор над головой обнаженной Наташи.

— Не подходи, зарублю!!! — рычал он.

В его глазах Франц увидел злобу и испуганность человека, жаждущего пролить кровь. Франц понял: если не отступить — это значит погубить Наташу. Он сделал шаг назад. Рука Сотникова обмякла. Но, подталкивая ее к выходу, держа заложницей, он продолжал размахивать топором над ее головой. Шаг за шагом они оказались на лестничной площадке.

— Изрублю и пинками сброшу с этажа куски мяса, — рычал Сотников. Через мгновение он резко вытолкнул девушку на лестничную площадку.

Франц выжидал, когда Сотников отпустит Наташу. Прыжок — и лампочка с обрывком провода оказалась в руках Франца. Обрывком импровизированной плети он молниеносно хлестнул Сотникова по лицу. Через мгновение Сотников орал благим матом. Рука, в которой он держал топор, трещала на колене Франца.

— У-у-у!.. сломал руку, падло... отпусти!!!

Остервенелый от бешенства, Франц поставил Сотникова на ноги и, не отпуская, методически бил кулаком по лицу.

Злость постепенно утихла. Отбросив Сотникова, который мешком свалился в прихожей, Франц снял с вешалки плащ и отдал Наташе. Набросив плащ ей на плечи, он повел ее к знакомым.

Ночью Франц не сомкнул глаз. То, что произошло, повергло его в глубокую, еще не испытанную в жизни депрессию. Этот черный, преступный город подарил ему любовь, и в то же время нанес страшный удар. Наташу изнасиловали, в этом есть и его косвенная вина. Эта мысль сводила с ума.

Она его не обвиняла. Когда они прощались, она, словно слепая, устремила взгляд в пространство, а из глаз бежали слезы.

Как только забрезжил рассвет, Франц оделся и покинул общежитие. По дороге в микрорайон, где он оставил Наташу, ему встретились братья Тагир и Фуат. Он поздоровался, но, не желая вступать в разговор, быстро прошел мимо.

— Падажди, земляк. Кажется, тебя зовут Франц?.. Ну, ты в натуре разогнался, давай побазарим.

Франц остановился. Высокие, стройные, с лицами украшенными орлиными носами, они принадлежали к тем типажам, которые понимающие люди называют уголовными. Оттопыренные маленькие уши подтверждали это сходство.

— Я, парни, спешу.

— Ночь закончилась, куда спешишь? — осклабился Тагир.

Второй разразился неприятным смехом и многозначительно добавил:

— А волка ноги кормят в основном ночью. Послушай, Франц, я хотел тебя спросить: ты что, по национальности поляк?

— Опять двадцать пять, — не сдержался Франц, — угадали, я поляк. Предки — переселенцы из Польши.

— Ништяк!.. Так давай выпьем по этому поводу. Бябки у нас есть, мы угощаем.

— Нет, парни, я спешу к девушке. Есть крупные неприятности. Давайте в другой раз.

Они переглянулись.

— Ну, ты даешь! Мы же тебе поможем. Нас в Караганде каждая собака знает. Давай, давай, рассказывай!

Франц не выдержал и рассказал о случившемся.

— Да ты что, в натуре говоришь правду? Да ты нам его, козла, покажи, мы его на х... оденем.

— Нет, парни, я с ним сам разберусь. Если Наташа захочет, пусть заявит, держать я ее не стану. А пока мне нужно забрать у него документы. Паспорт там остался.

Фуат и Тагир оживленно загалдели, давая советы. Их участие вызвало у Франца невольное уважение и благодарность.

— Короче так, Франек, ты нам не перечь. Сейчас зайдем в столовку, там уже для шахтеров открыли, закусим, бухнем¹ по стакану и вперед. Ксиву² обязательно тебе нужно сегодня забрать. Короче, если чё — мы тебе поможем.

Они зашли в столовую. Там уже во всю продавали дешевый портвейн. После первого стакана плотину сдерживаемой злости в груди Франца прорвало. “А они, оказывается, хорошие собеседники и отличные парни”. Они выпили еще.

В девять утра Франц, Тагир и Фуат подошли к дому Сотникова.

— А вот, парни, и он сам, возле овощного киоска. Вы не подходите, я сам разберусь.

— Да чё с ним разбираться, лекции читать? Может, еще портрет с него нарисуешь? — скривил Тагир губы в ехидной улыбке.

Франц понял: в душе они считают его никчемным интеллигентом.

Сотников, увидев Франца, зашел за киоск и прислонился спиной к металлической обшивке.

— Чего тебе нада?!! Сейчас возьму топор и отрублю тебе...!

Докончить знакомую тираду Франц ему не дал. Ударом кулака в челюсть он сбил его с ног.

— Где паспорт, гад?.. Отдавай паспорт!

— Забери в заднем кармане, — мгновенно став сговорчивым, прохрипел Сотников.

Собирались люди. Сотников не поднимался. Франц вытащил из заднего кармана Сотникова свой паспорт и хотел уйти.

— Не будь быком, дай ему пару раз под яйца, — схватил Франца за рукав Тагир, и с остервенением ударил Сотникова ногой в бок.

— На, козел, заполучи! Еще заполучи!

Фуат кружил рядом с Тагиром, выскивая уязвимые места на теле Сотникова, бил с явным садистским наслаждением.

— Х-х-х-ха!!! Х-х-ха! — молотил поочередно то одной, то другой ногой в живот.

Попытки Франца их унять наталкивались на матерщинную брань.

— Пошел вон, студент! Пашел, или мы и тебя отоварим!

Озверелые, они почуяли запах крови, который полностью затмил голос разума. Избиение носило явно садистский характер, и только тогда, когда из толпы разбушевавшихся женщин раздался пронзительный крик: “Прекратите! Милиция идет!”, братья, забыв о Франце, перебежали через железнодорожное полотно и скрылись среди домов частного сектора.

IX. Неожиданная помощь

Эта камера была одной из самых больших камер карагандинской тюрьмы. Подавленные люди закомплексовано жались к серой стене. Камерная элита, как всегда, проводила время в перебирании четок и “философских” беседах, смысл которых сводился к поучению новичков.

Пятьдесят пар глаз настороженно встретили вновь прибывших. Харасанов был уверен, и не ошибся, что из этих пятидесяти человек есть люди, которые отбывали условный срок в “его” комендатуре. На этот раз Харасанова бросили на общий режим. Убедившись, что многие из старых рецидивистов не хотят приключений, администрация предприняла еще один шаг. На общем режиме всегда царил беспредел: молодые “бычки”, попав за решетку, корчили из себя строгих поборников уголовных законов.

Плотно скроенный парень вихляющей походкой подошел к Константину.

— Пацаны, я балдею, вы знаете кого к нам забросили? — он изумленно посмотрел на окружающих, — мента к нам падкинули!!! Да это же Харасанов, начальник спецкомендатуры Ленинского района! Майор милиции!

Камера ухнула. словно зомби из-под эковского тряпья вылезли озлобленные люди и уставились на Харасанова колючими глазами.

Харасанов понял, что это конец. У многих в руках блестели полоски отточенных супинаторов. Валентин прижался к стенке и твердил:

— Ребята, я его не знаю, нас просто вместе привели.

Харасанов лихорадочно искал выход, но в подобном положении он был один — “выломиться” из камеры. Впрочем, это был не выход. Прапора наверняка ушли пить чай.

— Ну, давай, Андруха, ты его узнал, — ты и завали. Мы тебе поможем, — крикнул стриженный верзила опознававшему.

Харасанов приготовился отразить удар, но в последний момент раздался повелительный голос с акцентом.

— Эй, земляки, па-да-жди... Падажди, так не пойдет!!!

Между Харасановым и толпой встали два азербайджанца.

— Мы земляка в абуду не дадим. Вы не знаете какой он был мент. Он пацанов с химия савсем атпускал. Толик атпустил, да?! Саша атпустил, да?! Петя Терешок атпустил, да?! Если его завалите — Терешок на тюрьма письмо пришлет, вам хана будет!

Слова, сказанные маленьким, худосочным азербайджанцем, сделали свое дело.

— Ну ты, Мамед, даешь! Чё, сразу не мог сказать, что он мужик путевый? Если Терешка отпустил, тогда другое дело.

На первых порах Харасанов был спасен. Случись подобная ситуация на “строгаче”, исход был бы совершенно другим. Там после таких слов всегда один ответ: “Гасись, мужик! Где ты видел хороших ментов? Мент есть мент!”

Земляки выбили для Харасанова место на втором ярусе. Вечером, в качестве превентивного лечения, один из земляков “упал” на решетку и затараторил в черные квадратики окна:

— Турмушка, турмушка, Харасанов знаешь, да? Ништяк мужик, да? Помогал Терешок из седьмой микрорайон. Кто может, передай на воля Терешок привет от Харасанова. Будет посыльняк и поддержка!

Таким образом, сведения о милицейском прошлом Харасанова фактически из камеры не просочились. Подобных фамилий в огромной тюрьме было десятки. Что касается уже известного Валентина, при упоминании его фамилии произошел тот самый случай, который заставляет людей в определенный момент жизни поверить в злой рок, судьбу и другие мистические вещи. Клевета не заставила себя долго ждать. Молодой голос откуда-то из неведанных недр тюрьмы пронзительно зазвучал...

— Гаварит малолетка! Га-ва-рит ма-ло-лет-ка! Гаваришь, Валентин Корольков? Знаем Королька, он с малолетки кругляк и стукач, пацанов вкладывал... долбите его!

Валентин пытался оправдаться, но его никто не слушал. Удар в челюсть свалил его на пол. Под всеобщие крики “глохни, пидар!”, он потащился в угол, где прикидывались спящими двое несчастных.

На вечернюю проверку вместе с прапорщиками пожаловал сам ДПНСИ. В первую же минуту он пытливым взглядом прощупал разношерстную толпу, а завидев Харасанова, не смог скрыть разочарованного выражения лица. Последующая тирада, отпущенная в камеру, явно носила двойной смысл.

— Вот вы без чифири жить не можете, все одеяла пожгли. А как вы его пьете... с сахаром. Все понятия растеряли. Разве старые эки пили чифирь с сахаром? Кстати, Харасанов, как у вас дела, никто не обижает?

Намек остался понятным, но земляки слова, сказанные офицером, обратили в пользу Константина.

— Был бы он настоящий мент, ани бы на него бочка не катил. Ани знают, что Харасан атпустила Терешок.

Примитивная ложь сместила Константина. Честно говоря, на свободе он, интеллектуал, был далек от какого-либо участия в жизни вверенных ему эков. В спецкомендатуре он почти не бывал. Всю работу проводили офицеры-отрядники, большинство из которых упивались властью над людьми. Никакого Терешка, авторитета карагандинского уголовного мира, он не знал. Но землякам, фактически его спасшим, был искренне благодарен. Эти люди, бывшие в огромной стране негласно на положении людей второго сорта, осознавали, что они меньшинство и самоотверженно, с риском для себя, вытягивали падающих в бездну земляков. О русских, украинцах, белорусах, к сожалению, этого нельзя было сказать. Моделируя государственную власть в тюрьмах и лагерях, они неосознанно продолжали политику правящего класса: исполняли роль цепных псов, не щадящих даже своего брата славянина.

На свободе у Харасанова было занятие поинтересней, чем ковыряться в жизни этих исковерканных судьбой людей. После того, как у себя дома, в Баку, его друг, начальник милиции одного из районов города, подарил ему новенький японский ксерокс, жизнь его резко изменилась. Сначала были книги известных диссидентов, которые имели огромный спрос на “черных” рынках городов Казахстана, затем пошли дипломы вузов, водительские права и масса другой документации. Продукцию скупали надежные агенты. Деньги плыли, текли, бурлили, как сибирские реки. Часть денег он сумел поместить в зарубежные банки, другую часть распихал по многочисленным тайникам страны. Насколько гениально был поставлен бизнес, настолько же банально провалился. Один из агентов по продаже дипломов свалился в стельку пьяным неподалеку от известного в городе ресторана “Орбита”. Элегантного мужчину повезли в вытрезитель, где у него из карманов изъяли пакеты с дипломами. Началось следствие. Молодая жена Харасанова, которая имела хороший почерк и порой заполняла фальшивые документы, продала его, как говорят, с потрохами. Прихватив с собой деньги, использовав его связи, она успела сбежать за границу. В итоге он остался один за стенами печально известной тюрьмы страны.

Приобретенные на воле барские замашки здесь, в тюрьме, воспринимались однозначно — враждебно. В этом, по сути дела, не было ничего удивительного. Чувство комфорта этим людям было так же известно, как, скажем к примеру, эфиопу верхоянские морозы.

Немного освоившись в душевной камере, перед сном Константин раздевался догола. Это сразу заметили. Посыпались колкости.

— Земеля, ты случайно на воле не был голубым?.. Если что, прыгай ко мне... Адин раз не пидерас!

Пришедший с малолетки борзачек схватил край замусоленного одеяла и потянул на себя. Посыпались сальные шутки. Крепко скроенный Филя продолжал стягивать с Константина одеяло. Харасанов спрыгнул с “вертолета”¹.

Все в камере были уверены, что грузный азербайджанец не устоит перед сгустком молодой энергии. Молниеносный прыжок Харасанова решил исход боя в несколько секунд. Неуловимым движением Константин схватил Филю за шею и защелкнул “английский замок”. Раздался хруст шейных позвонков. Еще движение, и он бросил противника через бедро. Оскалив зубы, широко расставив ноги и руки, он стоял в позе греческого борца.

— Ну, кто следующий, падахди!

Камера подавленно молчала. Такой прыти от мента никто не ожидал. Один из авторитетов деланно весело сказал:

— Ого, да ты, пахан, приемы знаешь, — и тут же многозначительно добавил, — но не забывай: против лома нет приема... Хорошая заточка — и ты жмурик².

Это Константин знал. Знал он и то, что в этих стенах страх, как и сила, является основным аргументом в решении любого спора.

— Запомните, орелики, у меня черный пояс. Если мне будет нада, я с любого спрошу.

С питанием в камерах общего режима было получше. Этих заключенных на воле еще помнили. В камеру ежедневно приносили передачи. После инцидента с Филей Харасанову опять пообещали добавить три года за нанесение тяжелых телесных повреждений. В другую камеру его не перевели. Чем это объяснялось он понять не мог.

Некоторые камеры с особого разрешения администрации выводили на работу. Заключенные не покидали территорию тюрьмы. В подвальных этажах тюрьмы находились рабочие камеры. Там сколачивались ящики, клеились коробки, выполнялась другая несложная работа. В таких камерах заключенные обменивались новостями, приобретали чай, водку, супинаторы и анашу. Если для обычных заключенных вывод на работу являлся отдушиной, то для тех, кто терпел от клеветы или был в чем-то виновен, вывод на работу часто имел трагический исход. Если состав камер не смешивался во время ввода в рабочую камеру это происходило в каждую пятницу при посещении тюремного кинотеатра. В подземелье собиралась куча народу со всех режимов. Более удобного места для сведения счета невозможно было представить. К тому же в гигантской камере тушили свет. Оставалось только наметить жертву и выбрать палача.

После обеда открылась кормушка и прапорщик крикнул:

— Камера тридцать пять, на выход!

Земляк скороговоркой шепнул: “Не ходи, брат, они и камеру нашу включили в рабочую, чтоб выдернуть тебя на кодыак!... закоси большим”.

— Эй, начальник, я не пойду. Болит живот! — крикнул Харасанов.

У них все было продумано и подготовлено. После слов Константина два крепких “дубака” подскочили к нему и, заламывая руки, поволокли к выходу.

— Давай, давай на выход! Одному оставаться не положено! Может ты повеситься хочешь, а нам за тебя отвечать!

Земляки сделали попытку прийти на помощь.

— Командир, мы тоже остаемся... чем-то траванулись.

— Вы чё, суки, специально!? — прапорщик выпучил глаза. — Тогда вся хата останется, а завтра доложу, чтоб вас больше на работу не выводили.

Старый, испытанный метод сработал как всегда мгновенно. Сокамерники озлобились.

— Харош дуру гнать! Из-за вас мы терпеть не будем! Все — так все! Адин раз в кино разрешили, а они всех подставляют!

Когда он вошел в импровизированный кинотеатр, еще горел свет. Серая масса восседала на длинных лавках. “Человек сто будет, — прикинул Харасанов. — Сейчас начнется”.

— Привет, братаны... вы с какой хаты? — раздался крики.

— Хата тридцать пять, обшак!

— Ништяк, пацаны, Храма у вас не сидит?

— Не-е-е, такого нет!

— Братаны, у вас, случайно, не обиженка?

— Ты чё, сука, буровишь, сматри, ответишь!

— Чего тут атвечать! Вон среди вас Харасан, мент поганый и живой. Харасан, сука, мент из комендатуры!

Старый эск, казах, из переднего ряда, в до блеска начищенных сапогах, прыгнул на Харасанова, пытаясь ударить ногой в живот. Коротким взмахом правой Константин по рукоятку вонзил в сапог отточенную заточку. Казах заорал. В следующее мгновение Харасанов схватил лавку, стоящую у стены, разбил ее о цементный пол и деревянным брусом оглушил двоих, что стремительно неслись, размахивая заточками.

Началась неразбериха. Озверевшая толпа смешалась. В каком-то исступлении заключенные кололи друг друга. Через минуту в подземелье стоял сплошной вой.

И все же среди перекошенных, однообразных лиц он распознал лицо конкретного убийцы. Словно стервятник тот кружил возле него, перепрыгивал через лавки, выбирал мгновение, чтобы ударить. В его руке было не короткое перышко супинатора, а сверкающий, длинный трехгранник, который мог быть только подарком “хозяина”.

Удары сыпались отовсюду. В момент, когда кто-то невидимый прыгнул ему на спину, трехгранник вонзился в плечо. Не обращая внимания на боль, Константин перехватил руку, сжимающую заточку, у запястья. Указательным и большим пальцами левой он впился тюремному киллеру в кадык и рванул! В зажатых пальцах оказался клок окровавленного мяса. Многие годы тренировок не подвели. Киллер бился в конвульсиях. В подземелье продолжалось побоище. На полу уже валялись несколько трупов. Зажимая рану шарфом, Константин увидел как открылась железная дверь и камера стала заполняться вооруженными солдатами. Приписав случившееся бунту, администрация вызвала солдат из охраны. Началось жестокое избивание заключенных.

Казалось, от острой боли нет спасения. Два солдата склонились над ним и, не обращая внимания на ранение, колотили дубинами по голове. Затем окровавленному Харасанову одели наручники и выволокли из камеры.

Х. Загубленная душа

Сознание возвратилось. Вейсгейм открыл глаза. Все те же испещренные матерщиной стены, тусклый свет, цементный пол. Нар в камере не было. Он лежал на блестящем, отшлифованном неизвестными мучениками, бетоне.

Тошнило. Болела голова. Там, за стеной и железной дверью, раздавались истерические крики истязаемого человека.

— За что... у-у-у-у, за что!? Дайте адвоката!

Валерий все вспомнил. Страх не было. В груди опять зажглась граничащая с безумием ненависть.

Он вскочил на ноги. Перед глазами пошли радужные круги. Кое-как опираясь на стену, прежде чем упасть, он успел ударить ногой в железную дверь.

— Открывай, суки, за что держите?!

— Очухался? Можешь себя поздравить. За оказанное сопротивление милиции при исполнении служебных обязанностей три года у тебя уже есть. Вот санкция на арест.

Он поднялся на колени и плюнул в склоненное лицо Лежнева.

Удар ногой в лицо отбросил его к стене. На этот раз сознание не ушло, но рот наполнила каша поломанных зубов перемешку с кровью.

— Чего ты, шенок, добиваешься? Думаешь, это тебе в общаге перед друзьями вые.....? Мы у тебя здоровье заберем и скажем, что так было. Правда, Векслер?

— Точно, Сашок, зачем ему, такому быку, жить на свете? Хорошим людям не хочет помочь.

Векслер, несколько с опаской, склонился над Вейсгеймом.

— Будешь сознаваться?

— Это вы-то хорошие люди?

Он сел, упираясь спиной о стену.

— Откуда вы вообще взялись, гады поганые, кто вас наплодил!?

— Смотри на него, Сашок, у него, оказывается, философский склад ума. Прими это к сведению. Философов нужно бить по печени и почкам. Говорят, они очень любят жаловаться.

Лежнев тут же ударил Валерия носком ботинка в бок.

— Ох!

— Ну, ладно, до вечера хватит. А ночью мы тебя и вые..., и высушим. Если не подпишешь, — будешь доживать свои дни вместе с педерастами.

— Хи-хи- го-го-го — поддержал Лежнева Векслер. — Это ты правильно сказал. Ему там самое место.

Еду и питье ему не давали. До вечера он пробыл в глубоком оцепенении. Поздно ночью они опять заявили к нему.

— Ну, что, орел, надумал сознаваться?

Ответ был неожиданным.

— Давайте ручку, бумагу — подпишу.

— Вот это уже другое дело. Зачем было ломаться? Ты, думаешь, мы звери, ничего не понимаем? Нет, Валерчик, мы тоже люди. Но, пойми, с нас спрашивают, и мы тоже спрашиваем. Что такое три года? Ха-ха! Три года можно простоять на одной ноге. Разве это срок?

Не читая, Валерий Вейсгейм подписал сфабрикованное признание в кражах. Его упрямство было сломлено.

В том, что они ему повредили внутренности, Валерий Вейсгейм не сомневался. Приступы кашля сопровождались обильным кровохарканьем. Безучастный ко всему он лежал на нарах и вспоминал своего брата, умершего год тому назад от рака крови. Несмотря на то, что они с отцом находили желающих за деньги сдать пункцию, брат умер. Теперь очередь за ним. “Откуда такая закономерность. Почему род исчезает с лица земли?”

Отца он не любил. Грубый и жестокий, тот терроризировал семью и только перед лицом смерти, забирающей близких, вспоминал о Боге. Вряд ли он до конца понимал, что именно за его грехи, в первую очередь, страдают его дети.

О матери Валерий старался не думать. Мечтательная, терпеливая киргизка, она, в его понимании, была кротким ангелом, который по необъяснимым причинам шел рука об руку с человеком, вмещающим в себе больше дьявола чем Бога.

Он понимал, что умирает. Умирает дико и бесталанно, как вот уже многие годы умирают оступившиеся молодые люди в его стране.

Прежде чем забросить его в эту больничную камеру-палату, они сводили его на суд. Непонятной национальности вертлявый прокурор, коверкая текст обвинительного заключения, в завершении речи несколько раз повторил: “Ана систематически варавала. Я настаиваю на пять лет строгий режим.”

Защитником на этом, так называемом процессе, была молоденькая казашка — стажер, которая, в свою очередь, ограничилась фразой, прозвучавшей словно выстрел в небесную бездну: “Ана совсем больной. Мы просим снисхождения.”

Суд удовлетворил требования прокурора, подписав тем самым Вейсгейму смертный приговор. Его увезли в тюрьму, где, по величайшей милости, он был помещен в тюремную больницу.

XI. Ненависть порождает ненависть.

Вслед за этим идет смерть

На железной койке рядом с Харасановым лежал молодой парень и периодически сплевывал на полотенце сгустки крови. Его лицо было сплошным синяком. Сквозь побитые губы с трудом прорывалось тяжелое, хриплое дыхание. Определить происхождение побоев для Константина, длительное время работавшего в милиции, не составляло труда.

— Говоришь, мальй, поработала над тобой родная милиция, — сказал Константин, морщась от собственной боли. — Расскажи, что ты натворил, попробуем разобраться.

Валерий посмотрел на него потухшим взглядом.

— Ты веришь в судьбу, мужик? — спросил голосом, от которого Харасанову стало не по себе. — В прошлом году от лейкемии умер мой брат. А вот теперь менты убили меня. Приписали мне кражи шапок. Когда-то, в первом классе, я украл у соседки по парте химический карандаш. Ее имя было, кажется, Салли. Карандаш я ей подбросил, но до этих пор не могу забыть, как слезы текли по ее толстеньким щекам. Больше в своей жизни я чужого не брал. Но через столько лет эта кража возвратилась... за все воздастся.

В этой краткой исповеди Харасанов почувствовал необъяснимый холод где-то неподалеку стоящей смерти.

— Напрасно, парень, ты поддался. Но опять же, откуда тебе было взять столь горький опыт, — как бы рассуждая с самим собой тихо сказал Харасанов. — Мой тебе совет: требуй прокурора по надзору. Измени показания.

Вейсгейм закрыл глаза и хрипло выдавил:

— Мне х-х-ана, они мне что-то отбили, печет внутри огнем.

Харасанов не удивился. В этой стране подобное происходило на каждом шагу. Отсутствие возможности вызвать адвоката с первых минут следствия выливалось в покалеченные жизни вот таких парней.

— Держись, парень, шапки — пустяк, ты молодой, выйдешь — начнешь все сначала.

Вейсгейм тяжело поднялся на локоть. Пелена смерти в карих глазах рассеялась. Появился злой блеск воина-монгола.

— Я же тебе сказал, мужик, мне хана. Я это чувствую, понимаешь? Помоги мне, может, у тебя есть мойка¹?

— Выбрось из головы блажь, парень, лезвия у меня нет. А если бы имел — не дал. Быть соучастником самоубийства не желаю.

— Какого самоубийства? Я через пару дней сам загнусь. Хочу прихватить этих козлов с собой.

— Ничем не могу помочь. Мой супинатор отмени “дубаки”. Прощупай хорошо матрас. Мне один зэк говорил, что на больничке в каждом матрасе закуркован супинатор.

Харасанов умышленно употреблял блатной жаргон. Он не хотел расспросов о том кем он был на воле. Обманывать было тошно, а причислить себя к когорте казахстанской милиции в этой обстановке было бы кошунством...

Спустя два часа Харасанова перевели в другую камеру-палату.

После вечерней проверки, пытаясь привести в порядок свою постель, Вейсгейм нащупал в набитой ватой подушке продолговатый предмет. Не без усилий Валерий извлек традиционное тюремное оружие — заточенный супинатор. Эта находка принесла ему необъяснимую радость. Безысходность и подавленность на мгновение отступили. Даже в умирающем, в нем ожили с одной стороны гены воина-германца, а с другой — дикого степняка, любящего стальной клинок.

На утреннем обходе Валерий Вейсгейм тюремному врачу передал заявление: “В связи с вновь открывшимися обстоятельствами по моему делу, прошу вызвать дознавателей Лежнева и Векслера...”

День прошел в ожидании. Ночью у него опять изо рта пошла кровь. Чтобы его не лишили встречи с дознавателями, санитаров он не вызывал. Где-то около десяти часов утра в камеру вошел молодой лейтенант.

— Вы, кажется, хотели сделать заявление? Вот ручка, вот бумага, напишите — я передам.

— Так не пойдет, лейтенант. Мне нужны Лежнев и Векслер.

— Мало что вы там написали, у нас свои порядки. Дознавателей вызывать вам никто не станет.

— Лейтенант, на мне висят два нераскрытых убийства. Если не хотите, чтобы я написал жалобу прокурору, свяжитесь с четвертым РОВД.

Оперативник хотел что-то сказать, но поперхнулся. Ему стало жарко, он вытащил носовой платок и смахнул капельки пота. Так как звездочки на дороге не валяются, лейтенант ужасно хотел самолично заполучить признание осужденного. Он

живо представил, как приходит к своей любовнице в чине капитана, целует и говорит: “Ну, вот, Танюша, теперь ты целуешься с капитаном.”

— А, может, мы с вами договоримся? — он доверительно положил руку Вейсгейму на плечо. — Я вам принесу большую плитку чая.

Нетерпеливым движением плеча Вейсгейм сбросил руку. В груди опять что-то заклокотало и вместе с раздражающей болью стало подкатываться к горлу.

— Уходи, лейтенант! Повторяю, если не желаешь потерять звездочку, немедленно звони в РОВД.

Укол анальгина с димедролом притупили боль. Он уснул. Во сне он увидел зеленую лужайку, по которой бегал его умерший брат. Лужайку окружала черная стена густого леса. Брат почему-то размахивал ученическим портфелем, выкрикивал непонятные слова. Неожиданно он запустил в него портфелем, а сам убежал в гущу леса.

Задышавшись, мокрый от пота, он проснулся. Над собой он увидел склоненного Векслера. Чуть подальше стоял Лежнев.

— В городе за последних три года масса нераскрытых убийств. Если ты нам поможешь, мы сделаем так, что ты попадешь в хорошую зону.

— Я плохо себя чувствую, написать не смогу, — прохрипел он. — Сделайте, пожалуйста, это за меня.

— О, да, Валерчик, конечно. Мы тут еще тебе пачушку чая подогнали, — шепнул Лежнев. — Заваришь — и все как рукой снимет.

Санитар принес деревянную скамейку. Как голуби они уселись возле койки. Векслер раскрыл папку и достал чистый лист.

— Пишите. Я, Валерий Вейсгейм, немец по национальности, убил...

В комках ваты его рука уже нащупала рукоятку “ножа”. Изломанное побоями тело напряглось, словно в последнем прыжке тело раненного леопарда. Левой рукой он сбросил тонкое тюремное одеяло. Правой, в которой был зажат “нож”, сделал молниеносное движение заправского брадобрея.

Из перерезанного горла Лежнева фонтаном ударила кровь. Дознатель упал. Вейсгейм вскочил. Как бы защищаясь, Векслер инстинктивно закрыл лицо папкой, но удар пришелся в живот. Второй удар Векслеру он нанес прямо в сердце. Этот удар был решающим. Когда через пять минут в камеру вошел санитар, перед его глазами предстала следующая картина: на залитом кровью полу в жутких позах лежали три человека. У осужденного Вейсгейма был вспорот живот. Кишки алой грудой валялись рядом. Скрюченные пальцы еще скребли серый бетон. Потрясенный санитар выскочил в коридор и пронзительным голосом стал звать охрану.

ХII. В гостях у детства

В промежутках между судимостями он возвращался домой. Дома его всегда встречала одна и та же картина — у его красавицы-матери очередной любовник и точно так же, как и в предыдущий раз, весь запас продуктов состоит из початой пачки чая. Он ей улыбается и говорит:

— Что, мам..., меня не ждала?

Она обиженно на него смотрит.

— Прям, с чего ты взял? В прошлую пятницу получила от тебя письмо.

— Да нет, просто так, — продолжает улыбаться он. — Дай, мам, закурить.

Из-под подушки она достает пачку и, многозначительно поглядывая на любовника, протягивает сыну сигарету. Называя свою мать красавицей, он понимает, что для всех сыновей матери красавицы, но дело в том, что его мать известная манекенщица.

Его мать действительно с годами не стареет. Возвращаясь из очередной колонии, он тут же находит этому объяснение: “Лямур, лямур!”

По странному стечению обстоятельств, а может быть и нет, ее очередной любовник встречает его, как и прежний, сидя на табурете.

— Василий, — говорит он ему и протягивает руку.

— Дядя Саша, — пожимая руку, отвечает тот.

“Да, мать, — думает он, — на этот раз ты явно переборщила.

Дяде Саше двадцать шесть-двадцать семь лет. Он немногим старше его. Пытаясь казаться солидным, он то и дело распрямляет плечи, и, напуская строгость, выпячивает челюсть.

На мгновение у Василия вспыхивает давно забытое чувство ревности.

По физическим данным “дядя” Саша ей явно не подходит. Она из тех женщин которых называют львицами — зеленоглазая, с пышными длинными волосами, высокой грудью и сильными стройными ногами. “Дядя” Саша — мешковатый, почти лысый, с гнилыми зубами и потухшим взглядом.

“Ты, земляк, долго не продержишься, — констатирует Василий. — Твои сексуальные возможности вряд ли совместимы с запросами моей матушки.”

Неужели я дома, а не в зоне? Он выходит на кухню, подзывает ее и говорит:

— Мам, какая-нибудь хавка¹ дома есть?

Как он и предполагал, уголки ее красивых губ дергаются и опускаются. Она приоткрывает дверь в комнату, и голосом с приказными нотками говорит:

— Сашок, у тебя бабки есть?

— Есть, Анечка. А что надо?

— Сходи в кулинарию, купи беляшей и, если есть, купи курицу.

Он пытается острить:

— Что есть? Деньги на курицу или курица?

— Ох, Сашок, до чего ты непонятливый.

Он выходит. Она кладет свои красивые руки Василию на плечи и говорит:

— Ну, как ты там, милый, вспоминал о своей маме?

Василий не спешит отвечать, поскольку последуют слова, которые в глубине души его самую малость заинтересуют.

— Ты, наверное, обижаешься, что я тебе не слала посылки? Не сердись, понимаешь...

— Понимаю, — перебивает он ее, — у тебя не было денег. Так?

— Откуда ты знаешь? — искренне удивляется она. Он продолжает невозмутимо улыбаться.

— Все говорят этот год тяжелый.

Обстановка в квартире совсем не изменилась. На кухне тот же гарнитур, купленный дядей Володиной, в прихожей — холодильник, приобретенный в царствование дяди Бори, а в комнате стол, шкаф, телевизор и кровать из незнакомого прошлого.

С роддома его привезли не в эту комнату, но урывки его детства прошли именно здесь.

“Интересно, где меня в детстве пеленали, если при моей памяти на эту кровать для меня было наложено ТАБУ¹⁷”. Ох, это табу! О нем он впервые прочитал в книге “Дети капитана Гранта”. Кстати, прочитал он ее в подвале этого дома. Почему мне в этой квартире становится весело? Видать, обратная сторона медали — раньше много плакал. И все же табу он нарушал. Правда, это получалось только тогда, когда ее любовники уходили на работу. В большинстве же случаев уходить приходилось ему. Выручал подвал под домом и другие норы.

А вот и “дядя” Саша.

— Сашок, ну как успехи? Принес?

— Беляшей взял десять штук, больше ничего нет.

Она зажигает газ, разворачивает жирную бумагу и, выплеснув на сковородку подсолнечную гущу, бросает туда беляши.

Это “блюдо” ему хорошо знакомо. Вторично зажаренные беляши его пища, пожалуй, с пяти лет. Они еще и чудесная закуска, но этот фактор он уловил, пожалуй, лет с семи.

У него в сумке пять бутылок пива. За эти пять бутылок он отдал все заработанные в зоне деньги. Правда, администрация еще купила ему билет. Итого его заработок в колонии строгого режима за три года составил семь долларов.

— Мам, у меня тут есть пиво, давайте выпьем.

— Пиво — это хорошо, — оживляется “дядя” Саша. — Нас с твоей маменькой как раз мучит жажда.

На его реплику она реагирует нервным смехом, а сыну говорит:

— Как ты, Васек, вырос... Уже угощаешь свою маму.

Он открывает три бутылки и, не дожидаясь, когда она сполоснет грязные кружки, прикладывает к горлышку.

Несмотря на то, что у пива мизер градусов, ослабленный организм поддается опьянению. В голове шумит, охватывает возбуждение. Такое же состояние, видимо, охватывает пребывающих в похмелье мать и Сашка. Он оказывается из породы козлов, на которых ей так везет. Ничего толком не зная о жизни Василия и его матери, начинает перевоспитывать:

— Ох, Василий, Василий, что ты с матерью делаешь? Она переживает, ночей не спит.

“Ага, не спит! Вместе не спите! Переживаете!” — думает он, продолжая улыбаться.

Она тоже захмелела. Лицо принимает скорбное выражение. В уголках глаз блестят пьяные слезинки.

— Да разве, Сашок, он понимает?

Продолжая улыбаться, сын смотрит на нее. В его взгляде нет и тени издевки, только завуалированная жалость. Его матери тридцать девять лет. Однажды Василий встретил человека, который знал ее со школьной скамьи. Не будучи философом, он охарактеризовал ее удивительно лаконично и исчерпывающе правильно. Правдивость его характеристики Василий понял всего несколько лет тому назад. “Безумно красива, распутна, сентиментальна и жестока” — сказал о ней этот человек. Василий всегда задумывался над этой характеристикой, пытаясь найти зерна, из которых выросли эти качества. Перечитав в тюрьмах и лагерях ворохи литературы, такие качества как сентиментальность и жестокость в ней, он обосновал. Что ни говори, а у многих германских отпрысков эти качества бывают столь преобладающими, что порой бросаются в глаза. Дело в том, что его мать немка. Немка она и по отцу, и по матери, и по паспорту. Что касается распутства — это звено той цепи, которая выковывалась еще до его рождения, и о которой он судить не мог.

После второй бутылки пива Сашок воспринимает его молчание по-своему. Он что-то громко говорит в его адрес и неожиданно дает пощечину.

— Вот изобью тебя как собаку, будешь знать, — долетают до него слова. В кармане брюк у Василия выкидной нож, но пускать его в ход по такому пустяку глупо. Он поднимается с табурета и ударом колена в пах заставляет его взвыть. Пальцами правой руки он хватается за горло и обращается к матери:

— Если он не загасится¹, я на твоих глазах сделаю из него пидара.

Она всегда держала линию любовников. Таковой была эта женщина. После слов сына зеленые зрачки сузились, раздался истерический крик:

— Отпусти его, сволочь! Опять приехал мне жизнь портить! У-би-рай-ся!

Василий часто задавал себе вопрос, откуда у нее столько затаенной ненависти по отношению к нему. Иногда ему казалось, не будь у него давно ушедших дедушек и бабушек, участь его была бы предрешена. Еще он знал: в природе много загадок. Разве кто в силах до конца объяснить, почему кошка съедает или бросает своих котят?

Благодаря его красавице матери и отцу, мастеру спорта международного класса, природа и ему подарила яркую внешность и крепкое здоровье. Но, благодаря матери, он, сколько себя помнит, в этом мире чувствует себя лишним. Систематически в этой комнате, наполненной испарениями алкоголя и запахом никотина, его детские нервы приводили в трепет слова, доносящиеся с полутораспальной кровати:

— А куда я его дену? Чего ты боишься, он давно спит!

Да, он безумно боялся. Он понимал, что эти слова относятся к нему и слепо верил, что при желании его можно обязательно куда-то деть. На этой же раскладушке, которая торчит вон там из-за двери, он сжимался в комочек и замирал. Большинство ее любовников оказывались благороднее ее. На следующий день они искали у него прощения. Он это угадывал шестым чувством, которое у мужчин называется молчаливой мужской солидарностью.

Время сделало свое и он вырос. В былые годы, когда с некоторыми ее любовниками у него не клеилось, она остервенело хлестала сына по лицу и приговаривала: “Будешь знать, будешь знать!” До сих пор он не мог понять, что должен был знать. Но все же в итоге он сделал вывод из ее слов: “Будешь знать, как мешать побыстрее нам нырнуть в постель”.

“Ладно, сорок минут посидел дома, пора отчаливать. На что ты надеялся?.. Думал, она тебя накормит роскошным обедом, после ванной предложит чистое белье, а затем позволит нарушить ТАБУ?”

— Ну, мать, бывай! Оставляю вам с Сашком бутылку пива, выпейте за ваше здоровье.

Она осоловело на него смотрит, ее лицо холодная маска. Он знает: она его не остановит. И еще он знает, что через пять минут после его ухода она скажет любовнику:

— Видишь, Сашок, вот так я всю жизнь мучаюсь.

Он вышел в холодную ночь с болью в сердце.

Там, в лагере, для каждого слово “мать” является символом свободы. Каждый уважающий себя заключенный перегрызет горло любому, кто скажет что-либо плохое о его матери. Что ж, так, видимо, и должно быть. Так должно быть и на свободе, и в лагере. Вот только жаль, что матери бывают разные.

ХIII. Знакомство с КПЗ

Прислонив Сотникова спиной к киоску, Франц приводил его в чувство. Неожиданно чьи-то пальцы цепко впились ему в плечо. Крики “милиция!” были не случайны. Возле киоска стоял желтый мотоцикл. “Интересно, чем все это закончится?” — думал Франц, все еще не испытывая страха.

— Отпустите плечо... Я не собираюсь убежать!

— Спокойно, молодой человек. Я участковый этого района капитан Батырев. Вам придется проехать со мной для показания.

— Какого черта?! Какие показания? — все еще не давая отчета случившемуся, ершился Франц. — За то, что Сотников совершил, его, скотину, мало прибить!

— Вот вы все и расскажете... А его отвезут в “скорую” или вытрезвитель.

Они приехали в милицейский участок. Похожий на индейца, невозмутимо улыбающийся Батырев был вежлив, все тщательно записывал.

Об изнасиловании Сотниковым Наташи Франц не рассказал. Оскорблений и отнятых документов ему казалось достаточным, чтобы не допускать и мысли о какой-либо виновности.

После допроса Батырев его отпустил. Вся эта история была омерзительна. Хотелось побыстрее все забыть и окунуться в настоящую жизнь. Он ушел в общежитие.

Поздно вечером за ним приехали. В милицейском участке помимо участкового Батырева присутствовали незнакомые люди.

— А ловко вы умеете замечать следы, — хохотнул Батырев. — Прикинулись бедным студентом, а из-за вас фактически человек пострадал. Вот вы говорите, что Сотникова ногами не били..., били, мол, ваши подельники. Вот протокол их допроса... Драку затеяли вы. Вы его и пинали, от чего у него тяжкие телесные повреждения. Статья за аналогичные преступления предусматривает семь лет лишения свободы.

Франц изумился. Все оказалось проще пареной репы... Тагир и Фуат дали лживые показания... Интересно, какие показания дал Сотников?

— Т-т-так.., — по-прежнему ехидно улыбаясь, продолжал Батырев. — Зачитываю показания Сотникова: “Франц Бялковский жил у меня на квартире, деньги не платил, вел распутный образ жизни. Когда я его выгнал, предварительно оставив документы, чтобы он со мною рассчитался, Бялковский на меня напал, избил, вытащил из кармана деньги.”

— Послушайте, участковый, — потрясенный принимаемым оборотом дела, взмолился Франц, — я действительно первым его ударил, один раз, кулаком, но от этого тяжелых телесных повреждений быть не может!

— В Караганде, дарагой, все может быть... У Сотникова лопнула в бокую какая-то там кишка или плевра. Короче, в заключении врача написано, что тяжкие.

— Но ведь я ногами не бил!

— Хватит, земляк, п...у смешить, она и так смешная. Ты чё, хочешь быть самым умным?.. Терпило¹ показывает на тебя, свидетели тоже. Говори правду, пока мы с тобой по-харошему базарим. Будешь крутить — и тебе сделаем тяжкие телесные повреждения.

Слова, слобренные жаргоном, в устах сотрудника милиции воспринимались неправдоподобно. И вообще, Францу казалось, что его просто разыгрывают. Пройдет минута, другая и эти молодые парни похлопают его по плечу и скажут: “Иди-ка ты, парень, домой... Мы видим ты шуток не понимаешь.”

— Так будешь говорить?!

— Я вам сказал все. Там было много людей, свидетелей должно быть боль...

Удар кулаком в висок не дал ему договорить. Оглушенный, он упал со стула. Дознаватели подскочили к нему, принялись остервенело пинать ногами.

Сколько продолжалось избиение, он не знал. Удар в голову помутил рассудок. Слух притупился. Перед глазами стояла бурая завеса, сквозь которую смутно просматривались озверевшие лица. Они его втиснули в стул и привязали веревкой.

— Ну и как, земля?... Вспомнил, как пинал Сотникова, или начнем все сначала?

— Н-н-неужели у нас такое может быть? — как-бы задавая вопрос самому себе, срывающимся голосом выговорил Франц.

— Может, может... — дознаватель презрительно хмыкнул. Таким как ты яйца нужно отрывать. Ягненком прикидывается, а сам человека чуть не убил.

— Я-я учился в художественном училище и не верил, что есть вот такие садисты...

Ему опять не дали закончить:

— А теперь вот будешь знать, чистюля поганая! — дознаватель подошел к нему и, ничуть не опасаясь последствий, ударом в челюсть повалил его, привязанного к стулу, на пол.

Показания Франц так и не изменил. Поздно ночью, обезображенного побоями, его привезли в карагандинское КПЗ.

В камере, куда его бросили, на деревянных нарах валялись шестнадцать человек. Спертый воздух, насыщенный миазмами, застревал в носу, но, за неимением другого, отправлялся жадными ртами в легкие.

Отметив состояние Франца, заключенные потеснились и уступили ему место в углу возле батареи.

На следующий день начались расспросы. Когда Франц, все еще потрясенный случившимся, выкрикивал:

— Но я же ногами не бил! Наоборот, тех оттаскивал! — со всех сторон слышались ухмылки.

— Ты, парень, или сегодня родился, или законченный идеалист. Они за каждое раскрытое преступление бабки получают. Вот чтобы получить свои бабки, из тебя дух и вышибут. Кстати, как фамилия участкового, который тебя крутит?

— Батырев.

— На татарина похож?

— Да..., кажется.

— Ну вот, а ты кочерыжишься... Ведь твои подельники Фуат и Тагир татарской национальности. Уже не говоря о возможности взятки, он их “по-землячески” научит, что говорить.

В глазах собеседника Франца светилась насмешливая улыбка. Объяснял он доходчиво. Все в камере восклицали: “Точняк, так оно и есть”. Один Франц все еще не в силах поверить, твердил:

— Но ведь он ее изнасиловал!.. За такое убить мало!..

После упоминания об изнасиловании Ливан, так звали его собеседника, насторожился.

— Кто изнасиловал?.. Я что-то тебя не понял.

— Так ведь с этого все и началось. Ко мне пришла девушка. Сотников меня отослал, а ее изнасиловал. У него даже следы остались — грудь и плечи искусаны.

— Ну, ты, брат, даешь... О чепухе рассказываешь, а о главном молчишь! У тебя есть шанс, парнишка... Понимаешь? Есть шанс отсюда выскочить!

Волосатой рукой, больше похожей на лапу медведя, Ливан хлопнул его по спине. Не обращая внимания, как болезненно Франц поморщился, он стал объяснять:

— Сейчас ты должен на волю написать письмо. Пусть твоя девчонка пойдет в милицию и отдаст заявление об изнасиловании. Если у него остались ее укусы, значит и у нее на теле должны быть синяки. Впрочем, достаточно ее заявления, чтоб дело перевернулось вверх ногами. Давай, парень, пиши письмо. У Толика сегодня пятнадцать суток заканчивается, он и передаст.

Письмо ушло в шесть вечера. Суточник клятвенно заверял, что передаст.

— Не ссы, пацан, к следователю вызовут, сразу узнаешь дошло или нет, — своеобразно успокаивал его Ливан. — Лично я думаю, что он передаст, а вот как твоя телка?.. Честно говоря, я телкам не верю.

Времяпрепровождение в КПЗ чередовалось между анекдотами, знакомством всех с делом каждого в отдельности и сном. Карагандинское КПЗ славилось тем, что кормили здесь относительно хорошо: утром задержанным выдавали кипяток с сахаром и не раскупленные в столовой черствые пирожки. В обед давали суп и кашу.

К вечеру следующего дня в камере произошло событие, которое оставило неизгладимый след в памяти Франца. Открылась дверь, и в камеру прошел обритый наголо верзила с мешком в руках. Меховая безрукавка, одетая на голое, испещренное татуировками тело, черные блестящие¹ штаны — все выглядело как-то залихватски непривычно. Незнакомец прошел в противоположный от двери конец камеры, остановился возле нар и злобно бросил лежавшему:

— Я иду на особняк... асвабади место!

После того, как ему освободили место, он сел по-турецки, поджав под себя ноги, и долго рылся в содержимом своего мешка. Через несколько минут все увидели в его руке лезвие бритвы.

— Ну, чё, орелики?! — выкрикнул он, и вскочил на ноги. — Я иду на особняк, мне терять нех...й. Падхади по одному, клади в “сидор” хорошие “кишки”² и куреху. Патом буду сам проверять... Кто не положит — завалю!

Все обалдели. Знакомый с такой наукой как психология, Франц о себе не думал, с интересом наблюдал за происходящим. Его знакомый грузин Ливан приподнялся с нары и выкрикнул:

— Вы чё, не врубилась?.. Человек идет на особняк... ему терять нех...й!

Заключенные со вздохами развязывали мешки и по очереди складывали пачки сигарет у ног рецидивиста. Но сигаретами дело не закончилось. Словно хищник, осторожной походкой, выставив вперед руку с оружием, рецидивист собственноручно проверил мешок каждого, швыряя в угол рубашки, носки, теплое белье.

Мешок Ливана он не тронул. Что касается Франца, рецидивист приказал ему снять куртку.

— Земляк, этот пацан со мной, — неожиданно вмешался Ливан. — Он пойдет по 88-й статье, так что, может, на одну зону попадете.

Рецидивист скорчил гримасу наподобие улыбки, сверкнув рандолевыми зубами.

— 88-я это ништяк... Я сюда с зоны прикатил по 88-й. Козла в мастерской завалил точильным кругом... Эй, вы, черти, — повелительно обратился к остальной массе, — заварить у кого есть?

Чая в камере не оказалось. Рецидивист занялся упаковкой вещей. Его мешок раздулся до невероятных размеров. Словно ростовщик на сундуках с деньгами, он уселся на своем мешке:

— Все ништяк, пацаны, все ништяк!

XIV. Побег

Привычный к перемещениям, Харасанов не удивился, что даже в тюремной “больничке” его “тасовали”, словно колоду карт. О беспокойствах в тюрьме было доложено в Алма-Ата, но, прежде чем он успел умереть от потери крови, в изолятор приехал прокурор по надзору. Только поэтому администрация, которая была не против положить его еще живого в гроб, поместила в тюремную больницу.

Весельчак-коротышка, тюремный врач Юрий Георгиевич, подмигнул Харасанову и сказал:

— У нас здесь хорошо, витаминчики колем, молочко даем.

После столь обширного перечня лекарств он ушел, оставив Харасанова наслаждаться дополнительными днями, а может быть часами, жизни.

Через несколько минут в камеру пожаловал опер.

— Везет вам, Харасанов, но все же не надейтесь. Тюрьма и не таких ломает. Так вот, — продолжил он, — к вашему послужному списку прибавляются статьи: первая — за изготовление и применение холодного оружия, вторая — прямое убийство.

Харасанов улыбнулся.

— И кого же я убил, президента Казахстана?

— Не нужно иронизировать, Харасанов, убили вы не президента, а заключенного Хутаева.

— Свидетели есть, капитан? — поинтересовался Харасаев.

— Свидетелей больше, чем вы думаете.

— Ну, вот и хорошо, капитан, а теперь уходите и дайте мне поспать.

Вечером к нему пожаловал прокурор по надзору. Добродушного вида старичок поинтересовался как в санчасти кормят, нет ли вшей, есть ли жалобы. И впервые за десять месяцев пребывания в тюрьме Харасанов ощутил полнейшее нежелание отягощать свой ум поиском истины. Это уже был не страх перед действительностью, не осознание своей беспомощности. Это было то спокойное чувство, которое приходит к человеку, познавшему что-то большее, и отделяющее его от человеческой суеты. Впервые он посмотрел на свое пребывание в тюрьме философски и понял, что вступает в эту, все еще не заканчивающуюся жизнь, в новом качестве. Возможно, администрация добилась своего, но он чувствовал, что переломный момент в нем произошел благодаря вселению в него какой-то высшей силы. Доброй или злой — этого он еще не знал. Изучая много лет восточные единоборства, но, тем не менее, уделяя много времени ублажению плоти, он не мог выйти на определенный уровень душевной крепости. Теперь же он вдруг в еще слабом теле ощутил странную силу, которая затребовала подчинения холодному рассудку. Что это было? Он еще не осознавал, что в его изнуренное тело требовательно и властно уже вошел дух восточного воина.

Первые два дня своего пребывания в тюремной санчасти он провел в какой-то созерцательной дреме. Когда он открывал глаза, сначала видел привычную серость стен, затем, под давлением этого самого нового чувства, картина преображалась. В камере появлялась непонятная синева. Она отливала серебром, накатывалась на стены, и они вскоре вовсе исчезали. В горизонтальном положении он левитировал в этом мерцающем свете, а дальше, за этой серебряной пеленой, плыли желтые воды огромной реки. Это видение было приятным и наполняло тело спокойствием и силой. Вскоре он научился вызывать это явление, и постепенно мысли о жалкой действительности вовсе перестали его посещать. Еще через неделю с ним произошел случай, который дал ответ на вопрос какая в него вселилась сила — добрая или злая? В очередной больничной камере соседом по больничной койке оказался тот самый казах, которому он всадил в ногу супинаторный нож. Рецидивист, бывший в тюрьме на положении авторитета, непримиримый, с хорошими физическими данными вскоре напомнил о себе...

Их было трое. На протяжении дня они шушукались за ширмой из натянутой простыни. Все трое, фактически, находились в бессрочке, так как за многочисленные убийства приговаривались к дополнительным срокам, что в итоге превышало длительность человеческой жизни. Они выскочили из-за ширмы одновременно, явно с определенной целью. И тогда Константин впервые ощутил и понял, что внутри у него поселился не дух созерцателя и философа, а все сжигающий беспощадный, грозный бог войны. Готовясь к схватке, в его душу пришло чувство, граничащее с ликованием. Мозг совершенно четко спланировал способ уничтожения врагов. Казах, который был главным исполнителем, вцепился пальцами ниже подушки в надежде схватить Харасанова за горло. Но, догадываясь о предстоящем, Харасанов незаметно изменил положение тела так, что на месте головы под простыней оказались ноги. В долю секунды Харасанов сбросил простыню и защелкнул “английский замок”. Позвонок хрустнули, отправляя жизнь казаха в ладью Харона. Рывком Харасанов вскочил на ноги и ударил кулаком в переносицу второго. Удар был профессиональным и смертельным. Третий, пытаясь вырваться из камеры, завopil:

— А-а-а, по-мо-ги-те!.. Убивают!

— Не убивают, а убили, — процедил Харасанов, и сильнейшим ударом ноги проломил ему грудную клетку.

Прапорщики гуськом вошли в камеру, но, испуганные поворотом дела, стояли в нерешительности. Они уже поняли, что этот человек является феноменом, обладает огромной силой и чьим-то сверхъестественным покровительством. Харасанов прислонился спиной к стене, сложил на груди руки и спокойно сказал:

— Советую ко мне не применять физическую силу. Я не собираюсь оказывать сопротивление. Переведите меня в любую камеру и вызовите начальника тюрьмы. Все смерти на его совести.

Он не сопротивлялся. Они надели на него наручники, и, все еще потрясенные случившимся, повели по тюремным переходам. В одной из галерей они остановились. Прапорщик открыл камеру и вывел хорошо знакомого Харасанову Валентина. Тот плакал словно ребенок, размазывая слезы грязными руками. Человек уже был сломлен.

С них сняли наручники и поместили в камеру смертников. На стене Харасанов прочитал “веселую” надпись: “Иду на вышку, статья 88, мир бардак люди б...и.”

Харасанов толкнул Валентина в бок.

— Смотри, сопляк, человек пошел на вышку, а дух не потерял. Не то что ты, гнида. Запомни, будешь в камере скулить — шею сломаю.

Он упал на жесткое ложе и, сконцентрировав волю, мгновенно уснул.

Их разбудили еще до проверки. В окружении троих прапорщиков долго вели по подземным переходам. На одном из поворотов им встретились молоденькие девушки, сопровождаемые конвоем.

Такие в тюрьме попадались редко. Стройные, большеглазые в коротеньких юбочках, они мало реагировали на окрики конвоя: “Стоять! Повернуться к стенке!”

Одна из девушек метнулась к Харасанову, и всунула свою руку в щель расстегнутой на его животе рубашки.

— Ой, мужик! Не могу! Хочу с тобой в койку! — выкрикнула она и захохотала. Несмотря на то, что сделала она это картинно, слова звучали искренне. Могучее тело Харасанова наполнила огненная струя желания. Мозг прошили болочие иглы памяти. Невыносимо захотелось на волю.

Прапорщик толкнул его кулаком в спину.

— Пашел, пашел! Не раскатывай губу, а то встанет!

Конвой захохотал.

Возбуждение Харасанова не покидало. Тело налилось такой силой, что, казалось, он в состоянии взмыть вверх.

На одном из переходов двое конвойных куда-то ушли с дежурным офицером. “Ведут на второй корпус, — подавляя нервный тик, подумал Харасанов. — Где-то там столярка... Поближе к ящику.”

Они вышли на территорию тюремного двора. Прапорщика сменил солдат с автоматом наперевес. Рассвет только-только загорался. Все еще было погружено в мрак ночи.

Неподалеку от тюремных ворот стоял милицейский фургон. В его открытое нутро два милиционера загоняли уже знакомых Харасанову девиц. “Повезут в райцентр на суд, поэтому и приехали в такую рань”. Мысли упорно бежали в еще непонятном ему направлении. Дежурный на пропускнике, явно с похмелья, забыл закрыть ворота. Вспомнились слова китайца Ван-Ден-Сеня, тренера по каратэ: “Хорошего бойца двадцать человек никогда не остановят.” Эти слова были сказаны без малого пятнадцать лет тому назад. И все же, по возможности, он форму поддерживал. “Вот сейчас упущу момент — и конец. Рано или поздно они меня угробят!” На окрик конвоира: “Харасанов, что за фокусы! Ану, пошел!” Он зло ответил:

— Чего орешь? Шнурки отняли, ботинок свалился.

Он присел, одевая умышленно сброшенный ботинок. Когда возвращавшиеся прапорщики поравнялись с ним, он с хрипящим выдохом ребром ладони проехался одному по глотке. Удар пяткой в грудь конвоиру был такой силы, что даже стенка, о которую тот ударился, издала крик боли. Еще удар, и с его конвоем было покончено. Оставались конвоиры девушек. Кошачьей тенью Константин подкрался к автофургону. Милиционеры, которые подсаживали девиц в автофургон только для того, чтобы пощупать женские прелести, успели испуганно вскрикнуть, прежде чем волосатые руки отняли у них жизнь. Изумленным девушкам он успел бросить слова:

— Кто хочет на волю, оставайтесь в машине!

Через несколько секунд сквозь открытые ворота тюрьмы выскочил ревущий автофургон и на полной скорости скрылся в мраке казахстанского рассвета.

XV. Больница на 70-й шахте

Франца повезли в райотдел милиции только через три дня. Всевозможные догадки роились в голове. Когда его вели по коридору, перехватило дыхание. Он увидел Наташу. Она хотела ему что-то сказать, но конвоир затолкнул его в кабинет следователя.

В кабинете находились, ставший ему ненавистным, капитан Батырев и незнакомая пожилая женщина.

— Я следователь, моя фамилия Богданова. Ваше дело передали мне.

Во избежание прошлых издевательств Франц решил идти ва-банк.

— У меня заявление к прокурору, буду говорить только в его присутствии.

Богданова, успев перехватить ненавистный взгляд на капитана Батырева, все поняла.

— Дознавателей больше не будет... И потом, тут ваша девушка принесла заявление. К вам есть особый разговор.

Батырев засуетился и вышел из кабинета.

— Значит так... Мы провели экспертизу, укусы на теле Сотникова действительно есть. У вашей Натальи так же множество синяков, но... — она замялась и виновато на него посмотрела.

— Вы что-то не договариваете, говорите, я у вас уже привык ко всему.

— Дело в том, Бялковский, что при обследовании Сотникова медики обнаружили у него наличие такого заболевания как сифилис. Выяснилось, что Сотников состоит на учете в кожвендиспансере... Вторая стадия.

От омерзения закружилась голова, стошнило. При мысли, что больной сифилисом изнасиловал Наташу, хотелось разбить о стенку голову. Кроме всего, он более двух месяцев жил у Сотникова на квартире. Возможность бытового заражения не исключалась.

— Вот, вот, — словно читая его мысли, продолжала Богданова. — Я вас отпущу под подписку и советую немедленно с вашей девушкой провериться в кожвендиспансере.

Развинченной походкой, без ремня и шнурков, Франц вышел в коридор.

Больницу они нашли на отшибе города в районе угольных шахт. Здание больше напоминало тюрьму: зарешеченные окна, прогулочный дворик, на стенах колючая проволока.

Поверхностное обследование на сифилис дало отрицательный результат. У Наташи ничего не обнаружили. Заведующая отделением, дородная блондинка Ольга Оскаровна, узнав откуда Франц, долго не могла успокоиться.

— О, Господи! С таких чудесных мест приехать в Караганду. Сифилиса у вас нет, но проведем, на всякий случай, превентивное лечение. Пройдете курс, и, мой вам совет, — немедленно уезжайте! Этот город концентрирует в себе столько грязи, что вам и не снилось.

Франца переодели и поместили в палату на первом этаже. Как оказалось, половина больных в этой палате были сифилитики с открытой формой.

Неожиданно он услышал знакомый голос. С койки подымался Сотников.

— Ну, что будем делать, студент? Привез мне сифилис с Украины? Как будешь рассчитывать?

От подобной наглости у Франца перехватило дыхание. Обозреваемый любопытными взглядами, он в растерянности молчал.

Ободренный его молчанием Сотников подошел ближе. Потянуло алкоголем. Из кармана пижамы Сотников вытащил складной нож, и предложил Францу выйти во двор.

Больные увязались следом за ними. Не дожидаясь когда Сотников его ударит, Франц схватил его за руку и вырвал нож. На шум прибежали санитары.

Расталкивая любопытных и посетителей, Франц прорвался в кабинет к заведующей.

— Ольга Оскаровна, Сотников утверждает, что я его заразил сифилисом. Если вы что-либо не предпримете, я его убью.

Ольга Оскаровна невозмутимо улыбнулась.

— Бялковский, здесь к новости кто кого заразил относятся не более чем с любопытством. Находящийся здесь контингент, в основном, подонки. Что касается Сотникова, плюньте ему в рожу... Сифилис он подцепил три года тому назад в московском аэропорту.

Франц облегченно вздохнул.

— И все же, Ольга Оскаровна, почему у вас в одной палате люди с сифилисом, гонореей и просто обследуемые?

Она сердито хлопнула ладонью по столу.

— А вы что думали, у нас здесь особенные условия?.. Нечего было лезть в болото. Получили индивидуальную кружку и ложку — и будьте довольны.

Франц поднялся на второй этаж. В палате Наташи было девять человек. Женщины всех возрастов — от древних старух до несовершеннолетних девочек, зараженных отцами и матерями — бесцельно слонялись по комнате.

Франц вызвал Наташу.

— Здесь Сотников, — обрушил на голову девушки неприятную весть. — Обвинил меня, что я его заразил сифилисом.

Наташа испугалась. Она схватила Франца за руку и попросила не уходить.

— Перестань дрожать. К тебе он не сунется, а если что — позови меня.

В прогулочный дворик она пойти не согласилась. Уговаривать ее Франц не стал.

Светило солнце. Разморенные теплом больные лениво бродили по вытопанному “пятак” земли. Некоторые сидели за деревянным столом — играли в домино.

Кто-то невидимый подошел сзади, положил руку на плечо. Франц оглянулся, это был Сотников. Его лицо было мрачнее тучи, он был трезв.

— Давай, студент, поговорим. Отойдем в сторону, чтобы нас не слышали.

Они сели на скамейку у стены.

— Короче, я забираю из милиции свою заяву на тебя, а ты уговори свою Наташу..., пусть заберет заявление об изнасиловании.

Францу опять стало противно. За короткое время в этом городе он превратился сначала в подонка, пусть не произвольно, но все же косвенно, подставившего свою девушку. Затем в заключенного. А вот теперь его превращают в барыгу, торгующего честью близкого человека. Но продолжать диалог с таким как Сотников на кулаках, не было смысла. Он это уяснил.

— Сходи поговори с Наташей. По твоей милости она тоже здесь. Но, запомни, если тронешь ее хоть пальцем — я тебе оторву голову.

О соблюдении медицинской тайны в этой больнице никто не слышал. Любому из больных стоило зайти в ординаторскую, чтобы получить справку от какого заболевания лечится интересующий его человек.

Через дорогу от больницы в убогом домишке, больше напоминающем сарай, находился винный магазин. С разрешения санитаров больные бегали за вином и к вечеру в палатах разыгрывались пьяные оргии. За устрашающей стеной прогулочного дворика располагалась территория дровяного склада. Поклонники Венеры¹ и Бахуса перелезали через стену и совокуплялись на лоне казахстанской природы.

То, что увидел Франц в этой больнице, казалось ему кошмарным сном. Усыпанные язвами сифилитики фанатично доказывали больным гонореей, что “сифилис пустяк по сравнению с гонореей”. Трипперные, в свою очередь, опровергали

утверждения сифилитиков. Кожные больные, отделение которых находилось на третьем этаже, предпочитали держаться особняком. Тем не менее, все по несколько раз в день собирались в курилке на первом этаже.

Иногда он встречался с Наташей. В одну из таких встреч рядом с Наташей он увидел стройную блондинку. Похотливые губы и беззастенчивый взгляд привлекали всеобщее внимание. К вечеру того же дня палаты стали наполнять мужчины, которых заразила эта женщина.

Их было семнадцать человек. Высокие и низкие, молодые и старые, толстые и худые — они, по странной закономерности, ходили гусиным строем, исподтишка поглядывая друг на друга. Только один из них, средних лет грузин, вел себя шумно, всем жалуясь на коварство “Лиды из Федоровки”:

— Панимаешь, дарагой, я заготовитель... Никогда ее не абижал, многа деньги давал... А ана так плохо сделал... У-у-у, сволош!

Больные закатывались от смеха. “Лида из Федоровки”, как ни в чем не бывало, разгуливала по больничным коридорам, гордо поглядывая на вчерашних партнеров. Поздним вечером привезли последнего. Им оказался шестидесятилетний профессор. Оказывается, Лида работала уборщицей в университете и соблазнила ученого сластолюбца.

У больных этой больницы бытовало идиотское убеждение, что после уколов можно смело вступать в половую связь. Молодые женщины, хохоча, задевали Франца и после вопроса “ну, как, укололся?”, приглашали на дровяной склад.

Уговорить Наташу Сотникову не удалось. На следующий день из больницы он сбежал.

Иногда в палате разыгрывались смешные сцены. Из деревни привезли парня с хронической гонореей. Он забился в угол, не желая разговаривать. Один из сифилитиков сделал страшную гримасу:

— Тебе крышка, мужик. Видишь эту коробочку? — он вытащил из кармана пустой спичечный коробок. — А теперь я лезу к себе в штаны, вынимаю горсть бледных спирохет¹ и запикиваю в коробок..., лови, мужик! Угощайся!

Коробок упал на постель. Парень взвыл и, словно неразорвавшуюся гранату, отбросил коробок далеко в сторону. Так повторялось множество раз. Палата гремела от хохота.

Курс превентивного лечения заканчивался. Франц попросил у Ольги Оскаровны выписать их с Наташей в один день. Последнюю ночь в этом, почему-то названном больницей, гнезде разврата Франц провел без сна. Ему не представлялось возможным возвратиться на работу. В общежитии уже знали о его перипетиях с милицией. Что касается кожевдиспансера, он понимал: и это обстоятельство скрывать будет невозможно.

Ольга Оскаровна вызвала его в кабинет, вручила бюллетень и сказала:

— Надеюсь, вы помните мой совет? Уезжайте из этого города домой.

Он пообещал, но в душе не был уверен, что так и сделает. Бывали моменты, когда он явственно ощущал влияние каких-то неведомых сил, оказывающих влияние на его жизнь.

XVI. Бандитами не рождаются

От роду Василию было двадцать три года. Он высокий блондин с серыми глазами. У него широкие покатые плечи, длинные жилистые руки, сухие бойцовские кулаки. Специально боксом он не занимался, но, отстаивая с четырнадцати лет место под камерным “солнцем”, кое-чему научился. К примеру, научился одним ударом сшибать с ног самого здорового камерного “быка”. И еще: в лагере цыгане научили его приемам ножевых драк. Это обстоятельство неоднократно спасало ему жизнь и увеличивало срок. Под “жизнью” он подразумевал не понятие человеческой жизни. Нет, в лагере она не стоила ломаного гроша. Он имел в виду честь.

Когда он, несмышленный, сел играть в карты на интерес, никто не объяснил ему что это такое. Он проиграл. Интерес обкуренных анашой напарников сводился к тому, чтобы сделать из него педика.

Их было трое. Все было продумано заранее. Удар “трамваем”¹ по голове его оглушил. Когда он пришел в себя, его голова оказалась зажатой между спинками железных коек.

Кто-то из них уже срывал его мелустиновые брюки. С нар, одетые в подлые улыбки, уже свесились лица, жаждающие развлечений.

— Не ссы, Коваль, это не страшно, — хрипел за спиной голос одного из карточных напарников. — Даем тебе слово, что не больше трех раз. Зато пойдешь в шестую бригаду², там хавка класс.

Вряд ли вы поймете, что значит перевернуть двухъярусные нары, облепленные человеческими телами. В тот момент, когда он, словно штангист, устанавливающий рекорд, выбрасывал тело, на помощь мышцам рук пришли его голосовые связки. Вот так, наверное, в пещере рычал его далекий предок, убивая своего противника или отвоевывая для себя полюбившуюся самку.

Нож, который он постоянно носил за голенищем, был уже у него в кулаке.

Василий видел как побелели губы одного из насильников, но это его не остановило. Первый удар пришелся в живот, ударом в грудь он его прикончил. Второго он догнал уже на выходе из барака. Тот, бешено вращая глазами, не переставая кричал:

— Не нада, я войду! Не нада, я войду! — что означало: он просит дать ему возможность откупиться.

Он сел на него сверху, схватил за волосы и по рукоятку воткнул нож в глаз. Из-под лезвия брызнула кровь, залила ему лицо, а тот, захлебываясь, не переставал хрипеть:

— Я вой-ду-у-у! Хрл... Вой-ду-у-у..

Последнего, третьего, спасли дежурные прапорщики. Словно удавку они набросили на шею Василия ремень и затягивали до тех пор, пока он не потерял сознание.

Тогда Василию было пятнадцать лет, теперь — двадцать три. За спиной у него три судимости, не считая лагерных раскруток. У него вся жизнь впереди.

Василий спускается по мокрым ступеням в знакомый подвал, перепрыгивая через лужи, направляется в свой второй дом.

Без него тут уже хозяйничали, и не раз. Деревянную перегородку кто-то сломал, а на кое-где сохранившихся обоях имена и клички новых жильцов.

Но самое главное все же сохранилось. У стенки, на деревянных ящиках, тускло блестят “отполированные” матрасы. Он садится на знакомое ложе и, убедившись в его прочности, принимает позу римского патриция¹.

Тогда, уже в далеком прошлом, отсюда его забирали менты. Вернее сказать, их. С ним была Таня Лисицкая. Интересно, где она сейчас? Когда они его прижали к стенке и били под дых, она пронзительно кричала: “Не смейте его бить, у него большое сердце!”

Он не перестает задумываться над ее словами. Сердце у него никогда не болело. Что она хотела этим сказать? Возможно, зная о его отношениях с матерью, неосознанно, чисто по-женски, пыталась его защитить...

И еще она его подкармливала. После того, как он рассказал ей, что на просьбу поесть, во всем “оригинальная”, его мать отвечала: “Нет денег, влезь на грушу и перекуси”, в его берлоге появлялись бутерброды и конфеты.

Здесь он проводил большую часть своего времени. Школу Василий почти не посещал. Учителя часто приходили к нему домой. Во время загулов мать дверь не открывала. В торжественные для учителей случаи она наивно расширяла свои большие изумрудные глаза и, сложив на груди руки, причитала: “Господи! Да что же это такое... Нет больше никаких моих сил... Делайте с ним, что хотите!”

Учительский коллектив придумал что с ним сделать. С легкой руки классного руководителя и, конечно же, с согласия его матери, они отправили его в интернат для дебильных.

Как ни парадоксально, именно интернат оставил в жизни Василия светлое пятно. Наконец он получил две возможности о которых мог только мечтать — выспаться и читать.

В интернате он пробыл год. За этот год его новый классный руководитель передал его матери несколько грамот, полученных им за хорошую учебу и отличие в спорте. Но после летних каникул, проведенных в этом же подвале, его ожидал удар. Медицинская комиссия признала направление его в интернат для дебильных неправомерным. Дирекция школы получила взыскание и, к его искреннему огорчению, он возвратился к прежней жизни. Его возвращение послужило ударом и для его матери. Любые обязанности, кроме привычки подавать в постель любовникам кофе с бутербродами, приводили ее в ярость. Полученных от демонстрации одежды денег ей хватало только на излюбленных цыплят табака. Что касается его появления, одна мысль о возможных ограничениях собственной персоны была ей невыносима. Но чем больше он вырослел, тем меньше ей мешал. В квартире он появлялся два раза в неделю. На ее неискренние выкрики: “Где ты шляешься? Ты меня в гроб загонишь!”, он отвечал первое, что приходило на ум: “У друга уехали родители” или “Ездил в пригород на день рождения”.

В редкие промежутки, когда она неудачно выбирала любовника, страдать приходилось опять же ему. Те из них, которые имели семью, рано или поздно исчезали. В такие моменты она вспоминала о нем. И, чтобы утолить жажду мести, писала заявления на него в милицию.

Точно так же, как в учительском коллективе, в милом сердцу райотделе милиции она постепенно создала ему репутацию патологического бродяги. В один прекрасный день, когда он, словно верблюд, насыщался на кухне, в квартиру прилетела красногрудая птица в образе молодого следователя. Напыщенный, с побитым угрями лицом, он, в сопровождении ликующей матери, прошел на кухню и положил рядом с тарелкой супа истоптанный мужской ботинок.

— Узнаешь? — спросил, мрачно поглядывая то на него, то на мать.

— Нет, — ответил он.

— Ну, допрыгался, — сказал мать, — так я и думала.

Ничего другого от нее он и не ожидал. В раннем детстве от жизненных бурь и невзгод его защищала бабушка. Когда бабушки не стало, он со своей детской правдой остался один на один под этим небом и солнцем.

— Твой друг Виноградов сознался... Говори, по какому адресу квартиру обворовали?

О подлой игре, делающих карьеру молодых следователей, Василий уже слышал. В тех семьях, где, по их мнению, родители не знают как избавиться от “преступных” чад, следователи пробивали брешь, терроризируя и запутывая до такой степени, что подросток рано или поздно себя оговаривал.

— Собирайся, пойдем в милицию, там выясним.

Он на нее еще надеялся.

— Ма, в чем дело? Чего он от меня хочет? Я ничего не знаю.

Ее лицо напомнило ему безучастную маску сфинкса. В тот момент он окончательно понял, что по-настоящему одинок. Она посмотрела куда-то сквозь него и сказала:

— Иди, иди. Натворил — придется отвечать.

В милиции к следователю, который его привел, присоединился капитан с лицом Плюшкина. Рядом с ботинком появились часы из тех, которые алкаши на базаре продают по трешке за пару.

— Узнаешь? Говори, когда последнюю хату на уши поставили. Если расскажешь — тебе ничего не будет.

У Василия пересохло во рту. Несмотря на вынужденное бродяжничество, он не воровал.

— Смотреть в глаза! Отвечай, или ты у меня будешь искать пятый угол!

Существо следователя дышало неподдельной злобой. После слов Василия: “Я ничего не делал! Вы не имеете права”, угреватый змеиными пальцами ухватил его за волосы и вырвал клоч у виска.

Из глаз Василия покатались слезы. Он был одинок в целом мире.

Затем молодой следователь куда-то ушел. Капитан заставил его писать объяснительную. Когда он отказался, капитан перегнулся через стол и ударил его по голове пресс-папье.

— Бери ручку и пи-ш-ш-ши — шипел он, устрашающе вращая белками. Тут тебе не детский сад. Закрою в тюрьму, там из тебя враз Машку сделают.

Он взял ручку и капитан сразу перешел на политику пряника:

— Ну, так бы и давно. Чего их жалеть? Они тебя не пожалели... Пиши: Я, Коваленко Василий Витальевич, опознаю предъявленные мне вещи, а именно: мужские ботинки черного цвета и часы марки “Луч”. Эти вещи я видел у своего знакомого Виноградова Валерия Максимовича.

“Вот оно что. Полчаса тому они утверждали, будто я с Виноградовым обворовывал квартиры. Теперь меня заставляют писать лжесвидетельство.”

Василий швырнул ручку на пол и бросился к двери. Уже в коридоре он услышал крик капитана:

— Стой, ворина, стой! Убью!

Его угроза придала Василию сил. В считанные секунды он преодолел коридор, но проскочить мимо дежурного ему не удалось. Рукояткой пистолета дежурный ударил его по голове с такой силой, что впервые в своей жизни он потерял сознание.

XVII. Уйти от погони

Машина мчалась по улицам города. Харасанов знал, что в однотипных городах Казахстана долго скрываться от погони невозможно. Планировка улиц, утыканных пятиэтажками, оторванными друг от друга, быстро выведет на них погоню. Слабый поток машин не даст возможности оторваться, затеряться среди домов. Уходить далеко на такой машине было полной бессмысленностью. Казахстанская степь вмиг превратится в мышеловку. Авиация всегда окажет милиции услугу.

Ориентируясь по памяти, он привел машину в старый город и остановился на краю отработанной шахты, заполненной водой. Словно насадки с шеста из фургона выпрыгивали девушки. К великому изумлению, среди девушек он увидел Валентина.

— Девчата, разбегайтесь по норам кто куда сможет. У кого маленький срок — можете сдать. Уйти вряд ли удастся.

Девушка, которая бросилась к нему в тюремном переходе, вдохновив тем самым на побег, схватила Константина за руку и потащила в сторону.

— Я родом из пограничного района. Возьми меня с собой, вместе уйдем за границу.

Он растерялся. Она прочитала его мысли. Ему было пятьдесят, ей — двадцать. Она годилась ему в дочери. В то же время в ней было что-то такое, что не позволяло ему ее оттолкнуть. Она его зажигала. Где-то в подсознании трепетала мысль, что мимолетная встреча была не случайной. Фортуна послала ему эту девушку. Возможно, встреча с ней принесет ему полную свободу.

Владелица больших, слегка раскосых глаз, она должна была быть жгучей брюнеткой. Но природа распорядилась по-своему. Роскошная грива волос, цвета спелой соломы, спадала на плечи, струилась ниже, подчеркивая линию узкой талии. Гибкая, спортивная фигура вряд ли могла оставить равнодушным любого мужчину, обладающего пылким воображением и хорошим здоровьем.

— Не знаю, что тебе ответить... Теперь то я уж точно смертник.

— Я решила еще в автозаке¹. Прошу тебя, не затягивай время, бежим.

Когда они уходили в узкий переулочек, застроенный казахскими мазанками, Харасанова окликнул Валентин:

— Не уходи, скажи, что мне делать?

— Сдаться, отсидеть и стать профессиональным сутенером.

У Харасанова было два варианта спасения. Сегодня же исчезнуть в город-спутник или укрыться здесь у многочисленных знакомых.

Она и на этот раз прочитала его мысли.

— В Майкудуке у меня подруга. Если мы ее застанем, можно будет переждать.

Они пересекли степь и вышли на дорогу, ведущую в отдаленный микрорайон. Возле старого террикона девушка остановилась.

— А мы ведь даже не знакомы. Таня, — первой представилась она. — Если нас поймают, запомни: Антонова Таня, город Алма-Ата.

— Харасанов Константин. Баку.

По дороге, со стороны Нового города, мчался автобус. Ночь еще не рассеялась.

— Ложись в траву, попытаюсь его остановить, — шепнула девушка и вышла на трассу.

Им повезло. Шофер возвращался домой с “кошачьих” дел, был навеселе. Не доезжая микрорайона, Константин попросил шофера остановить автобус.

— Что-то я вас не пойму, молодые люди. Девушка говорила, вы живете возле завода отопительного оборудования.

— Ты, земляк, какой-то непонятливый, — в тон ему бросил Константин. — Сам, что ли, молодым не был? Посмотри, какая чудесная степь.

Водитель расхохотался.

— Ну, ты, пахан, даешь! Возьми за сиденьем фуфайку. У меня дома есть еще, а вам пригодится.

Харасанов знал, что на въезде в город их уже ожидает патруль. И еще он знал, что в данных о нем, предоставленных солдатам ВВ и милиции, как о беглеце, стоит “ОСОБО ОПАСЕН”. При случае, любой из солдат посчитает за счастье его пристрелить.

Они обогнули микрорайон и торопливо вошли в подъезд облезлой пятиэтажки. На лестничной площадке третьего этажа Таня позвонила. Дверь не открывали. Как это делают молодые самоуверенные люди, Таня подолгу не отрывала палец от кнопки звонка. Наконец за дверью послышались шорохи.

— Какого черта так рано? Наташка, ты, что ли?

— Нет дома, — шепнула Константину Таня, — но не пойму кто там.

— Это я, Таня. Наташкина подруга.

— От Наташи, что ли? Подожди, сейчас открою.

В дверном проеме стояла молодая девушка с распущенными волосами. Воспитанная в духе черного города, она грубо бросила:

— Я Светка, Наташкина сеструха. Ну чё вылупились, проходите.

Большая четырехкомнатная квартира напоминала кладбище погибших кораблей. На полу валялись ворохи тряпок. Посреди гостиной стоял диван с поломанными ножками.

Света вытащила из кармана пачку “Беломора”, закурила.

— Старики запили, хотят продать хату и свалить в деревню. Лично я никуда не поеду. С меня хватит, и так всю жизнь прожила в задолбанной Пролетарке¹.

Несмотря на свои двадцать лет, Света была смышленной девушкой. Она поняла, что этот нерусский зрелый, сильный мужчина доводится подружке ее сестры не отцом. Она угостила их чаем, затем ушла в отдаленную комнату.

— Эй, молодые, идите спать, отдохните с дороги. Наташа говорила, что будет в больнице десять дней. Не сегодня завтра нарисуетя.

Они прошли в импровизированную спальню. На полу лежали два матраса и груда одеял.

— Разбирайтесь сами, — крикнула Света. — У меня больше ничего нет. Что было, старики, пока не уехали, пропили. Я схожу за хлебом, а потом тоже буду досыпать.

Харасанов открыл окно и облокотился на подоконник. Простирающуюся за домом степь уже озарило красное утреннее солнце.

Далеко-далеко, словно размытые, виднелись дома Нового города. Вырваться из этой местности, которая много лет была огромным концентрационным лагерем, не представлялось возможным.

Татьяна его позвала. Когда он оглянулся, дыхание перехватил жгучий ком. Перед ним стояла молодая обнаженная девушка ослепительной красоты. Распущенные волосы червонным золотом спадали на высокую грудь и расстилались вдоль обнаженного тела. Легко, как ребенка, он взял ее на руки и поцеловал в пухлые, сочные губы. Возбуждение было столь сильным, что у него закружилась голова. Он положил ее на матрас и, не щадя пуговиц, сорвал с себя одежду. Ее бархатная горячая кожа жгла его, вызывала бешеный озноб. Он обхватил ее мощными руками и без труда нашел... Все закружилось в бешеном водовороте могучей страсти.

Когда они проснулись, солнце стояло в зените. Хотелось есть. На деревянном ящике они нашли кольцо ливерной колбасы, две бутылки кефира и булку хлеба. Светланы в квартире не было. Из записки они узнали, что она ушла гулять.

Около полудня прозвенел звонок. Константин приложил палец к губам, они замерли.

Звонили долго и назойливо. Константин приоткрыл занавеску. Во дворе они увидели милиционера. Чуть поотдаль, вооруженные автоматами, стояли солдаты ВВ.

Харасанов все понял. Солдаты с участковым обходили подозрительные квартиры. Внизу происходила оживленная беседа. Участковый что-то доказывал. Константин влез на ящик и осторожно приоткрыл форточку. Долетели обрывки фраз: “Попьем пива и вернемся... через час... да-да, покарауль один...”

Солдаты ушли. Участковый сел на скамейку возле дома. Мысль работала четко. Упустить единственный в этом положении шанс он не имел права.

— Мы должны уходить. Через час уже будет поздно. Если они решили выставить здесь пост — это конец.

Она прижалась к нему, плакала и шептала: “Не хочу, не хочу”.

В грудях тряпья он нашел старую рубашку и потертые брюки. Девушка одела поношенное платье.

— Танюша, милая, ты должна в точности выполнить то, о чем я тебя попрошу. Сейчас я выйду из квартиры, а ты открой на кухне окно. Когда участковый увидит, он позвонит в дверь. Придумай, что ему сказать, — наигранно весело он поцеловал ее в щеку, и вышел на лестничную площадку.

Участковый долго себя ждать не заставил. В квартире, не смолкая затрещал звонок. Таня подошла к двери.

— Ну чё, бляди, принесли пузырь? — пьяным голосом пробормотала девушка. — Без пузыря не пушу.

— Открывайте, суки! — заорал участковый и стал колотить ногой в дверь. — Всех пересажаю!

За дверью раздался приглушенный звук, напоминающий удар биты по мячу. Затем Таня услышала голос Константина:

— Еще червонец заработал. Быстрее открывай.

Она открыла. Участковый сидел, прислонившись к стене. Левой рукой Константин вытер со лба пот, в правой сжимал рукоятку пистолета.

XVIII. Неожиданное знакомство

Франц с Наташей шли по железнодорожной насыпи и молчали. Буквально за несколько минут до выхода из больницы Ольга Оскаровна вручила им повестки из Октябрьского РОВД. Следователь Богданова возвратила Францу паспорт, но из города попросила не выезжать. Казалось, моральным страданиям не будет конца. Опять предстоит часами выжидать в запыленных, прокуренных коридорах милицейского околотка. При одной мысли о встрече с дознавателями, Францу становилось дурно. Опять возникла соблазнительная мысль послать все к черту, забрать Наташу и уехать домой. Но подсознательно он чувствовал, не пройдет и двух месяцев как его, нарушившего подписку о невыезде, возвратят обратно, при этом нанеся огромную травму родителям.

Идти в общежитие ему не хотелось. Там, в свою очередь, его ожидают расспросы, объяснения с комендантом и заводскими активистами.

Понимая его состояние, Наташа предложила пойти к ней домой.

Прежде, чем поехать в Майкудук, они решили перекусить. В городском парке находилось знаменитое на весь город кафе “Парус”. Здесь дегустировалась корейская кухня. Франц заказал графинчик коньяка. После больничной пищи коньяк, острое хе¹ и кукси², развеяли подавленное состояние. Прохлада и легкая музыка разбудили начавшую угасать страсть.

Возле ресторана “Орбита” Франц остановил такси. Не желая возбуждать любопытство соседей, они решили к дому не подъезжать. Чем ближе они подходили, тем ошутимее Франц улавливал в настроении Наташи подавленность. Он знал о неблагоприятии в ее семье. Мать с отчимом пьянствовали, девушку могли ожидать любые сюрпризы.

— Вообще-то, они собирались уезжать в деревню, — нарушила молчание Наташа. — Если уехали — наше счастье, если торчат дома — нифига не получится.

Когда они вошли в подъезд, Наташу чуть не сшибла с ног не знакомая Францу девушка.

— Танечка, Танечка, освободилась! — радостно завизжала Наташа и бросилась на шею незнакомке.

Вслед за Наташиной подругой по лестнице спускался курчавый, седовласый мужчина южной национальности.

— Он с тобой? — указала Татьяна на Франца и, услышав утвердительный ответ, увлекла Наташу из подъезда.

— Ребята, мы вам по дороге все объясним. Проводите нас до автобусной остановки.

Тон сказанного и поспешность, с которой эти двое выбежали из подъезда, Франца насторожили. Он остановился, желая спросить в чем дело.

— Франек, это моя лучшая подруга. У них что-то произошло. Быстро уходим.

Они петляли между домами, сменяя быстрый шаг короткими перебежками. Пробегая мимо одного из домов, Наташа схватилась за бок.

— Я больше не могу. Здесь живет моя подруга, зайдем к ней, или бегите сами.

— У нее есть телефон? — спросил Харасанов и, услышав утвердительный ответ, обратился к Тане:

— закажем такси и махнем на Темиртау... Есть здесь одна степная дорога.

Подруги дома не оказалось. Дверь открыл ее семилетний сынишка.

— Проходи, тетя Наташа. Мама ушла за молоком, скоро будет. Я смотрю мультфильм.

— Иди, Петруха, досматривай мультфильм, а мы позвоним и на кухне покурим.

Они представились друг другу. Рукопожатие Харасанова вызвало у Франца невольное уважение.

Константин заказал такси по городу. Девушки закурили. Таня, поглядывая на Константина, путанно стала объяснять.

— Лучше сделаю это я, — прервал ее Константин. — Предупреждаю, ребята, помогать нам вы не обязаны. Но, если кто надумает заявить, будет плохо.

Из-за пояса он вытащил пистолет, снял с предохранителя, и спрятал в карман брюк.

— Сегодня в пять часов утра мы совершили побег из Карагандинской тюрьмы. По городу нас уже разыскивают. До обеда мы прятались в твоей, Наташа, квартире. За квартирой следил участковый, пришлось его убить.

Глаза Наташи расширились от ужаса. Она вскрикнула, хотела что-то сказать...

— Нет, нет, не бойся, я его не убил, только оглушил. Он, наверное, уже очухался. Теперь о себе конкретно, — продолжил Харасанов. — Я — бывший майор милиции. Осужден за использование копировальной техники, как гласит статья, в преступных целях. Копировал произведения Солженицина, Аксенова, Булгакова и других писателей. Изготавливал дипломы техникумов, институтов, другую документацию в целях собственного обогащения.

Вот так сразу поверить в реальность услышанного Франц не мог. Он сидел на табурете и глупо улыбался. Ему показалось, что эти двое обкурились марихуаны или, в лучшем случае, разыгрывают какой-то понятный только им двоим спектакль. Его даже охватило внутреннее раздражение. Он грубо обратился к новому знакомому:

— Если вам необходимо найти свободные уши, поищите в другом месте. Фильм “Граф Монтекристо” я посмотрел десять лет тому назад.

Наташа нетерпеливо схватила его за руку.

— Франек, перестань! Он говорит правду. Неужели ты еще не понял, что находишься не на Украине? Неужели тебе мало того, что произошло в этом городе с тобой?

Константин скептически смотрел на Франца. В его взгляде Франц прочел снисходительность и трезвый ум. Под этим взглядом ему стало не по себе.

— Вы, молодой человек, наверное думаете, что и оружие у меня игрушечное? В этой обойме семь настоящих патронов. Еще хочу вас заверить: фильм “Граф Монтекристо” я тоже смотрел, вот только лет на двадцать раньше вас.

— Извините, Константин, я не хотел вас обидеть. Согласитесь, переварить подобную информацию довольно сложно. Порой мне кажется, что я приехал не в Казахстан, а в город, расположенный, к примеру, где-то в Южной Америке.

— Ничего удивительного, молодой человек, вот уже на протяжении нескольких десятков лет в этом регионе процветает оголтелое насилие над личностью. В этих краях превратились в лагерную пыль сотни тысяч лучших представителей страны.

Здесь пустила корни отборная уголовщина. Так как система, именуемая Гулагом, сама состоит в подавляющем большинстве, из легализированных преступников.

Франц вспомнил дознавателей Октябрьского РОВД и утвердительно качнул головой. Вспомнились подавления студенческих выступлений в Черновцах. Пришли на ум слова соседа, человека осторожного, но буйного в состоянии опьянения: “Ну где найти такую организацию, чтоб с оружием в руках помогла свергнуть эту власть!”

— Вам необходимо раствориться, на время исчезнуть, но, к сожалению, мы опять же не в Южной Америке.

Харасанов улыбнулся. Отчуждение, возникшее в начале их знакомства, исчезло.

— Если вы не боитесь, Франц, поехали вместе в Темиртау. В этом городе у меня есть хорошее убежище. Мы сможем укрыться на длительное время. Кстати, там у меня имеются кое-какие финансовые запасы.

В ожидании ответа все устремили на Франца вопросительные взгляды.

Он действительно не знал как поступить. В его душе происходила борьба: боязнь потерять рабочий стаж, неопределенность в отношениях с милицией, неизбежное объяснение с родителями. Решение он принимал мучительно.

Константин пришел ему на помощь.

— Милый Франц, в свое время я окончил институт... Нет, целых два: сначала технологический, затем — юридический. Я мечтал сделать карьеру, и поначалу у меня это неплохо получалось. Я боялся потерять работу, поссориться с начальством, нарушить, до мозга костей ложный в этой стране, кодекс чести. Затем, в силу моей работы, мне стали попадаться люди, которым, как говорится, я со своим образованием не годился в подметки. Они были уничтожены системой, унижены, лишены всего, тем не менее, они оставались самими собой. Много чего этому предшествовало. Сейчас нет времени рассказывать, но тогда я плюнул на дикие условности, придуманные преступниками с партбилетами, и решил оставаться самим собой. Нелегально я раздобыл копировальную технику и целых десять лет стал жить другой жизнью. Если нам с Татьяной удастся выбраться на запад, множество людей, проживающих ныне там, снимут предо мной шляпу.

Они слушали, затаив дыхание. У Тани, которая тоже впервые слышала историю Константина, блеснули глаза.

XIX. Прodelки “сталинских орлят”

Начальник тюрьмы, полковник Петренко, не отходил от телефона.

— Господи, я давно на пенсии, зачем мне все это? — то и дело выкрикивал он, бегая из угла в угол по обширному кабинету.

Убийство в тюрьме дознавателей Лежнева и Векслера было первым ударом. Ему показалось, что под ним разверзлась земля, и он очутился в том месте, которое с приходом старости ему все чаще снилось. Второй удар чуть не привел его к инфаркту.

Частые звонки приносили малоутешительные вести. Его почти не обрадовало сообщение о том, что с девяти сбежавших, троих уже поймали. После каждого сообщения о поимке он, перебивая докладчика, бешенно орал в трубку:

— Голову оторву! Харасанова поймали или нет?!

Услышав отрицательный ответ, он скрипел зубами и хрипел в трубку:

— Бар-р-р-а-ны херовы, вам только скотину пасти!

Привели добровольно сдавшегося Валентина. С плаксивой физиономией он стоял перед начальником тюрьмы, заламывая пальцы. Петренко выпроводил охранника, приблизился вплотную к Валентину и маленьким кулачком ткнул в лицо.

— Говори, пидар, где он прячется, говори, сука!.. Если скажешь — атпущу, не скажешь — пойдешь в пресс-хату.

— Гражданин начальник, я сам пришел. Честное слово не знаю, — гнусавил тот, размазывая по лицу кровь.

— Где вы расстались?.. Не может быть, чтобы он ничего не сказал... Отвечай, паскуда! — задыхался Петренко, пиная досмерти напуганного заключенного.

Убедившись, что тот действительно ничего не знает, он нажал кнопку звонка. Вошел дежурный.

— Уведи этого козла в сорок пятую, и скажи Быку я разрешил... К вечеру получит пакет шалы¹.

— А-а-а-а! — Валентин взвыл. — Гражданин начальник, я же сам пришел, не надо!

Он знал, что в тюрьме имеются так называемые пресс-хаты, где профессиональные убийцы занимаются привычным ремеслом. Непокорных, в чем-то провинившихся заключенных бросают в такие камеры. Находящиеся там уголовники, с согласия начальства, за чай или анашу досмерти избивают “гостя”. Истязание, как правило, длится несколько дней. После такой обработки заключенному остается только одно: отбитые внутренности, затем смерть в камерах тюремной санчасти.

Плачущего Валентина увели. Петренко сел за письменный стол и принялся теревить пшеничные усы.

По внешнему виду начальнику тюрьмы можно было дать пятьдесят лет. На самом же деле, ему было за семьдесят. Худощавый, невысокого роста, Петренко Иван Григорьевич начал свою карьеру в тридцать втором году. Уже в те годы, будучи следователем НКВД, он имел право петушком бегать вокруг очередной жертвы и безнаказанно тыкать сухим кулачком в зубы. Его добродушное лицо, украшенное пшеничными усами, уже тогда умело невинно улыбаться, когда под Жмеринкой, в районе деревни Ров, он собственноручно посылал пулю за пулей в затылок очередного “врага”. Подводили только глаза. Опытному человеку все же можно было определить в белизне этих глаз прямые наклонности садиста.

Когда началась война, работы тоже было много. Так много, что по вечерам правая рука начинала отекает. Его жене, Петренко Марье Григорьевне, приходилось делать ему травяные припарки.

В 1944—1945 годах работать стало полезней и легче. После освобождения городов в населенные пункты вступали его родные подразделения. “Тяжкий труд” кагэбиста скрашивался тем, что на Родину можно было отправлять машины, доверху набитые немецким барахлом.

После смерти “великого учителя” жить опять стало несколько труднее. Выручали старые связи. А когда его перевели в систему лагерей, эти связи помогли занять пост начальника тюрьмы. Новая работа убрала из его жизни некую абстракцию, обусловленную работой следователя. Умных людей попадалось меньше. Наслаждения, возникающего при беседах с врагами, он получал меньше. Но и молодость осталась позади.

Общение с Харасановым было чем-то связывающим с его молодостью. Он даже по-своему полюбил этого сильного неугомонного мужчину. Теперь за эту позднюю любовь ему придется расплачиваться. Самолюбие старого служаки было уязвлено.

По правде говоря, он давно мог отправить Харасанова в лагерь. Но, разыгравшаяся страсть садиста требовала развязки. Когда он смотрел на это широкое лицо, ему перехватывало дыхание от желания сделать из него бесформенную массу. Времена изменились. Семидесятилетний полковник не мог без последствий убить “образованного”. Это должны были сделать уголовники.

Что-то внутри подсказывало, что Харасанова не поймают. От сознания этого хотелось выть.

XX. Пресс-хата

Дежурный прапорщик втолкнул плачущего Валентина Королькова в камеру № 45. Навстречу ему поднялся огромный наголо обритый верзила. Лоснящееся лицо расплзлось в благодушной улыбке. Перебитый нос странно задержался.

— Эй, дежурный! — крикнул он наблюдающему в глазок прапорщику, — сколько шалы приехало?

— Много, Бык, много. Петренко сказал подгонит большой пакет, а может и два.

Заклоченный по кличке Бык подошел к Валентину, ощупал его мышцы и безразличным тоном сказал:

— Второй день, земляк, сижу без шалы... Ну, и чего ты натворил?

— Я-я-я, — заикаясь выдал Корольков, — уходил в побег... Срок маленький, сам вернулся.

Лицо уголовника поразительно изменилось. Близко посаженные глаза как бы вдавились в череп. Тонкие губы приоткрылись, обнажая ряд рандолевых зубов.

— Чего, чего? Уходил в побег и сам вернулся?

Недоумение Быка было столь велико, что он отступил на шаг и волосатыми пальцами поскреб голый череп.

— Я сглупил, увязался за одним козлом, а потом одумался... Зачем мне с тройком еще три года за побег получать. С тройком можно на одной ноге на параше простоять, — повторил излюбленную в этих стенах поговорку.

— Это ты правильно сказал, на параше... У меня, овца поганая, два вышака, а ты сам вернулся. Недаром тебя Петренко ко мне направил.

Двумя пальцами правой руки он ухватил Валентина за нос, а левой, словно молотом, ударил под дых.

Тот охнул и упал на колени. Бык схватил его за волосы и, фактически отрывая от пола, слета ударил лицом о стену.

Открылась “кормушка”. В камеру забросили пакет. Бык, словно ягуар, вцепился в честно заработанную добычу.

— Что тут у нас? Чай и шала. Снимай рубашку, Бык будет пить чифу, — осклабился он избитому Валентину.

Дрожащими руками Валентин снял рубашку.

Через минуту рубашка превратилась в узкие полосы. Бык влез на унитаз, предварительно подцепив кружку на изогнутую ложку.

— Возьми в кармане спички и поджигай “дрова”.

Отупелый Валентин непонимающе вращал глазами.

— Поджигай, овца, полосу и держи под кружкой!

Вспыхнул огонек. Камера медленно стала наполняться копотью.

— Гарь, гарь снимай пальцами! — то и дело выкрикивал Бык.

Через несколько минут вода медленно стала закипать.

Бык опустил толстые кривые ноги на пол и удовлетворенно крикнул. Из пакета ложкой он зачерпнул много чая и высыпал в кружку.

Когда чифирь был готов, он сел на железную койку. Но, прежде чем взять кружку, неожиданно вскочил и с размаху ударил Валентина по лицу.

— Ты чё, пидар, думал со мной пить?.. А ну, чеши на парашу, сиди там пока я не освобожусь.

Когда он пил чай, открылась кормушка. В квадрате показалась улыбающаяся физиономия прапорщика.

— А чё, Бык, у него гудок¹ ниче?.. Уже заехал или еще не успел? Хи-хи...

Бык по-купечески дунул на кружку.

— Успею, не переживай, мы с ним только начали любовь крутить.

Он выпил чай и улегся на койку.

— Поди сюда, Валуха. Не посчитай за падло, ложись со мной!

Корольков хныкал возле унитаза. После слов Быка он понял что его ожидает. Дух, который в этих условиях всегда играл главную роль, был у него давно сломлен, и все же он предпринял слабую попытку уговорить уголовника.

— Не трогай меня, Бык. Мне с воли должна прийти посылка, я тебе ее отдам.

— Ги-ги-ги, само собой отдашь, куда денешься? Короче, иди ложись пока я тебя не вырубил.

Словно побитая собака Валентин подошел к койке и сел возле Быка.

— Ложись, ложись. Я последний раз имел девочку лет семь тому назад.

XXI. Упражнения в стрельбе

Побег Харасанова поставил всех на ноги. В СИ-16 приехал генерал Чухнар, чтоб на месте разобраться и наказать виновных.

Петренко это обстоятельство нисколько не встревожило. Он хорошо знал Чухнаря, да и наказание в его возрасте могло быть только одно — уход на пенсию.

С Чухнарем их связывала старая дружба. В 1946 году, на Буковине, они возглавляли отдел по борьбе с так называемой бандеровщиной.

Работы было много. Излюбленным выражением того времени у них была поговорка: “Лес рубят — щепки летят.” “Леса” в Черновицкой области было хоть отбавляй. Что касается “щепок”, их было еще больше. Из зеленой Буковины они перекочевывали в Казахстан, на Печору и еще бог знает куда.

В ожидании Чухнаря Петренко сидел в своем кабинете и теребил пшеничные казацкие усы.

Идею отращивания и ношения этих усов он проводил параллельно с наращиванием демократии в стране. Усы выросли, и вполне приличные для того, чтобы походить на добродушного дядьку, которого, как говорят на Украине, “хоть к ране прикладывай”.

Вошел Чухнар. Время наложило отпечаток на облик старого “стреляки”. Теперь Чухнар больше походил на человека, для которого основной проблемой является задача добежать до туалета.

— Уф, привет, Иван! Что там у тебя приключилось? Эт-т-то на тебя не похоже. Упустить врага!

Он явственно жил в сорок шестом году. Петренко, который давно ходил с авоськой по магазинам и забивал “козла” с шахтерами-пенсионерами, ритм жизни ощущал лучше.

— Да какой он, Миша, враг... Типичный уголовник. И чего вы всполошились? Не сегодня завтра его поймают.

— Ты мне тут дурачком не прикидывайся, — морщинистой рукой Чухнар хлопнул по столу. — Десять лет Харасанов печатал листовки, то есть запрещенную литературу. Помог уйти за границу настоящим врагам. А ты называешь его уголовником. Сам пойдешь на Соловки, — опять ушел в незабвенную молодость.

— Подожди, Мишка, — Петренко порывисто положил свою руку на руку Чухнаря. — Я что, по-твоему, меньшевик, который выпустил Леньку Пантелеева? И вспомни сорок шестой год, мало у нас бандеровцев сбегало?

Чухнар выпустил пар. Рукой, покрытой пигментными пятнами, он потер дряблую щеку стареющего мопса.

— Ладно. Что ты там пьешь? Водку или пизгизвездочный?

— Сам уже не пью, но водка найдется.

Он открыл сейф и выставил бутылку водки.

— Закусить сейчас будет, принесут обед.

— Какой обед? После вчерашнего еле живой... Только этим спасаюсь.

Дрожавшей рукой он поспешно налил чайный стакан водки и со словом “будь”, отправил в мясистое отверстие. После приема водки лицо Чухнаря поразительно изменилось. Теперь он напоминал подвыпившего швейцара, спекулирующего сигаретами.

— О, да ты усы отпустил... Мне не пойдут... Послушай, Иван, мне бы мяса килограмм пятьдесят. Увезу, не переживай. Взял с собой двух хлопчиков.

— Мяса возьмешь сколько угодно. Хоть вагон загружай. Экам оно противопоказано... От него у них стоять начинает.

Последние слова вызвали у Чухнаря необъяснимую злость. Лицо приняло мертвенную маску, по молодости хорошо знакомую Петренко.

Он опять ударил кулаком по столу.

— Стоит, говоришь? А исполнительные камеры у тебя в тюрьме есть или нет?

Петренко удивленно посмотрел на Чухнаря. То, что тот делал в прежние времена для укрепления духа, осталось в крови.

— Все есть, Мишка. Для врагов у нас есть все, как говорил товарищ Сталин. Но, мне кажется, тебе нужно отдохнуть с дороги. Чухнар лег и через минуту захрапел.

Опыт работы в НКВД всегда приходил Петренко на помощь. Вот и теперь он прослушал магнитофонную запись с откровениями Чухнаря и с удовлетворением отметил: “Теперь мне бояться нечего”. Тем не менее, зная волчий нрав генерала, он решил себя обезопасить окончательно. В его голове созрел хитромудрый план.

Петренко укрыл старого друга офицерским тулупом, и нажал кнопку звонка.

Вошел дежурный офицер.

— Алтухов, генерал с управления желает самолично провести беседу с осужденным Корольковым... Выяснить подробности побега. Через двадцать минут мы спустимся в сорок пятую. Выставка на коридор Михайлова.

— Но, товарищ полковник, — перебил лейтенант, — Михайлов дежурит на прогулочных двориках.

— Я тебе сказал, поставь Михайлова! У меня на этих новичков мало надежды. Одного Михайлова, и чтобы больше там никто не маячил.

Когда дежурный вышел, Петренко подошел к дивану. Чухнар спал беспокойным алкогольным сном.

Привычным движением Петренко расстегнул китель генерала и в наплечной кобуре нащупал рукоятку пистолета. “Осталось пятнадцать минут... Если Бог не помешает, а черт поможет, все будет Абгемахт”.

Второй портативный диктофон он положил в нагрудный карман своего кителя.

Будил он генерала беспощадно, как это только могут делать работники УВД. Мохнатые уши старого друга трещали в его пальцах. Но только тогда, когда он стал выворачивать ноздри генерала наизнанку, тот открыл глаза.

— Вставай! Идем в исполнительную камеру, там враги! — металлическим голосом заставил того вскочить и подтянуться.

Чухнарь тупо уставился на человека, отдающего знакомый приказ, тем не менее, рявкнул угрожающим голосом:

— Враги? Где?

Они долго петляли в мокрых, плохо освещенных подвалах. Чухнарь, как манекен, шел за дежурным офицером время от времени повторяя:

— Враги? Где враги?

Возле сорок пятой камеры они остановились.

У массивной двери, на которой помимо железной штанги висел амбарный замок, стоял дряхлый старик в воензированной форме.

— При-ш-ш-ш-ли, Иван Григорьевич? А я уже дещать минут вас подшидаю.

— Ты мне нужен, Михайлов, — хлопнул его по плечу Петренко. — А ты, Алтухов, на сегодня свободен. Можешь уходить домой.

С грохотом упала штанга. Дверь издала вековой скрип и медленно открылась. Когда они вошли в камеру, удивлению Быка не было предела. Даже прапорщики имели право заходить к смертникам только в сопровождении пяти-шести человек.

Валентин натянул одеяло на голову, а Бык вскочил с нары и вытянулся по стойке смирно.

— Этот самый, — жестяным голосом сказал Петренко, и плакатным жестом указал пальцем на уловника.

Пьяный до невменяемости Чухнарь все же стоял на ногах. Выпучив пьяные глазки, мало чем отличающиеся от пуговок Быка, он неожиданно громогласным голосом рявкнул:

— Какая партия?! Отвечай, какая партия, мразь?!

Зубы Быка отбивали дробь. В начале визита он думал, что пришло помилование и сейчас этот старый генерал прикажет зачитать бумагу из Москвы.

— Я не понимаю, Иван Григорьевич, чё они меня спрашивают?

Но и Петренко Иван Григорьевич повел себя не так как обычно.

— Говорит не виноват, а сам только что из побега, — толкнул локтем Чухнарю.

— Это не я, не я! — закричал Бык, и стал стаскивать с нары Королькова.

Лицо Чухнарю исказила звериная гримаса. Заученным движением он молниеносно расстегнул китель и выгашил пистолет.

Когда Бык увидел направленный на него ствол, его глаза округлились и увеличились до такой степени, что теперь напоминали глаза австралийской обезьяны.

— Гражданин начальник, я не ...

Отчаянную попытку объяснить прервал сухой звук выстрела. За первым выстрелом последовали еще. Теперь генерал вел беглый огонь по скрюченному на койке Королькову.

Огромная туша Быка распростерлась в луже крови. Корольков лежал, свесившись с койки. Широко открытые глаза медленно стекленели.

Вслед за выстрелами раздался крик полковника Петренко:

— Михаил Васильевич, товарищ генерал, что вы наделали?! Какие меньшевики, это не тридцать седьмой год! Михалыч, быстрее вызывай санчасть!

Чухнарь судорожно сжимал рукоятку пистолета, бессмысленно уставившись на трупы. Губы что-то шептали. Что именно, расслышать было невозможно.

Петренко вырвал у генерала пистолет и выскочил в коридор.

— Эй, Михалыч, где ты, стой!

— Я здешь, товарищ полковник.

— Не спеши докладывать, тебе сколько до пенсии?

— Уше дещать лет, как полошено. Товарищ полковник, я того, што вы хотите?

— Быка застрелил ты, при попытке обезоружить генерала. Застрелил из пистолета генерала.

— Но, товарищ полковник...

— Молчать! Ты был исполнителем уже в тридцать первом. Вспомни, скольких людей переправил на тот “берег”¹?

— Не понял, товарищ полковник!

— На тот свет, старая вешалка. Получишь благодарность и уйдешь на пенсию. Со своего фонда я подброшу деньжонок.

При упоминании о деньгах морщинистое лицо прапорщика заметно оживилось.

— Иван Григорьевич, я ваш понял, но только давайте сразу договоримся. Благодарноштей по службе мне не надо. Тысяча долларов внучке на приданное, и мы с вами в рашщете.

— Ладно, черт с тобой. Завтра получишь тысячу долларов, а теперь беги к ДПНСИ, заяви по форме.

В коридоре раздавался грохот множества сапог. Сначала в распахнутые двери ввалился капитан Ашимов, затем из санчасти прибежал дежурный врач Юрий Георгиевич в сопровождении двух прапорщиков.

Чухнарь, у которого приступ алкогольного психоза сменился глубокой депрессией, сидел в ногах убитого Королькова, закатив глаза и склонив голову на грудь. Петренко стоял рядом, пытаясь его поднять.

Казах Ашимов подскочил к Петренко и, выпучив заплавленные глазки, затараторил:

— Тафаришт палкофник, генерал не пастралада?

— Молись аллаху, на твое счастье не пострадал.

— Патшему мае, я здесь ни при чем.

Петренко устрашающе выпятил челюсть и, что есть силы, рявкнул:

— А кто сегодня дежурный?! Кто должен был проследить, чтоб генерала сопровождала охрана?

— Мине никто не предупредил. Тафаришт полкофник, я софсем не виновата.

— Не виновата, — передразнил Петренко. — Дежурный ты? Ты за все и отвечаешь!

Михалыч и Ашимов подхватили очумелого генерала под руки и потащили в кабинет начальника тюрьмы. Петренко шел следом за ними. Прапорщики и тюремный врач остались в камере.

Только глубокой ночью генерал Чухнарь пришел в себя. Первое, что он увидел, было аскетическое лицо полковника Петренка, склоненное над письменным столом.

Пробуждение генерала Петренко встретил театральным движением разведенных в разные стороны рук.

— Ну, слава Богу, я уже хотел к тебе вызывать доктора. И часто это у тебя, Мишка, бывает?

Чухнарь осоловело моргал глазами. Он что-то силился вспомнить, но изношенный старческий мозг информацию не воспроизводил.

— Чего бывает?.. Можно подумать, ты не пьешь?

Петренко дружески заулыбался.

— Я, Миша, конечно же пью, но, когда пьяный, во время перестройки людей не убиваю.

— Каких людей? — встревоженно встрепенулся генерал. — Чего ты там буровишь? А ну, давай выкладывай! — уже приказным тоном прикрикнул он.

— Ты, что, взаправду ничего не помнишь?

— Молчать! — что есть силы Чухнарь треснул кулаком по столу. — Я вам покажу, как из старшего по званию делать дурака!

Лицо полковника приняло хищное птичье выражение. Зловеще, медленной походкой он подошел к сидящему на тахте Чухнарию и сухим пальцем ткнул его в грудь.

— Ты на меня не ори, пес старый. Забыл, как в учебке мне сапоги чистил? Я и сейчас тебя враз уделаю.

Вновь почуввав гипнотическую силу этого человека, Чухнарь испуганно притих.

— Вчера ты затребовал показать камеру, в которой сидел сбежавший с Харасановым Корольков. Так вот, дорогуша Михаил Васильевич, при свидетелях ты застрелил двух заключенных — Зубова и Королькова. Упражняешься в стрельбе, старое быдло! Это тебе не тридцать седьмой год, загремишь как миленький под суд.

— П-п-а-дажди, Ванька... Не может быть... Я-я действительно ничего не помню.

— Тем хуже для тебя. По новым законам алкогольного опьянение отягчает вину.

Теперь Чухнарь больше напоминал дряхлого деда, чем привыкшего повелевать генерала. Лицо приняло безвольное, дрожащее выражение. Плечи мешковато провисли, из глаз потекли слезы.

— Ваня, нишего не помню, не губи, — зашамкал он. — Я в управлении доложу, что у тебя все в порядке.

Лицо Петренка смягчилось. Мертвые глаза оживились.

— Ну, это другой вопрос, — сказал он. — Есть тут у меня один старичок...

XXII. “Бог войны”

Отполированный матрас воняет сыростью и мазутом. Будь он одет в нормальный человеческий костюм, он бы не осмелился лечь на это ложе. Но Василий только что вышел из колонии.

По зоновским понятиям он был одет шикарно. На Василии переливается матовым блеском новенький мелюстин. Перешитый и скрупулезно подогнанный, он еще недавно вызывал зависть.

На волю Василия провожал весь цвет колонии. Два дня они глушили чифирь и кололись в завешенном простынями будняке¹.

Наркоман с него плохой. От шалы в его организме образовывается отвратительная пустота. Что касается иглы, кололся он только потому, что в лагере это признак самого большого шика. Там, где он находился, белые вороны просто не выживали.

“Ну, друган, сегодня мы с тобой расстанемся.” — мысленно он обращается к своему костюму.

В этом загаженном бродягами подвале у него тайник. Здесь у него хранится вещь, благодаря которой следователи две недели отбивали ему внутренности.

Он выбрасывает лезвие ножа и с трудом пробирается в отдаленный угол.

От нетерпения его лихорадит. Он ковыряет в щелях между кирпичами, ломает ногти, сдирает с косточек пальцев кожу.

Наконец, кирпичи вываливаются. “Классно, все на месте... Пословица “молчание — золото” опять себя оправдала”.

В промасленном полотенце у него “Бог войны”¹. За него таллинским ребятам он сгрузил “тонну”², за него он бы отдал и пять, настолько это классное оружие.

За него он много выстрадал. Таллинских барыг взяли после него через год. Дешовые, как все из этой породы, они перегрызлись между собой, вспоминая все, что можно было вспомнить.

Его привезли из зоны в тюрьму. Следователь, совместно с таллинским, выбивал из него печень и лагерную пыль. Теперь все уже в прошлом, а парабеллум остался.

“Сегодня ночью я поставлю на уши первого попавшегося “насоса”³. Мне нужны и “кишки” и бабки.”

На улице уже темнеет. “Это хорошо. Моя прическа плюс одежда вызывают массу любопытных взглядов”.

После выпитого пива и съеденного беляша его мучит жажда. Василий входит в магазин, направляется в отдел “Соки, воды”. Протягивает толстой продавщице последние деньги, десять тэньге, просит стакан сока. Она наливает полстакана мутной жидкости, отворачивается и сердито говорит: “Проходите. Кто следующий?”

Сок стоит пять тэньге, он дал ей десять. Еще раз смотрит на ценник и вежливо к ней обращается:

— Девушка, с вас пятерка сдачи.

Ее физиономия наливается кровью, вареники ярко накрашенных губ раздвигаются, обнажая два ряда золотых зубов.

— Чего, чего? Какие сдачи? Ты дал пять!

Он не желает скандала, но пятерка ему нужна, чтоб купить проездные талоны.

— Мать, взгляни на тарелку. Вон моя десятка лежит сверху.

Она, наглая как сто педерастов:

— Мало ли сколько у меня в тарелке десятков. Пошел отсюда, или я милицию вызову.

Он начинает злиться. Она определила откуда он, поэтому ничего не боится.

— Мать, имей совесть, — делает последнюю попытку, — ты ведь снимаешь последнюю рубашку...

— Тамара! — машет она толстой лапой, пальцы которой унизаны золотыми перстнями, — позвони в милицию, тут ко мне ээк пристаёт.

— Ухожу, ухожу, — улыбается он, и твердо про себя решает: “Именно ты, деловая колбаса, поможешь мне сегодня раскрутиться на бабки.”

Этот город Василий ненавидит. Сколько он себя помнит, этот город приносит ему унижения и оскорбления. Но в этот город он постоянно возвращается, гонимый непонятной тоской.

В колонии Василий не успел деградировать. Как это получилось? Возможно потому, что с первых недель и месяцев в бесконечных драках, из которых он выходил победителем, Василий отвоевал независимость.

А может быть, книги?.. Завоевав себе право независимости, тем самым он получил возможность проводить свободное время в лагерной библиотеке. Именно безнаказанно, потому что любое проявление попыток интеллектуального развития колония жестоко пресекает.

В этом городе Василий получил жизнь и свой первый срок. Тогда, в четырнадцать лет, мать его не уберегла от интриг угреватого следователя. Оглушенного, без сознания, его бросили в “отстойник”, где его юношеское тело валялось среди окурков.

Затем его опять подняли наверх. Опять капитан тыкал ему ручку и лист бумаги, требуя показаний.

К ручке он больше не прикоснулся. Не ожидая такого сопротивления от четырнадцатилетнего подростка, они перешли на терминологию, которая не перестает смешить все эти годы.

— Ты стрелянный воробей, но и мы не лыком шиты... Хотя ты и крепкий орешек, но мы тебя расколем. Все равно будешь сидеть!

У избитого и опустошенного, у него впервые мелькнула мысль покончить с собой. Он не видел конца своим мучениям. Люди в форме, которых еще недавно он уважал, оказались теми же уличными насильниками.

Они его выпустили в первом часу ночи. Болела голова, хотелось спать. Кое-как он прилепился домой.

Уже на лестничной площадке он услышал пьяные голоса. Ритм жизни матери сбоям подвергался редко. Она открыла дверь, окатила его удушливой волной алкоголя.

— Пришел, сволочь? У-у-у! Глаза бы на тебя не смотрели. Так и хочет мать посадить.

Сдерживая рыдания, он выскочил из квартиры и, ничего перед собой не видя, убежал в ночь.

На улице шел дождь. Не имея спичек, он наощупь пробрался в подвал и свалился на матрас.

Его знобило. Казалось, от холода и головной боли он опять потеряет сознание. Из последних сил он лег на сухую землю, а матрас натянул на себя. Перед глазами поплыли радужные круги. Тошнотворный ком подступил к горлу. Он провалился в бездну.

Несмотря на плохие взаимоотношения с матерью, ненависти к женщинам у Василия не было. Случай в магазине его озлобил. “С первых же часов выхода на свободу мне дали понять, что я не человек”.

Об исправлении в местах лишения свободы он не верил. “Исправляются” только те, которые после лагеря отправляются доживать свой век в богадельнях.

Наконец магазин закрыт. Нагруженная сумками, она, словно пивная бочка, катится на троллейбусную остановку.

Жадность, присущая этой категории, Василия не подводит. Вызывать или ловить такси она не стала.

Троллейбусом они едут очень долго. Нутром профессионала он чувствует, что все получится. За поясом у него парабеллум. В кармане он сжимает холодный корпус выкидного ножа.

Мать складывается. Помимо его бандитской фортуны, торгашку ведет к финишу ее рок.

Он не сомневается, что от инфаркта она не умрет. Закаленная в схватках с покупательским “быдлом”, после встречи с ним она еще больше закалится.

Торгашка выходит на окраине города и катится в частный сектор. Холодный ветер и дождь разогнали людей по домам. Он на ходу обматывает шарфом нижнюю часть лица, и в тени забора следует за ней.

Неожиданно она ускоряет шаг, бежит. Он понимает, еще мгновение — ночь огласится криком. В три прыжка он ее догоняет.

— Пикнешь, отрежу башку, — выбрасывает сверкающую полоску стали. — Узнаешь? — неожиданно для себя самого выкрикивает он, и срывает с лица шарф. — Распрягайся, мразь.

В отблеске уличных фонарей он видит, как вращаются белки ее глаз. Видимо, она знает гнусное свойство своего голоса, не произносит ни слова.

Он снимает с нее золотые серьги, три перстня и кожаный плащ. В кошельке куча денег. Охваченный внезапной тревогой, он, словно волк, сворачивает в переулок и погружается в кромешную тьму.

Василию определенно везет. Плащ оказывается мужским. В кошельке у торгашки баксы. Заявления в милицию можно не опасаться.

“Куда деть золотые перстни?” — он перебирает свои знакомства в этом городе, и наконец находит...

К дому барыги он подъезжает на такси. Домик неказист, но достопримечателен. Здесь проживает долларовый миллионер. В принципе, здесь ничего удивительного нет, кроме того, что миллионер ни разу не сидел и сделал свой бизнес на скупке краденого.

— Эй, Рафик, открывай, не телись. Это я, Пеликан!

Тот прилип к глазку, но открывать все еще не решается.

— Раф, змей, ты чего!?. Да я это, Пеликан, в пятницу “откинулся”²¹!

Наконец дверь открывается. Маленький, толстенький человек пропускает Василия в прихожую.

Насколько дом барачного типа неказист снаружи, настолько роскошна квартира сапожника Мамедова внутри. Неизвестно какими методами, но своих соседей он “выкурил”, сломал стены и захватил еще две квартиры. Без приглашения Василий падает в мягкое кресло, снимает туфли и погружает ноги в белый мех медвежьей шкуры.

Рафик ничего не спрашивает о сроке Василия, подходит к нему и щупает лацкан плаща.

— Английский, что-ли... По чем брал?

Барыга от мозга до костей, Рафик не понимает, что Василию иногда хочется рассказать о своей жизни.

В груди Василия подымается злость. Он вспомнил, как Рафик у него, шестнадцатилетнего глупца, скупал по пятерке за штуку вещи, стоившие больших денег.

Мамедов смотрит на него надменно, как это любят делать восточные. Тогда, в прошлом, этого взгляда он боялся. Теперь ему абсолютно наплевать. В лагере он хорошо изучил подобную трусливую породу. Стоит взять его за кадык, последуют слова: “Да ты что, земляк, ... ты меня не понял... Давай поговорим!”

— Даю за плащ двадцатку... Он паленый, сам понимаешь...

Василий едва сдерживается.

— Рафик, плащ я не продаю. Вот три перстня... Давай нормальную цену или я уйду.

Как все восточные, от золота он без ума.

— К-ка-кую просишь?.. Даю за каждую по пятьдесят.

“Страсть, как хочется выколоть один из этих бегающих глаз-маслин.”

Каждый из перстней стоит минимум по двести... платина усыпана бриллиантами.

— Рафик, или даешь за каждый по сто пятьдесят, или я уйду.

Он вперился в него колючим взглядом.

— Ты чё, Пеликан, они этого не стоят.

Он вспыхивает.

— Ну ты, змей, и наглый. Запомни, барыжная рожа, — он хватает его за ворот и притягивает к себе, — мне не шестнадцать. Теперь ты за пятерку у меня сможешь только отсосать!

Такие люди не оскорбляются. Достоинство для них пустое слово.

— Ну и как? — спрашивает Василий его, и прячет перстни в карман. Завтра в Рудном я за каждый получу минимум по двести.

Он надрывно вздыхает и отправляется в одну из комнат. Через минуту Василий получает деньги и выходит в ночь.

Двенадцатый час ночи. Сегодня прибарахлиться уже не получится. Но эту проблему он фактически решил. Остается проблема ночевки. Она в его положении очень существенна. Из-под плаща торчат раструбы “шикарных” мелюстиновых штанов. Наметаному глазу первого попавшегося мента этого вполне достаточно, чтоб забрать в участок. “Там будет обыск и в моем положении срок не менее пятнадцати лет.”

“Блат-хат” в городе у Василия море, но все они на ментовском приколе. Знакомых проституток тоже хватает, но шарахаться по ночным борделям чревато тем же.

“Ну, что, Коваль, тряхнем стариной?” — шепчет Василий сам себе, и направляется в близстоящий дом.

Из пяти подъездов в одном все же есть незапертый чердачный лаз. “Пыльно, но перекантоваться можно”.

В углу громоздится груда вонючего тряпья. Ложиться противно, но выбирать не приходится. Он мстит что-то наподобие постели и, наконец, вытягивается в горизонтальном положении.

Опять закрутился калейдоскоп памяти...

После визита в милицию угреватый следователь и капитан его не забыли. Когда он появлялся домой, его ожидал ворох повесток и дикие вопли матери.

— Пришел, сво-о-о-лочь!.. Ну, теперь точно будешь сидеть!!!

Ей было чего беситься. Благодаря визитам милиции, приоткрывалась завеса над ее личной жизнью.

Днем он шатался по городу, ночь проводил где придется.

К тому времени большинство его друзей попали в колонии. В основном они, как и он, не имели отцов. Некомпетентные в юридических вопросах матери были не в силах предотвратить крючкотворство волчьей стаи следователей.

Этот город, с его знаменитой тюрьмой, всегда был для людей нарицательным. В то время он уже слышал о диких порядках, царивших за серыми тюремными стенами.

Благодаря стараниям угреватого, он вскоре здесь оказался. Вспоминая за что его посадили, он ловил себя на том, что первой мыслью при покупке парабеллума было желание отомстить угреватому.

Его взяли все в том же родном подвале. Вслед за болючими пинками он услышал насмешливые слова, которые до сих пор стоят в ушах: “Я тебе сказал, что будешь сидеть, а ты мне не поверила”.

Следователь с издевкой коверкал слова, пытался говорить на блатном жаргоне. В камерах тюрьмы Василий встретил множество сверстников, попавших туда благодаря стараниям этого следователя.

То, что последовало за словами угреватого, было похоже на трюк циркового иллюзиониста. Ехидно улыбаясь, он вытащил из нагрудного карманчика его пиджака маленький сверток.

— Пасмотрим, что ты здесь прячешь, — хрюкнул он, и на глазах Василия его развернул.

Сопровождающий угреватого сержант и еще один в штатском театрально заохали.

— Ох, ничего себе, анаша!.. Больше пяти грамм!

Происшедшее мало поддавалось осмыслению. Василий молчал, и это молчание их насторожило.

— Ну, что, Коваленко, сам куришь, или продаешь?

Впрочем, об их настороженности он возможно преувеличил. Дела, в которых фигурировали наркотики, были беспримечательными.

Несмотря на глухую ночь, угреватый привел понятых. Старые люди, они подписали акт изъятия, несмотря на то, что при этом не присутствовали. Остаток ночи он провел в отстойнике, а наутро “таинственный” прокурор подписал санкцию на его арест.

XXIII. Знакомство продолжается

Франц Бялковский понял: перед ним незаурядный человек. Воспитанный в среде, где превалировала ханжеская мораль, он всегда ощущал массу давящих на него комплексов, но простого объяснения не находил.

С улицы донесся шум мотора. У подъезда остановилось такси.

— Решайте, ребята, едем с нами или остаетесь? — спросил Константин.

— Едем, — односложно ответил Франц.

Вчетвером они вышли из квартиры и сели в такси.

— Куда, шеф, поедем? — спросил водитель. — Только договоримся сразу, в Новый город не поеду, мне скоро в таксопарк.

Константин поморщился.

— Ну, парень, ты даешь. Мы такси заказывали не на десять минут. У нас срочное дело в Темиртау.

— Чего, чего? — поперхнулся водитель. — Да вы шутите, дорогие, мне через двадцать минут в таксопарк.

Девушки приуныли. Дело принимало неожиданный поворот.

Константин рассмеялся.

— Деньги нужны, парень?

— Кому они не нужны, но меня напарник сожрет, если я не приеду.

— Две сотни зеленых, думаю, тебе не помешают. А если поедешь по той дороге, какую укажу — уплачу триста.

Таксист недоверчиво покосился. Одежда клиента не вызывала доверия.

— Да что ты на меня, парень, так смотришь?.. Гуляли здесь, и попали на блат-хату. Все вещи увели. Я сам из Темиртау. Приедем домой, рассчитаюсь как обещал.

Тон сказанного и представительное лицо клиента развеяли сомнения. Таксист хохотнул:

— В Караганде, земляки, голову запросто потерять, не то что шмотки. Кстати, в городе, говорят, опять эки с лагеря сбегали. У меня нет рации, подробностей не знаю. Кстати, вы ничего не слышали?

— В том то и дело, что слышали. Ты, думаешь, почему я тебя попросил ехать окружной дорогой? У нас вместе с вещами увели документы. Начнутся проверки, не посмотрят, что не острижены. Сам знаешь, что такое милицейские разборки.

— Да нет, у них фотки имеются, — сказал водитель. — Там тоже не дураки сидят.

Дорога оказалась хорошо накатанной. Водитель спешил. Со скоростью за сто километров они мчались сквозь жухлую степь. Вскоре в серой дымке показались огни Темиртауской магнитки.

— Кажется, приближаемся, — сказала Наташа, — но, посмотрите, со стороны поселка едет автофургон.

В салоне воцарилось гробовое молчание. Через несколько минут можно было различить зеленый цвет военной машины.

— Остановись, братишка, — скомандовал водителю Константин. — А теперь быстро из салона, — и приставил к голове водителя ствол пистолета.

Перепуганный таксист поспешно покинул машину.

В автофургоне наверняка имелся бинокль. После заминки с водителем, зеленый грузовик стремительно понесся наперерез.

Харасанов до упора нажал на акселератор. Сквозь открытое окно донесся треск первых выстрелов.

Франца охватило странное чувство. С одной стороны он ощущал смертельную опасность, и в то же время грудь раздирало непонятное ликование. Он еще не знал, что это была подсознательная радость риска, живущая в каждом настоящем мужчине.

Харасанов понимал: из ста шансов уйти от солдат ВВ, у них — не более одного. Этот единственный шанс в данный момент сводился к скорости машины. На трассу Караганда — Темиртау Харасанов решил не выезжать. Глыба руды, символизирующая город металлургов, осталась слева. Они свернули в голую степь, и поехали параллельно асфальтированной дороге. Где-то слева остался пункт ГАИ. Солдаты по рации наверняка успели о них сообщить.

Когда они въехали в город, мотор забарахлил. Константин, не раздумывая, остановил машину. Они побежали к автобусной остановке.

Автобус долго петлял по микрорайону. Когда они вышли из автобуса, сгущались сумерки. Прошло еще добрых полчаса, прежде чем Константин отыскал нужный адрес. Прежде чем войти в дом, Харасанов попросил их подождать в подъезде. Когда Константин возвратился, по его лицу они определили, что все в порядке.

— Вот наш отдых и все остальное, — подбросил он в руке связку ключей. — Честно говоря, боялся, что бабуля отдала Богу душу. Ну, вперед, ребята, это рядом, в соседнем доме.

Пол прихожей покрывал голубой ковер, в который серебряными нитями был вплетен восточный узор. Овальное зеркало на стене тускло освещивало бронзой причудливой рамы. На стенах, покрытых бордовыми обоями, прикреплены бронзовые подсвечники со вставленными свечами. Зал походил на капитанскую каюту испанского гранда эпохи средневековья. Старинная мебель, непонятно каким образом попавшая в этот черный город, вычурно громоздилась у стен. Все сверкало, блестело, утопало в роскошных коврах. В уютной спальне черным лаком отливала итальянский гарнитур.

— Не удивляйтесь, ребята, деньги у меня есть... Даже можно сказать много денег. По специфике своей работы я делал документы людям, имеющим десятки миллионов. А теперь, мои дорогие друзья, мы должны отпраздновать первый этап на подходе к самому дорогому. Это еще не полная свобода, но в моей душе все же есть надежда, что мы прорвемся. В этом буфете пушкинских времен должна быть коллекция отличных вин, выдержка которых увеличилась за два года моего отсутствия.

Он открыл створки резного буфета, и перед глазами ослепительно засверкали бутылки с этикетками, которых они в своей жизни не видели. В кладовке девушки нашли залежи консервов. Черная и красная икра, копченые языки, шпроты, ветчина. На полках лежали связки копченой колбасы. Запас продуктов был, как и все в этой квартире, основательным.

Девушки приняли ванну и ушли в спальню. Когда они появились, Франц не поверил своим глазам. Одетые в шелковые китайские халаты, они разжигали воображение и возбуждали желание.

Константин переоделся. Теперь он был одет в спортивные брюки и клетчатую ковбойку с короткими рукавами. Хорошо выбритый, подтянутый он выглядел намного моложе.

Зашторенные тяжелыми, золотистыми портьерами окна не пропускали дневной свет. Они сели за роскошно сервированный стол. Константин поднял фужер.

— Сегодня мы будем пить сорокалетний коньяк и праздновать приход свободы. К сожалению, за этим столом нет свежего хлеба, но выходить в город уже поздно да и небезопасно.

Перемена обстановки была столь разительной, что упоминание об опасности не произвело должного впечатления. Они слушали и улыбались. Константин продолжил:

— Я далек от мысли, что все разделяют мои взгляды на жизнь. Но есть одно общее, что объединяет всех сидящих здесь людей. А именно... мы хотим счастья, любви и свободы. Что касается нас с Татьяной, мы хотим свободы вдвойне. Потому что до конца понимаем значение этого слова. Я не буду многословным, друзья, выпьем за свободу и любовь!

Ничего подобного в своей жизни Франц не пил. Коньяк был бархатным и сладким, благоухал тончайшим ароматом южных садов. Девушки, словно вкусившие благ цивилизации туземки, щелкали языками. Глядя на девушек, Харасанов впервые за время знакомства громко расхохотался.

— Что, Танечка, вкуснее, чем заваренный сухарями чай в Карагандинской тюрьме? Если выберемся в Швейцарию, нам хватит денег до конца своих дней пить такой коньяк.

Опьянение было также необычным. В жилах вспыхнул огонь. Тело наполнила легкость, а сердце — необъяснимая радость.

Константин включил музыку. Загадочные блюзы погрузили их в сказку бесконечного веселья и сладострастия. Они сели в удобные кресла, окунулись в столь редкий для них физический и моральный комфорт.

Несмотря на усталость, они легли спать только под утро. Впервые за все время в этих краях Франц ощутил необъяснимую раскованность. С одной стороны он понимал, что все то, чем он пользуется, результат преступных деяний. С другой стороны, увидя перед собой такого человека как Харасанов, он понял, что среди ужасающей серости в этой стране есть люди, реально вбирающие в себя романтические образы Айвенго и Казановы, Дон Кихота и Блада.

Когда он вошел в спальню, Наташа уже спала. Он сел на угол кровати и долго всматривался в красивое лицо. “Что ожидает эту девушку завтра? В этой стране и в этих условиях через несколько лет она превратится или в измученную тяжелой работой женщину, или прокуренную, вечно пьяную бродяжку, скитающуюся по городским притонам. Другого быть не могло. Низкий интеллект и редкая красота приведут к единственному уделу: этот цветок, произросший на бурой почве “окаянного края” погибнет”. Ему стало невыносимо жаль эту девушку, себя, всех окружающих его людей, которых гонит серость и нужда в безысходность.

Убранство этой квартиры свидетельствовало, что коммунизм, за который сложили головы миллионы, и о котором по-прежнему мечтает глупый народ, уже давно построен. Он реален! Вот он... В этих сервизах, гарнитурах, китайских халатах, стоящих тысячи долларов. Он в миллионах долларов, перекаченных из этой страны в швейцарские, американские, немецкие банки. А одуроченные толпы сограждан продолжают брести под бред лежцов.

Размышления Франца прервал тихий стук в дверь. На пороге стоял Константин.

— Мне с вами необходимо поговорить. Думаю, о нашем разговоре нет необходимости знать девушкам.

Они вышли на кухню. Константин включил светильник.

— Ваша фамилия Бялковский? — несколько чопорно начал он. — Знаете, Бялковский, еще два дня тому назад я не верил, что так можно сидеть в комфортабельной обстановке, пить мартель и курить “Ронхил”. В принципе, моя статья предусматривает до пяти лет. Это не так уж много, если бы администрация тюрьмы отправила меня в специальный лагерь. Но я попал в лапы сталинского мерзавца, который наполовину выжил из ума. Он решил уничтожить меня руками уголовников. Рано или поздно это бы и произошло. Я бежал. Если меня поймут, несмотря на то, что в стране перестройка, я буду убит. Долго скрываться здесь невозможно. Поэтому мы с Татьяной попытаемся уйти за границу.

Он глубоко затынулся и устало помассировал переносицу. Впервые Франц почувствовал, какая гигантская тяжесть давит на этого человека.

— Вы слышали что-либо о художнике Михаиле Шемякине? Если я не ошибаюсь, вы ведь художник? Так вот, Бялковский, через десять лет ваш талант зачахнет и вы будете раскрашивать киоски в микрорайоне. В свое время Шемякин это понял и теперь прекрасно живет в США. Знаю, сейчас вы скажете, что у вас есть отец, мать, которые вас проклянут. Через несколько лет вы сможете чаще приезжать к своим родственникам из-за рубежа, чем теперь из Казахстана. Предлагаю вам и вашей девушке изумительную страну Швейцарию или не менее привлекательную Америку.

Франц рассмеялся. Нервное напряжение нашло выход.

— Вы, Харасанов, большой весельчак. Как это вы сказали: “предлагаю изумительную Швейцарию или не менее привлекательную Америку”. Вы забыли в каком вы, теперь уже и мы, положении. Нас переловят, как кроликов и перестреляют, как кропатов.

— Я ожидал этих слов. Что ж, такой исход не исключен. Но, послушайте, Бялковский, вы имеете дело с человеком, который тридцать лет проработал в УВД. Для ухода за границу нужны четыре составные, и они у нас есть: ум, деньги, оружие, документы. Кроме всего, я предлагаю вам и вашей девушке вариант, который при поимке снимет с вас уголовную ответственность. А именно: я сделаю вас заложниками.

Он вопросительно посмотрел на Франца.

— Знаете почему я вам это предлагаю? Только не подумайте, что я филантроп или альтруист. Не терплю эти качества, от них веет ханжеством, что в итоге и сказывается. Просто за два долгих года впервые увидел человеческое лицо. Вы, Франц, выгнали первый и последний для вас счастливый билет в этой стране. У меня только в Швейцарии пять миллионов долларов. Обещаю вам собственную мастерскую и обеспеченное будущее.

Лоб Франца покрылся испариной. Слова о пяти миллионах он пропустил мимо ушей. В его мозгу пронеслись мысли, от которых художника бросило в жар. “Увидеть желтые воды Нила, развалины античных городов, ярчайшую лазурь Адриатики!” Он был только художник, и отказаться от всего этого было выше его сил.

— Я согласен, — односложно сказал он. — Я согласен! — уже уверенно повторил он. — Что касается Наташи, за нее я решать не вправе.

XXIV. Женщины, вино, воспоминания

До открытия фирменного магазина считанные минуты. Наконец дверь открывается, Василий входит первым. Фантастические цены его не пугают. Он примеривает двубортный пиджак от костюма и, пораженный, стоит перед зеркалом.

Продавщица топчется за ширмой. Его брюки и обувь заставляют ее волноваться.

— Молодой человек, вы цену прочитали? Костюм стоит триста долларов.

— Не переживай, мать, бабки при мне, — говорит он ей, и видит, что его слова волнение усугубляют.

“Хватит, пора завязывать с блатным жаргоном!”

— Все в порядке, девушка, костюм мне подошел, буду брать.

Туфли он покупает в том же магазине и тут же облачается в обновку.

Настроение хорошее. Остается купить рубашку и галстук.

Проходит еще полчаса. Теперь его можно принять за молодого бизнесмена или сына богатых родителей.

День проходит незаметно. В 19.00 Василий направляется в ресторан. Он трепещет от сознания того, что сейчас осуществится одно из самых заветных его желаний.

Попасть в увеселительное заведение сопряжено с известными трудностями. Халдей¹ напоминает цепного пса, которыми переполнена любимая Родина.

— Молодой человек, извиняюсь, но у нас все столики заняты.

Василий бросает ему пять баксов и тот, заискивающе улыбаясь, вручает его метрдотелю. Метр продолжает песню халдея.

— Молодой человек, у нас все столы заказаны иностранцами. Придется подождать.

— Понимаю, — говорит Василий, и хлопает его по плечу. — Сколько иностранцы платят за стол?

— Пятьдесят, — мямлит он, отводя глаза.

— Получите шестьдесят, — отсчитывает он деньги, — и прошу, кроме девушек, никого ко мне не подсаживать.

На столе коньяк, холодные закуски, пиво. “До чего превратна жизнь... В ста километрах отсюда люди годами едят гнилую капусту.”

После первой рюмки становится хорошо. Ощущения обостряются до такой степени, как это только возможно после долгих лет воздержания.

Звучит музыка. Вульгарная певичка трясет тяжелым бюстом, внушая всем, что она такая же Пугачева, но по воле рока оказалась на кабацкой сцене. Официант с лоснящейся физиономией наклоняется к уху и заговорщицки шепчет:

— Девочками не интересуетесь? Я могу помочь.

— Девочками? Конечно интересуюсь! Давай, давай, дружочек, в обиде не останешься.

Девчонкам по девятнадцать лет. Вихрь пороков уже отметил их лица. Симпатичные, но серенькие и бледненькие, они говорят о жизни в кабацком режиме.

Людочка и Лидочка бесцеремонно наливают коньяк. Он выбирает Лидочку, не подозревая, что в последнее время моден групповой секс.

— Васо, можно тебя так называть? — говорит ему Лидочка, и мостится ему на колени. — Давай дружить.

— Естественно, — отвечает он, и целует ее в губы таким затяжным поцелуем, что в глазах девушки постепенно зарождается ужас.

— Ты ч-ч-ч?.. Я, я так не привыкла.

Ему смешно и хорошо. О таком поцелуе он мечтал в лагерных изоляторах...

— Не бойся, Лидок, я не садист. Так было надо... один раз.

Людочка дергает его за рукав:

— Васо, и я... я тоже так хочу!..

Ее он целует менее страстно, но она не обижается.

Сегодня его вечер. Официант приносит очередную бутылку шампанского. Девчонки много пьют, но не пьянеют. Возможно, это своеобразный иммунитет.

Возвращаясь после очередного танца к столику, Василий видит возле Людочки незнакомого парня. Она чем-то напугана. Людочка шепчет:

— Васо, это Хряк, он рэкетир и сутенер заодно. Пришел по наши души.

Хряк одет в джинсы и безрукавку на голое тело. То, что он здесь в таком виде, говорит за себя.

Василий садится за стол и Хряк тут же приступает к делу.

— Земляк, если хочешь с телками поташиться, плати за каждую пятьдесят баксов.

В первую минуту Василий хотел сломать ему шею. Это бы заняло у него ровно пять секунд. Победил здравый смысл. И еще: он хотел в эту ночь обнять горячее женское тело. Драка приведет только к одному — бегству или скамье подсудимых.

Он отдал ему деньги и увидел, как обрадовались девушки. Женской интуицией они понимали на что Василий способен, а может догадывались и о большем.

— А теперь сваливай, — не сдержался Василий. — Еще один раз подойдешь, завалю!

С лакейской улыбкой на устах Хряк ушел.

В этой гостинице они снимали номер. Проблема квартиры отпала сама по себе.

По сравнению с лагерным бараком гостиничный номер — дворец персидского шаха. Они его раздели и окунули в блаженство. В отблеске уличных фонарей их тела извивались, как сказочные змеи. Проведя многие годы в лагерной среде, где половые потребности систематически подавляются, он рычал в экстазе как раненный зверь.

Его состояние они понимали. Избалованные клиенты, которых они обслуживали, не могли отдать им столько энергии и любви. И только память мешала Василию расслабиться до конца...

Угреватый следователь был его злым гением. На просьбы и требования заменить ему следователя, приходил все тот же угреватый и похохатывая заявлял: “Пиши хоть в ООН... Для того, чтоб отказать от следователя, нужны основания, а у тебя их нет.”

Дело, фактически, было сработано. Оставались незначительные детали, мешающие угреватому сбить его с рук. Глядя в пространство, с поразительной наглостью он продолжал фальсификацию.

— От кого получил анашу? Скажешь правду — меньше дадут.

Душевному силам Василия приходил конец. В один из таких вызовов он схватил настольную лампу и запустил следователю в голову. Угреватый успел уклониться. Через несколько секунд Василия топтали ногами сержанты. Угреватый злобно твердил:

— Отлично, молодец, еще три года заработал.

В КПЗ холодно. На сплошных деревянных нарах, занимающих половину помещения, сидел и лежал народ.

С его появлением в камере оживились.

— Эй, пацан, давай сюда! За что посадили?

Люди не унывали. Это обстоятельство его ободрило.

— Хранение анаши.

— Наркоша, значит? Тут с твоей статье сидит человек пять.

Он снял обувь и влез на нары. Его окружали люди всех возрастов.

— Как фамилия твоего следователя? — спросил Василия парень примерно его возраста. — Не Коржов?

— Точно, а ты откуда знаешь?

В камере захихикали.

— Да ты чё, пацан, про Коржова не слышал? Он еще недавно был дознавателем, и уже майора заработал. Гасит в тюрьмушку всех подряд и за все подряд.

Вечером в камеру запустили двух пришедших по этапу на допрос. Свободного места не было. Долговязый татарин окинул всех хищным взглядом и остановил свой выбор на Василии. Татарин бросил на него мешок и, жестикулируя оттопыренным мизинцем, процедил:

— Кароче, это место по закону не твое... Давай, дергай!

В молчании окружающих Василий чувствовал подавленность и любопытство. Никто не пришел ему на помощь.

Он уступил ему свое место, и тот змеей заполз в теплую щель между человеческими телами. Василию пришлось лечь в ногах, рядом со старым одноглазым бомжом. Утром, когда всех выводили в туалет, ему с одноглазым блатные приказали вынести парашу.

Когда они тащили тяжелый бак, заполненный мочой, одноглазый, обращаясь к нему, что-то забормотал. Василий прислушался, и уловил в его словах логическую взаимосвязь.

— Ты чё, парнишка, не видишь, что тебя опускают? На меня не смотри, я слабый. Здесь сдохну. У тебя есть сила, не давайся.

Он насторожился, и попросил у бомжа совета.

— Скажи, что делать, я не знаю.

Раздался крик дежурного милиционера:

— Быстро, быстро оправляйтесь и давай в камеру!

— Кароче, слушай меня: когда тебе говорят что-то делать за других, никогда не делай. Нагло отвечай: “Ты чё, змей, коня нашел? Тебе надо — ты и делай”. После твоего ответа тебя постараются забить на словах, а может и кулаках. Кто на тебя покатит, бей первым. Других не бойся, здесь в драке поддержку давать не принято.

“Эти несколько фраз оказали для меня больше помощи, чем все то, что сделала для меня мать”.

После завтрака, состоящего из куска черного хлеба и кипятка, все опять улеглись на нару. Неожиданно вкрадчивым голосом его к себе позвал татарин.

— Васек, не в падлу, постирай мне носки. Там в баке вода осталась.

Кровь ударила ему в лицо. Василий понял, что сейчас должно произойти то, о чем говорил старик.

— Стирай сам, я тебе не конь, — ответил он, все же сглаживая так необходимую грубость.

По камере прошел едва уловимый шорох. Затем наступила тишина. Татарин встал, хищно оскалился и пошел на него.

— Да ты чё, змей, оборзел? Я тебе враз шнифты¹ повынимаю!

Татарину было далеко за тридцать. Василию недавно исполнилось четырнадцать. Еще некоторое время татарин кривлялся, а затем пренебрежительно ткнул его ладонью в лицо. В свой удар Василий вложил всю ненависть и отчаяние, скопленные за все осмысленные годы своего пребывания на этой земле. Косточки его кулака почувствовали, как челюсть сместилась, а уши услышали хруст ломаемой кости. Татарин свалился как подрубленное дерево. Камера выдохнула.

Оказывается, даже в КПЗ имеются карцеры. Их роль играют неотопливаемые камеры без нар. Как просто и как гениально.

Татарину он сломал челюсть. Здесь уже царствовали тюремные законы. Милиционеры, заглядывая в карцер, похотывали, а заключенная братва через шныря передала ему табак и спички.

Слух о том, что четырнадцатилетний подросток сломал челюсть известному рецидивисту, обошел все двадцать камер КПЗ. Позже, в тюрьме, этот удар вывел его в разряд камерной элиты, но и принес известные неприятности. Сам татарин и его друзья грозились порвать ему “очко”, а те, кто был сторонником наказаний за беспредел, делили с ним глоток чифирия.

Когда он на суде заявил, что наркотик ему подбросили, реакция была однозначной.

— Надо было на следствии говорить, — заявил судья, а прокурор отпустил “остроумную шутку”:

— У них всегда так. Анашу им подбрасывают, а пистолеты они находят в урнах.

Стажер, игравший роль адвоката, попросил уменьшить ему срок, так как он является несовершеннолетним. Этих слов, сказанных в защиту Василия, ему показалось достаточно. После перерыва на обед в зал суда он больше не явился.

В зал иногда заглядывали любопытные. Бледнея после каждого дверного скрипа, он все еще надеялся увидеть свою мать. Она не пришла.

На замечание судьи, почему в зале суда нет матери подсудимого, прокурор ответил в том же стиле:

— Они их до такой степени доводят, что те не знают как от них избавиться.

Все было исчерпывающе ясно. Он получил три года лишения свободы.

XXV. Беседы, тайник, ночное приключение, отъезд

Харасанов принес новую бутылку.

— За ваше согласие, Франц, нам необходимо выпить. Рекомендую шотландское виски из отборных зерен. Но, честно говоря, я больше люблю водку. Виски имеет какой-то медицинский привкус.

Виски было теплым и Францу не понравилось. Харасанов выпил еще.

— Наиболее интенсивно нас будут разыскивать десять—пятнадцать дней. Думаю, завтра мы с Татьяной увидим свои физиономии по телевидению. В этот период показываться нам на улице заказано. Не исключена возможность, что вы с Наташей тоже будете в розыске. Показания Наташиной сестры и таксиста наверняка фигурируют. Ваше присутствие они будут расценивать двояко: если посчитают заложниками, что скорее всего, рядовые ищейки в курс введены не будут. Если придут к выводу, что вы соучастники, тогда мы в одинаковых условиях.

Он положил свою руку Францу на плечо и, глядя прямо в глаза, сказал:

— А теперь, поскольку у нас с вами не осталось тайн, сделайте одолжение, пройдите за мной.

Харасанов провел его в отделанную бирюзовыми изразцами кафеля ванную.

— Возможно меня подстрелят, словно куропатку, я это вполне допускаю. На этот случай хотелось бы вам оказать небольшую услугу. Смотрите внимательно. В левом верхнем углу ванной, где на плитке изображена голова чайки, тайник. Становитесь ногами на ванную, нажимайте сильнее...

Квадрат из четырех соединенных между собой плиток сместился. В глубине ниши Франц увидел пачки денег. Там же, в прозрачной коробке, лежали груды документов. Наполовину прикрытые корешками разного формата выглядели длинноствольные пистолеты зарубежного образца.

Франц изумленно посмотрел на Харасанова.

— Моему удивлению, в отношении вас, кажется, не будет границ. Поневоле начнешь воспринимать всерьез Али-бабу и сорок разбойников.

Харасанов рассмеялся:

— Разбойником я никогда не был. Думаю, вы слышали о знаменитом “меховом деле”, потрясшем этот город несколько лет тому назад.

— Еще бы... Подпольная меховая фабрика... Конечно слышал.

— Так вот, эта квартира досталась мне в подарок от одного из основателей этой фабрики. Я ему помог уехать за границу, он же мне подарил эту квартиру со всем содержимым.

— У них по делу проходило, кажется, семнадцать миллионов?

— Семнадцать миллионов — это детский лепет. Так задумано для обывателей. Ушли сотни миллионов. Только на мой счет в Швейцарии переведено три миллиона.

Франц захлопнул тайник и спрыгнул с ванной. Он окончательно убедился, что абсолютно все сказанное Харасановым, чистая правда.

— В этом тайнике двести тысяч. Если наше путешествие закончится провалом, эти деньги помогут вам с Наташей, по крайней мере, уехать из Казахстана и устроить жизнь в той же Прибалтике.

— Но, Константин, у вас есть жена, дети. Почему вы никогда о них не вспоминаете?

— Когда меня посадили в изолятор, моя жена, кстати русская по национальности, и двадцатипятилетняя дочь подали в суд заявление, что отказываются от меня и просят наказать по всей строгости закона. От них в тюрьме я не получил ни пары носков, ни куска мыла! Тем не менее, им не помешало оставить у себя несколько сотен тысяч.

Он видел как в глазах этого загадочного человека появились слезы. Голос дрогнул.

Один раз в трое суток Наташа приносила свежие продукты. Казалось, все способствовало отдыху, тем не менее, нервы у всех были напряжены до предела.

Константин хранил спокойствие. Когда девушки смотрели видеофильмы, он уводил Франца в одну из комнат и обучал как обращаться с автоматическим оружием.

Пистолеты с глушителями вызывали у Франца доселе неведомое чувство. Подобное оружие он видел только в кино. Оставалось загадкой, как подобная “фирмга” попала в этот забытый богом край.

Константин вынес из кладовки короткоствольный пистолет-автомат.

— Думаю, “УЗИ”¹ нам тоже пригодится. Если нас засекут при проходе через спецконтроль, каждый выстрел будет говорить в нашу пользу.

— Скажите, Харасанов, — с металлическими нотками в голосе обратился Франц к Харасанову, — вы действительно будете убивать всех, кто помешает вам осуществить захват самолета?

— А как вы думаете, Бялковский?

— Я почему-то уверен, что убийца из вас плохой, даже в экстремальной ситуации.

— Честно говоря, вы правы, я человек доброй воли. Но, когда на тебя устраивают охоту с одной целью — убить, думаю, что сумею психологически перестроиться.

Из спальни вышла Татьяна. Томно потягиваясь, как это делают молодые женщины, изведавшие вкус любви, она повисла у Константина на руке.

— Мы отдыхаем уже целый месяц, Котик, мне надоело.

Он ласково погладил ее по плечу.

— Терпи, девочка. Чем быстрее наши лица сотрутся в памяти здесь, тем быстрее твое личико нарисует наш дорогой художник Франц Бялковский, ну, к примеру, на курортах Флориды.

Фантастичность сказанного была столь ошеломительна, что Франц непроизвольно закрыл глаза и судорожно сглотнул слюну.

После обеда Наташа принесла адидасовскую сумку полную барахла. Харасанову подошел черный джинсовый костюм, Франц облачился в пепельного цвета брюки и того же цвета рубашку.

Девушки выглядели не менее экзотически. Ярко-красное платье типа греческой туники превратило Наташу в готовую фото модель. Что касается Татьяны, узкие белые джинсы и такая же куртка, в сочетании с черным цветом костюма Харасанова, завершали яркий цветовой ансамбль всех четырех костюмов.

— Все это хорошо, ребята, но не кажется ли вам, что наши, завистливые на все красивое, ищейки, узнают в нас тех, с кем страстно желают встретиться?

Харасанов смешливо задал этот вопрос и сам же на него ответил:

— Будьте уверены, узнают. И мало того, постараются сделать так, чтоб эти фирменные вещи попали в разряд тех, которые, как правило, оседают в милицейских шкафах.

— Неужели в ваших рядах процветает такая мелочность? — спросил Франц, брезгливо передернув губами.

— Вы наивный чужак, Бялковский. Излюбленным занятием большевиков, начиная с семнадцатого года, было раздвигание расстрелянных ими классовых врагов. Поскольку времена малость изменились, теперь качественную одежду снимают из живых. Но давайте не будем говорить о столь несущественных в нашем положении вещах. Суть здесь в другом: нам необходимо облачиться в скромную примитивную одежду производства, ну, к примеру, Чимкентской или Усть-Каменогорской фабрики. Обувь тоже не подходит. Какой может быть “Рибок”, если все четыре пары тянут на тысячу долларов. Придется, дорогая, подыскать что-то отечественное. “Джетьсу”, к примеру.

Девушки сделали плаксивые физиономии и пригорюнились. Ощущая своеобразный колорит, звучащий в словах Харасанова, Франц улыбался.

— Что касается лично меня, к тебе, Наташенька, большая просьба: походи по парикмахерским и купи несколько париков. Татьяна тоже придется облачиться в парик.

— Но вы нам разрешите взять хотя бы с собой эту одежду? — опять хныкающим голосом взмолилась Татьяна.

— Нет, не разрешу, — сказал Харасанов. — Милые мои, поймите же наконец меня правильно: если нас поймут, моей и Татьяниной одеждой, в лучшем случае, будут полосатые костюмы особо строгого режима.

Они были молоды. Им было очень жаль расставаться с шикарной одеждой. Но они понимали: Харасанов прав.

Уже вторые сутки у Франца болит голова. Систематическое напряжение дает о себе знать. Из всей компании только Наташа изредка покидала квартиру.

Своим планом до конца Харасанов не делится. Иногда он целые дни проводит у экрана телевизора.

После десяти дней, как он и предполагал, по телевидению сведения о беглецах транслировать перестали. Кроме них двоих сбежать удалось еще одной девушке. Из слов Татьяны, эту девушку она хорошо помнила. Одна из самых неопытных в камерных перипетиях, та не могла за себя постоять и вряд ли сумела далеко уйти. Скорее всего, труп этой девушки уже давно сгрызли степные зверьки или, “изнахраченный”¹ солдатами, он гниет где-нибудь у подножия террикона.

Когда на землю опустились сумерки, Харасанов предложил Францу искупаться на Темиртауском водохранилище. Девушек решили не брать. В заплечную сумку Харасанов положил пистолет.

— Зачем нам оружие? — спросил Франц. — Уже темно. Вряд ли вас кто-то сможет опознать.

— Оружие не помешает в любой ситуации. Кроме всего, я хочу, что бы вы произвели несколько пробных выстрелов. Ночь будет лунной, выберем мишень.

Стороной они обошли автостанцию и вышли на берег водохранилища. В лунном свете противоположный берег утопал в красном смоге. Сверкающая водная гладь вызвала у Франца странное возбуждение. Головная боль прошла. Непреодолимо хотелось запечатлеть эту жутковатую картину.

— Обратите внимание на концентрацию, окраску и густоту смога. В этом городе рождающиеся поколения обречены. Таких чернобылей в этих краях десятки и сотни. Эти земли предназначены для выкачки ресурсов, а через десятки лет будут пригодны только для съемок фантастических фильмов о мертвых планетах.

Чуть дальше импровизированного пляжа, о котором свидетельствовал разломанный грибок, громоздились кучи мусора. Соорудив несколько мишеней из пустых банок, они удалились на расстояние пятнадцать — двадцать метров.

Первым стрелял Харасанов.

Бялковский все больше переставал удивляться этому человеку.

— Чувствуется, что вы двадцать лет проработали в милиции. Кстати, как вам это удастся с глушителем? Насколько я знаю, в милиции до сих пор на вооружении “Макаров”. Неужели тренировались?

— Ничего особенного. Цельтесь как обычно, “под яблочко”, и все получится.

По-ковбойски расставив ноги, Франц стрелял, держа пистолет двумя руками. Глухие хлопки создавали впечатление, что он стреляет из игрушечного оружия. Три выстрела из пяти попали в цель.

— Ну, что ж, для художника совсем неплохо. Признайтесь, кое-какие навыки у вас есть.

— Признаюсь, электронный тир и малокалиберная винтовка в детстве.

Они разделись и осторожно вошли в воду. Ступни ощущали огромное количество неведомых предметов.

— На этом дне несметные сокровища для коллекционеров утиля, — пошутил Франц.

— Увы, это не Клондайк и не озеро “неожиданностей”, — поддержал его Константин.

— Угу... А вы не Смок, и я не Мальш.

Глубина начиналась далеко от берега. Дно пошло илистое и они с нетерпением дождались, когда можно было поплыть.

Франц предпочитал “кроль” и на какое-то время оставил Харасанова позади. Мощное фырканье заставило его оглянуться, хотя надобности в этом уже не было. Константин уверенно его обогнал.

Вдоль освещенной части берега в их сторону передвигались человеческие фигуры.

— Франц, немедленно к берегу. Кажется, мы успели совершить ошибку!

Не дожидаясь Франца, он, словно торпедный катер, поплыл к берегу. Вскоре он уже бежал по пляжу, подымая каскады серебряных брызг.

Когда Франц, безбожно калеча ноги, наконец выбрался на берег, диалог с ночными гостями у Харасанова уже состоялся. Они лежали лицом вниз на мокрой траве, положив руки на затылки. Потрескивая и попискивая, неподалеку лежали две портативные рации. Один из двух жалобно стонал.

— Вот, полубуйся, Колек, — впервые обратился к Францу на ты и назвал его чужим именем Харасанов. — Патрульные менты. Хотели нас в участок забрать, а я их повырубал. Митяя не так-то просто повязать.

Харасанов умышленно бравировал, слова неприятно резали слух. Не выпуская из правой руки пистолет, левой он поддерживал джинсы, силясь попасть ногой в штанину.

— Ану, Колек, бери ремни и вяжи им ноги, пока я их не перестрелял. На руки приладим браслеты.

Испуганный Франц незамедлительно исполнил приказ Харасанова. Полной уверенности в том, что Константин не исполнит свою угрозу, у него не было.

Быстрыми шагами они удалились с пляжа. Франца знобило. Ему опять пришлось столкнуться со случаем, который в корне мог перевернуть его жизнь. Иногда ему хотелось, чтобы весь этот кошмар закончился. Но он понимал: вместе с окончанием их взаимоотношений растают как сон надежды на другую жизнь. Опять в его жизнь войдет общежитие с забитыми работягами, вечно пьяными, живущими от получки до получки. Опять придет луковый быт, вонючие столовые и ворохи пустых бутылок.

— Скажите, Константин, только правду, вам хотелось их убить?

На это Харасанов ответил раздраженно, даже зло:

— За кого вы меня принимаете? У этих сопляков даже не было оружия, не говоря о том, что я озлоблен не на исполнителей, а на систему. Попрошу вас больше не проверять мою жажду крови. Зная обо мне уже очень много, это не делает вам чести.

— Извините, я не хотел вас обидеть. Я и сам понимаю, что мое нездоровое любопытство по этому поводу уже начинает даже мне самому напоминать один медицинский диагноз.

Харасанов громко, даже слишком громко, рассмеялся и хлопнул Франца по плечу. Его намек он понял.

— Ладно, Франц, я вас прощаю. Вы, по сути дела, не знающий истинной жизни этого общества, интеллигент. В народе таких людей называют чистоплюями. Впрочем, больше половины наших поэтов, художников и писателей, в подавляющем большинстве, обладают именно этими качествами. Так что не огорчайтесь, мой друг. А знакомство со мной пойдет вам

только на пользу. Тем более, как я вам обещал, уголовного наказания вы не понесете. Не забывайте, деньги и оружие будут у меня, вы с Наташей — всего лишь заложники.

О случае, происшедшем на водохранилище, они не рассказывали.

Придя домой, они, как всегда, застали отлично сервированный стол. После ужина все расположились на ковре слушать музыку. Татьяна положила голову на волосатую грудь Константина. Франц обнимал Наташу, время от времени целуя в губы. Божественный “Мартель” зажигал кровь, вызывая медленно нарастающее желание любить. Когда желание сдерживать было невозможно, они, словно шейхи-миллиардеры в перерывах между карточной игрой, уходили в спальни уголять страсть. Интуитивно они чувствовали, что скоро придется навсегда оставить эту роскошную квартиру и погрузиться в мир риска и нечеловеческого напряжения. Константин пил больше обычного. Они это замечали, но расспрашивать о причине никто не хотел. Словно угадав их состояние, Константин подошел к столу, весело и непринужденно сказал:

— Завтра отправляемся в дорогу. Сначала берем частника и прямиком на Алма-Ата. Оттуда поездом в Москву.

Это было сказано без малейшего напряжения и торжественных пауз. От его слов им стало легко и весело. К искусственному возбуждению примешалось то необычное состояние, которое “окрашивает” кровь адреналином, и называется в народе риском.

На следующий день, в шесть часов утра, из квартиры вышли четверо. Предводительствовал старый цыган, у которого из-за густой растительности на лице выглядывали только глаза. Одет он был в синий шерстяной костюм и зеленую кримпленовую рубашку. На ногах сверкали лакированные туфли на высоких каблуках. Второй из мужчин, молодой человек лет двадцати — двадцати двух, был также одет по моде семидесятых — начала восьмидесятых годов: расклеванные брюки и гипюровую рубашку. Искривленные лакированные туфли из кожзамениителя подчеркивали особый цыганский шик. Их спутницы, молодые девушки, не лишённые яркой красоты, облачены просто, с тем же уклоном: зеленые вязаные кофточки и цветные платки. У пожилого цыгана через плечо висела объемистая дерматиновая сумка. Девушки несли полиэтиленовые пакеты из которых выглядывали хвосты копченого сыра и стрелки лука.

Частник удовлетворенно окинул взглядом солидную публику и, тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Ну, чё, ромалэ, двести зеленых до Алма-Аты заплатите? Поедем!

— Много просишь, красивый, — запритчала Таня, подмигивая Францу. — Что, твой Алма-Ата дальше чем Бендеры? Бери сто, мы плохо живем!

Мужчины отвернулись, чтоб не взорваться от смеха. У Татьяны оказались незаурядные артистические способности.

Шофер подпрыгнул, словно петух.

— Какие Бендеры... Вы что, с дуба упали?... Это Казахстан! До твоих Бендер отсюда как до Америки!

— Ладно, ладно, земляк, откуда ей знать. Она закончила один класс. Географию не проходила, — сказал Константин, и получил удар в бок. Он рассмеялся, и обнял Таню. — Кроме Бендер она еще была в Куу-Чеке. Есть такой город за Карагандой.

— Ха-ха-ха..., — засмеялся таксист. — В Куу-Чеке, говоришь. Да, кто там не бывал, тот полжизни потерял.

— Ну, ладно, земляк, — примирительно хлопнув таксиста по плечу, сказал Харасанов, — платим двести, только давай, не тяни. Заправляйся и поехали. Продуктов у нас — ешь не хочу.

За ночь их останавливали несколько раз. У полусонных гаишников цыгане-спекулянты подозрения не вызывали.

На следующий день они приехали в залитый солнцем южный город. Усталость в сочетании с нервным напряжением сделали свое дело. Болели головы, хотелось по-человечески выспаться.

На жалобы друзей Константин ответил жестко и категорично:

— Спать будем в поезде, а затем на московской квартире. Сегодня же на Москву!

XXVI. Гостиница, вокзал, дорога, воспоминания

Выработанная привычка просыпаться в пять утра оказала ему услугу. Уткнувшись лбом в его плечо, похрюкивала голая Лидочка. Людочки не было.

Из смежной комнаты доносились приглушенные голоса. Лагерная привычка быть готовым к любой подлости, сработала и на этот раз. Голый, он тихо встал с постели. Еще через секунду у него в руке был парабеллум, который он предварительно спрятал под матрас.

То, что он увидел, повергло Василия в настоящее бешенство. Людочка держала в руках его брюки. Рядом стоял Хряк и лихорадочно, трясущимися пальцами пересчитывал пачку баксов.

Василий не помнил, что сказал, но в следующее мгновение Людочка истошным голосом завывала:

— А-а-а-а, не убивай!

Кулаком левой руки он ударил ее под дых и она свалилась на пол. Удар был слабым, но крик прекратился. Женская интуиция подсказала, что в этой ситуации лучше всего притвориться. Хряк выставил вперед руки, как гуттаперчевый мальчик, и дрожал всем телом. Стодолларовые купюры валялись на паласе.

В нем проснулась лагерная жестокость, густо замешанная на цинизме.

— Иди сюда, — металлическим голосом приказал Василий, не отводя дуло пистолета от лба Хряка. — Тебе нужны мои бабки? Ты их получишь! Становись на колени... возьми..., — приказал он ему, ухватив за волосы.

Несмотря на могучие бицепсы, тот был жалким, трусливым подонком. Он исполнил то, что Василий ему приказал и даже сделал то, что делает не каждая проститутка.

Василию ужасно хотелось его убить, но устраивать против себя настоящую охоту было еще рано. Он знал, что такая охота, если он не сумеет уйти за границу, рано или поздно начнется. Но сейчас...

Он ударил Хряка рукояткой пистолета по голове и тот мешком повалился ему под ноги. К белым жемчужинам на его губах Василий приклеил стодолларовую банкноту. “А теперь прочь из этого города.”

На Карагандинском вокзале вечный бардак. Обкуренная шпана рыщет в поисках жертвы. Цыганки попрошайничают, а их курчавые мужья продают украшения из фальшивого золота. То и дело в толпе мелькают лица уголовников и сифилитиков. Таковым всегда был этот город, в котором еще долго будет отхаркиваться коммунистический режим.

Возле пивной бочки Василий увидел старика-казаха, одетого в форму железнодорожника.

— Здравствуй, отец!.. На железной дороге работаем? — уважительно спросил аксакала.

— Так точно, маладой тшеловек, — старик, пьяно пошатываясь, отдал Василию честь. — Малдабаев Серик Баймагамбетович. Заслуженный железнодорожник Казахстана.

— Отец, я тебя не обижу. Мне четыре билета до Москвы. Полностью купе для моей семей... семьи, — по лагерной привычке чуть не сказал семейки. — Даю двести баксов. Купишь билеты, остальное — твое.

Старик приосанился и хриплым голосом сказал:

— Так целый купе, говоришь?..

— Целый, пахан, целый... Сможешь взять или нет?.. говори сразу.

— Возьму дарагой, как не взять. Серик Баймагамбетович здесь каждая собака знает.

Они прошли в зал ожидания. Василий отдал старику деньги.

Стадный образ жизни в колонии наложил отпечаток. Уединение становится потребностью не меньшей, чем хлеб и воздух. Человеческий взгляд, пусть дружелюбный, вызывает глухое раздражение.

В купе грязно, как во всех купе всех поездов бывшего СССР. Кусок ковровой дорожки пропитан вонью вековой грязи. Худосочный проводник с жидкими замусоленными бакенбардами, чем-то напоминающий шимпанзе, испуганно спрашивает:

— А где остальные?.. Вы, что, один будете ехать?

— Угадал, земляк, буду ехать один. Понимаешь, выписался из психиатрической больницы. О галлюцинационном синдроме слышал?

Проводник замирает, затем поспешно кивает головой и на цыпочках выходит из купе.

“По крайней мере, теперь не будет приставать с подселением.”

Из сумки Василий достает бутылку коньяка. За окном густая казахстанская ночь. Он делает пару глотков, закуривает, и опять погружается в воспоминания.

Во время его первой судимости привлекательная внешность была для него злым роком. Первые ножевые шрамы он приобрел именно из-за этой внешности. В камерах пожилые заключенные то и дело норовили погладить его по щеке, при этом восклицая:

— Ты, чё, взаправду пришел с воли? Как там на воле, хорошие девочки есть?

Этот бесконечно задаваемый вопрос поначалу приводил его в смущение, а затем — в бешенство. Ночью, когда камера укладывалась спать, рецидивисты наперебой предлагали ему место рядом. Внутренне он чувствовал, что это не проявление дружбы. Но его неопытное существо откликалось на малейшее излучение тепла.

“Вокзальная хата”¹ в Екатеринбурге вмещала в себя больше ста заключенных. К тому времени он уже был опытный боец, несмотря на шестнадцать лет.

По огромной камере рыскали уголовники и отнимали у слабых духом все, что придется. Коренастые, стриженные парни, напоминающие бультерьеров, отбивали отказчикам внутренности. Сдавленные крики плавали в синем от никотина воздухе. Коронку его рандолевого зуба приняли за золотую. Разукрашенный татуировками обнаженный до пояса “бультерьер” присел возле него и уставился бесцветными глазами.

— Сам снимешь, или будем накалять ложку?

Он уже знал эту породу двуногих и понял, что без драки не обойтись. Молчание Василия тот воспринял по-своему.

— Ну, чего молчишь, овца? — ткнул его ладонью в подбородок. — Дербанить² одеяла на дрова или сам снимешь?

Гены его непутового отца боксера помогли ему в жизни больше чем воспитание матери. Прямым ударом левой он выбил ему все зубы, на которые тот еще не успел нацепить поганые коронки. Старые рецидивисты, среди которых были “полосатики”¹, пригласили Василия на глоток чифирия. Один из них подарил ему кусок простыни, на которой был нарисован гусар с лицом Мефистофеля.

Поезд пересекал границу Казахстана и России. За окнами частный сектор старого татарского города Новотроицка. Этот город известен в России высокой преступностью и ужасающими дорогами. Разрытый и серый, он не более, чем кормушка для властей.

Василий припоминает, что здесь он уже был. Мало того, в Новотроицке он испытал чувство, которое продолжительное время будоражило его душу...

Она явилась в ресторан и заиклила на себе взоры бандитов и спекулянтов. Василий скучал за бутылкой шампанского после очередной отсидки. У нее была потрясающая фигура и грива каштановых волос. Не обращая внимания на окружающих, она подошла к его столу.

— Вы мне понравились... Хочу с вами провести ночь.

Проституткой она не была. В глазах гнездилась затаенная тоска. Для такой красивой девушки Новотроицк не мог быть домом. Грубый и отсталый, он все прекрасное превращал в дорожное дерьмо.

— Посчитаю за честь! — искренне сказал он, и под злобными взглядами подонков принес ей стул. Они выпили. Девушка больше молчала. Это ему нравилось.

Деревянный купеческий дом, называемый рестораном, содрогало веселье. Откормленные русские кобылицы и черные спекулянты-самцы отплясывали под нестарющую песню “Ах, Одесса, жемчужина у моря!”. Прогибался пол, еще больше вдохновляя потные жирные тела.

Он не сомневался, что ее станут преследовать. Возле столика появлялись краснолицые типы и многозначительно ухмылялись. Возбешенный Василий схватил одного за кисть руки.

— Ты что-то хотел сказать?.. Говори!

— Пусть она тебе скажет, — прошипел он, не переставая улыбаться. — Ленка, скажи пацану!

Их было слишком много. В этой клоаке он был беспомощен.

— Возьми бутылку шампанского, пойдем ко мне, — сказала она.

Освещение заканчивалось в пяти метрах от входа. Их было двое, ножи они не прятали.

— Чё-то ты быстро, подруга, Юсуфа забыла, — сказал один из них, загораживая дорогу.

Она прижималась к Василию всем телом. Он чувствовал, как напряглась упругая женская плоть.

Они были татары, а он русский. Проткнуть ножом иноверца для них считалось за честь. Полемика не имела смысла. К тому времени он уже вполне был согласен с одним из персонажей О’Генри касательно кулачных драк.

— Даю вам шанс свалить, — зловеще сказал Василий. В груди разгорался огонь.

— Сейчас мы тебя, овца, на х... оденем, а после отрежем башку, — последовал ответ.

Оружие он любил, как любит каждый мужчина. Старый офицерский наган работал безотказно. Хлесткий выстрел прорезал глухомань провинциального города. Тот, кто бросил ему оскорбительные слова, схватился за грудь и упал. Убивать обоих Василий не хотел.

— Беги, — сказал он второму.

— Что же ты наделал, — выдохнула она. — Меня здесь знает каждая собака.

Такое с женщинами бывает. Сначала мечта о рыцаре, затем — обвинение рыцарю в том, что спас жизнь ей и себе.

— Брось этот город, поехали со мной, — предложил он.

— Не могу... У меня здесь старая больная мать и больше никого в целом свете.

— А Юсуф... он что, твой сутенер или любовник?

— Перестань, ты многого не знаешь!

Он замолчал. Он действительно до конца ничего не мог знать.

— Может, мне уйти?

— Нет, зачем? Тут совсем рядом.

Сеть улочек и переулков была столь обширна, что днем у него бы закружилась голова. Они остановились у двухэтажного кирпичного дома. С территории детского сада падали отблески света, освещая буйную растительность.

— Влезешь через окно... Только тихо.

Не зажигая свет, они разделлись и легли в невидимую кровать. Ее кожа была бархатной и свежей. От страха у него закружилась голова. Сказались перенапряжение и лагерная растренированность. Только за одно это можно возненавидеть жизнь, колонию, превратности судьбы в этой стране. С четырнадцати лет, заблудив его в крючкотворстве юриспруденции, лишив свободы, ему подарили взамен услуги педерастов, с которыми он никогда не общался. Его превратили в серого волка, вменив в четырнадцатилетнем возрасте статью о распространении наркотиков и воровстве.

Эта ночь была ночью его позора и женской ласки. Когда вселенная выплеснула на Землю свет, он был уже на ногах. Он чувствовал, что она не спит. Боясь повторения неудачи, он спрыгнул с подоконника и ушел в утренний туман.

“Прощай, Новотроицк, ты веха моей странной жизни.” Поезд мчит Василия дальше, в глубины Урала, земли безумно чудесные и наиболее пострадавшие от рук фанатиков, устроивших на этой земле ядерное производство.

На перроне Челябинского вокзала его охватывает непонятное беспокойство. Василий проходит в здание вокзала, игнорируя прилавки, заваленные сомнительной жратвой, выходит на привокзальную площадь.

Гостиница “Малахит” по-прежнему скучает у пыльной обочины, возмущая прохожих отсутствием близкого перехода. “Тряхнуть стариной, что ли?” В этой гостинице он задвигал джинсовые куклы патологически жадным спекулянтам.

До отправления поезда остается пять минут. “Нет, так мы с тобой не договаривались” — говорит он своему второму Я, покупает арбуз и заскакивает в тамбур вагона.

Проводник набрал множество левых пассажиров. В купе Василия по-прежнему никого. Шизофрения есть шизофрения. Он отрезает финкой искрящийся ломоть. И все же корейцы выращивают отличные арбузы...

В списке любовников его матери был кореец. Он привязался к ней, словно банный лист, и вначале ухаживания ничего не жалел. В отличие от хитрых соплеменников, Сережа работал на шахте и двум русским женам платил алименты. Вскоре, когда они сошлись и она просила для сына рубль на школьный буфет, кореец выражался примерно так: “Мне похер ты и твой сын!”

Когда же она его выгнала и вставила новый замок, он приходил в дом моделей, где она работала, бил ее кулаком по лицу и, хищно улыбаясь, цедил: “Да ты что, Анечка, от меня так просто не уходят!”

Его боялись. За нее никто не заступался. Она сходилась с ним десятки раз. Василий был мал, но и когда вырос, никогда больше не видел, чтобы так били женщину. Она выла и выла, а он колотил ее четырехгранной ножкой от стула куда придется. Иногда он хватал ее за “грудки” и, словно смертельного врага, бил желтым лбом в переносицу.

Иногда судьба милует даже манекенщиц. Неизвестно откуда в квартире появился дядя Володя. Двухметровый гигант схватил корейца за шею и как перышко бросил о стену. С тех пор корейца в доме матери Василий больше не видел.

Он подброяил кусок арбуза и глубоко насадил на лезвие финки. Казалось невероятным, что ему было когда-то шесть лет, и он был столь беспомощен.

В купе становится душно. Он раздевается, открывает окно и ложится на чистую простынь. Сегодня он практически трезв. Ему очень хочется увидеть свой сон. Своим он его называет потому, что сколько себя помнит, он ему периодически снится. Упоение полетом приносит огромное наслаждение. Но в тюрьме, как правило, полету сопутствуют всевозможные препятствия. Например, когда он подлетал к водному пространству, толпа врагов палками доставала до его пят. Огромным усилием ему удалось подняться на сантиметр и, почти касаясь воды, перелететь на другую сторону.

А вот огромная площадь до отказа заполненная людьми. В лучах солнца, счастливый он стоит посреди площади. Люди просят его показать свое "искусство". Он взмывает высоко в небесную лазурь, затем стремительно, вниз головой, летит к земле. Огромное упоение захлестывает его грудь. Легкость ощущается в каждом члене тела. Не долетая до земли несколько метров, он переворачивается, и под крики ликующей толпы опускается на площадь.

Часть вторая.

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ

I. Граждане, у меня диета!

Казанский вокзал времен перестройки напоминал огромный вертеп. Играет духовой оркестр. Пьяные музыканты, сверкая красными носами, выдувают кабацкие мелодии. Потаскухи, алкоголики, бомжи водят пьяные хороводы. Слоняются толпы “шакалов”. Воры, бандиты и бродяги выскивают добычу. Иногда из толпы доносятся истерические крики. Очередной отщепенец доказывает маленькую правоту доблестным воинам ОМОНа.

Василий выходит из вагона и направляется в здание вокзала. И все же его свойство вовремя исчезать в условиях перестроечной Москвы претерпело изменения. Из битумной пелены вырастают два коренастых джина в знакомой униформе.

— Молодой человек, ваши документы.

Прописка у него хоть и липовая, но для этих сойдет. Но там, на дне спортивной сумки, лежал он...

— С Казахстана?.. Т-т-так.... А зачем в Москву? Травку не везешь?

“Господи! Да что же это за судьба? Если найдут парабеллум, учитывая старые заслуги, влепят не менее червонца.”

Тот, который упомянул о травке, внимательно глядялся в его лицо рысьими глазами. Едва сдерживаясь, чтобы не броситься бежать, он ответил:

— Ребята, я на операцию желудка приехал... О какой травке разговор?

Слова звучали неубедительно. Пересохший язык отказывался повиноваться.

Позже, вспоминая тот случай, он еще и еще раз убеждался, что на помощь ему пришел Всевышний.

— О-о-о, да тебе везет, парень, — не осознавая глубины пророчества своих слов, сказал владелец рысьих глаз. — Вон идет Игорек со своей Ритой... Обойдемся без обыска.

Длинноухая собака, преданно поглядывая на хозяина, обнюхала его сумку и, виляя хвостом, отошла в сторону.

Видимо, Казахстан у них ассоциировался только с наркотиками.

— Ну, ладно, парень, будь свободен. Сам понимаешь, перестройка.

Они скрылись в толпе.

Объездив несколько гостиниц, для него все пути сошлись на Окружной. На станции метро “Окружная” находится три гостиницы для приезжего быдла. Впрочем, после Олимпиады номера хорошо отреставрировали. “Заря”, “Алтай” — сиди дома, не гуляй” — напевает он названия гостиниц, упуская одну.

Наконец милость администратора оказана. Василий занимает вполне приличный одноместный номер.

Деньги жгут карман, а кровь — тело. Мягкая постель и голубая ванная — все вместе возбуждает желание. Он выходит на улицу, ловит такси.

— Шеф, я приехал с Севера, посоветуй солидный кабак.

Таксист улыбается.

— Твой текст устарел. На северах раньше зарабатывали, а теперь — разве что доски на гроб.

— Не везде, шеф, не везде, — хлопает он его по плечу. — Еще есть золотые места.

Машина мчится. В груди хорошо, а в голове — страх вперемешку с пустотой. Это предвестник начинающейся деградации. “Еще одна отсидка — и конец! Н-н-нет, лучше пулю в лоб,” — уже вслух говорит он, и ловит на себе удивленный взгляд таксиста. Машина остановилась.

— Мы на Тверской. Есть тут один старый кабак, называется “Центральный”.

У входа нетерпеливая толпа. Халдей за дверью выпучивает глаза, делает серьезную мину. Василий улыбается. “Ну, эти и этот меня не остановят... В зоне возле раздачи жратвы я видел и не такое”.

— Граждане, у меня диета, — он расталкивает недоуменную толпу.

— Какая диета? Здесь не диетическая столовая!

Он уверенно стучит в дверь и блатным жестом подзывает швейцара. Вилка из оттопыренных указательного и мизинца тому хорошо знакома. Он в одинаковой мере боится как дипломатов, так и блатных. Дипломат может помочь в увольнении с работы, блатной попросту изобьет.

Кабак действительно уютный. Вычурные узоры на стенах покрыты золотом, хорошая акустика. Голос певца, музыка не режут слух. Атмосфера что надо.

Словно коммивояжер, он заказывает много и требует сразу. Официант приносит фирменное блюдо — блины с икрой. Ассорти тоже радует глаз свежестью зелени, яркостью маслин. Запотевший графин с водкой просится в руки. От такого стола любой ээк в Карлаге потеряет сознание.

Вокруг кипит веселье. Вышколенные молодые парни новой формации развлекают толстых потных блондинок. У большинства женщин золотые оскалы. Пальцы закованы в желтый бетон золота. Кто они? Безусловно, коммерческие

директора, главбухи, продавцы из Сыктывкара, Читы, Оренбурга. А рядом обыкновенные московские альфонсы. Через час второй они поведут пышногрудых хрюшек трахать в валютные номера.

Василий уже заметил. За соседним столиком, без мужчин, сидят три вышеописанных экземпляра. Словно сговорившись, они строят ему глазки. Звучит старая, но вечно молодая “Ах, Одесса, жемчужина у моря...”

Василий приглашает на танец одну из хрюшек... Так и есть, главбух коммерческого предприятия. Она браво отплясывает, вихля толстым задом. Пунцовые щеки вот-вот лопнут. Масляные глаза пожирают его мужские достоинства.

— Какая роскошная, обаятельная женщина, — говорит он ей, властно обхватывая то, что когда-то было талией.

— Мне это все говорят, — самодовольно улыбается она.

Самоуверенность безмозглой дуры, одетой в золото, его бесит. Где-то там, за этими стенами, в московских малосемейках ютятся ткачихи и поварихи, не имеющие малейшего понятия, какие суммы денег просаживают в кабаках заплявывшие жиром узаконенные воровки.

“Ничего, — решает Василий про себя, — через два часа вы запоете у меня по-другому”.

Он приглашает на танец по очереди каждую. Через час они — не разлей вода. Пальцы мокрые от вспотевших спин.

— Милые женщины, как насчет освежиться? Предлагаю сходить в холл на перекур.

— На перекур! На перекур! — скандируют они.

Все отправляются в холл. После пяти—шести затяжек он решает: “Пора. Они придут не раньше, чем через десять—пятнадцать минут”.

— Чуть не забыл, девочки. Вы посидите, а я к вашему приходу закажу обалденную песню.

В зале шум, полумрак — обычная кабацкая атмосфера. Он заказывает графин водки и бутылку шампанского. Официантка уходит. Василий разворачивает платок, достает три ампулы клофелина и выливает в графин. “Вот так: ни цвета, ни вкуса, ни запаха!..”

Через пять минут вваливаются они.

— О-о-о-, девочки, красавчик сделал нам сюрприз. А где шоколад к шампанскому?

— Какой разговор, девочки? Человек! Девочкам самый лучший шоколад!

Они визжат от восторга.

— Красавчик, ты прелесть! Кого из нас выбираешь?

Сеть заброшена...

— Ту, которая на брудершафт выпьет со мной фужер водки.

Они загораются.

— Мы все выпьем... Не забывай, мы сибирячки.

“Ишачки вы, а не сибирячки” — думает он, и говорит вслух:

— Но, тут, девочки, включается гусарский вариант — кто осилит больше фужеров.

— Плевать, что гусарский, мы сибирячки.

В зале полумрак. Они похотливы и упрямы. Каждая выпивает по два фужера. На графин с минеральной, из которого наливает он себе, не обращают внимания.

Проходит десять—пятнадцать минут. Начинается. Пышные тела костенеют, все больше напоминают манекенов.

— Таня, Валечка, Катюша, — прикасается он к белым окорокам рук и видит, что они уже далеко.

В кабаке темно и бестолково. Никому ни до кого нет дела. Он придвигает стулья с тушами поближе к столу. “Только не хватает, голубки, чтоб вы у меня рассыпались,” — говорит он вслух, и пальцами иллюзиониста открывает сумочки, освобождая содержимое кошельков. Массивные обручалки и перстни снимать труднее. Для этого приходится вихляться в реверансах, пожимая руки и поочередно целуя сосиски пальцев. Кое-как он снимает сережки и выскакивает на улицу.

Тверская величественна и прохладна. Спешить не хочется, но содержимое карманов гонит в гостиницу.

На Пушкинской милицейские пикеты. У подозрительных проверяют документы. Жители южных регионов размахивают руками, доказывают. Быстрым шагом он проходит мимо. Красивый блондин, похожий на иноземного студента, подозрения не вызывает. На Владыкино, как всегда, темень. Идти через дворы неприятно и небезопасно. Пистолет с собой он не брал.

Наконец родимый “Восход”. Василий проходит в холл четвертого корпуса и предъявляет пропуск. “Ура, кажется, я дома.” Он закрывает дверь на ключ и вытряхивает содержимое карманов на кровать. “Ого, вместе с побрякушками набегит на десять тысяч баксов. Хороший улов!”

II. Одинокий волк

Рассвет из окна гостиницы не сравнишь с рассветом из окна барака в колонии. Краски, в принципе, одинаковые, но... Здесь — осторожный стук и слова: “Мужчина, будете продлевать номер?”, там — “Подъем, подъем, суки, вы не на курорте!”, и лупит, лупит металлический прут о железные спинки коек.

Окна его одноместного номера выходят на привокзальную площадь платформы “Окружная”. Неутомимый шашлычник уже потчует имущих граждан отличным мясом. Василий принимает душ, стряхивает остатки похмелья и выходит на улицу.

Мужская пища ощутимо вливает силы, а несколько глотков пива их закрепляют, приносят равновесие психики с физикой.

Возле торговцев мелким товаром уже кружатся лопухие бандиты. Одетые в спортивные костюмы, как эзки в мелюстин, они важно разгуливают и бросают торговцам фразы, от которых его тошнит.

— Ну, как, братан, все ништяк? — получив утвердительный ответ, они напыжено продолжают: — Смотри, братан, чтоб все было ништяк. Если чё, сам знаешь, зави.

Как правило, путь их на свободе после отсидки недолог. Выбрав кормушку, они будут черпать из нее до тех пор, пока кто-либо из своей братии не сдаст их в контору. Другое дело те, кто вертится возле валютников и приезжают на БМВ и “Мерседесах”.

Одетые в шикарные костюмы, при галстуках они выпархивают из машин, обводят окружающих ласковым, предупредительным взглядом и заскакивают обменивать сотни тысяч.

— Ничего, доберемся и до вас, — шепчет он, — в свое время.

Частный магазин забит до отказа барахлом. Москва не Караганда. Тряпье на любой вкус, по любой цене. Он выбирает на смену пару джинсов и английскую кожу. Боковым зрением замечает солидного клиента. Вернее, не его, а огромный кожаный “лопатник”¹ до отказа набитый зелеными. Упакованный толстяк набирает женских шмоток на семьсот баксов.

Такой случай упускать не стоит. Если уедет на машине — его счастье.

Толстяк бросает пакет в фирменную сумку, выходит из магазина и тащится к метро.

У продовольственного магазина, спрятанного в тени деревьев, Василий выбирает удобную позицию. Магазин закрыт, людей нет. Василий вынимает из кармана двадцатидолларовую купюру и подходит к толстяку.

— Извиняюсь, мужчина, доллары не поменяете по курсу ...?

Он называет заниженный курс, должно сработать. Пословицу “жадность фряера сгубила” придумал гений.

— Конечно, дарогой, паменяю. Почему не паменять хорошему человеку?

Толстяк вытаскивает кошелек, отсчитывает деньги. Василий бьет ребром ладони ниже двойного подбородка. Толстяк падает как мешок картошки из рук пьяного грузчика. Двое прохожих разворачиваются и семят в обратном направлении. Василий бросает пустой кошелек на толстопузого, снимает перчатки и уходит.

На эскалаторе в мозг закрадывается противная мысль: “А что, если они начнут шерстить гостиничный комплекс. Черт бы побрал бакланские наклонности, в самом прямом смысле нарушил заповедь “где живут — там не срут”.

Он выскакивает из метро и бежит к гостинице со стороны кинотеатра “Рига”. Время есть. Пока менты расчихаются и поймут что к чему, пройдет несколько часов. Он собирает вещи, ловит такси и уезжает с Окружной.

Самое опасное место для человека с его биографией это вокзал. Вокзал — раздолье для милиции и капкан для джентльменов удачи. На вокзале сотрудники милиции не обделяют вниманием ни степенных отцов семейств, ни простых парней в тельняшках с бакенбардами. До всех у представителей власти есть дело, тем более, что господин Лужков дал охоте на людей зеленый свет.

Василий вспоминает виденную по телесети рекламу, и держит путь в квартирное бюро Мострансагентства.

Так бы давно. По Москве море квартир, море возможностей.

Однокомнатная стоит бешенных денег, но он уже в силах ее поднять. Ему везет.

Баррикадную можно фактически считать центром. Ванная в порядке, есть телевизор, на кухне посуда. Хозяйка, толстая блондинка опасных лет, хоть сейчас готова разделить с ним ложе.

— Такой молодой и без жены, — стреляет бледно-голубыми глазками, — в таком возрасте без женщины болеть начнешь.

Она наглая как лагерный педераст. Ходит за ним по пяткам, хватает за руки. “Ну, что же, — решает он, — разгрузиться можно и с такой.” Ее тело ассоциируется у него с деревянным корытом, наполненным холодцом. Она — мечта шоферов-дальнобойщиков, категории людей, обожающих, из-за недостатка комфорта, толстух. Его же в ней устраивает только ее любовь к минету. Они выпивают вторую бутылку шампанского, она делает третий заход, и он проводит Эльвиру туда, где ее ожидают муж и дети.

Нервный стресс полностью снят. Василий принимает душ, меняет постельное белье и погружается в блаженство легкого сна.

Василий бродит по Москве и чувствует себя превосходно. Проводит рукой по лицу. Кожа мягкая и бархатистая. Дышится легко, в теле легкость, настроение хорошее. Казахстан, с его суховеями и песчаными бурями, кожу лица превращает в испещренный трещинами барабан. Глаза вечно слезятся, часто болит голова. Спасает чай. Не удивительно, что казахи употребляют его в огромном количестве.

У станции метро “Динамо” скопище маршрутных такси. Василий садится в первое попавшееся, продолжает знакомиться с Москвой. Ему безразлично куда ехать. Он выходит на Вишневого, бредет вдоль трамвайной линии. Вскоре попадает в парк “Дубки”. Где-то близко телецентр. Шпиль вышки врезается в небо.

Господи, как здесь хорошо! Запах прелой листвы, пруды, никакого скопища, присущего центру.

Василий садится на скамейку, расслабляется, наблюдает за семейством, отдыхающим по соседству. Один ребенок егозит в коляске, второй, девочка, порхает возле счастливой мамы. Папа пыхтит сигаретой, читает газету. Вот оно истинное человеческое счастье, которого у него никогда не будет.

“Не будет, не будет!.. Будут продажные шлюхи, а семьи, детей, дома и душевного равновесия никогда не будет. Старости тоже не будет. А если опять зона — застрелюсь, прежде чем возьмут. Если даже удастся свалить за бугор, с моим туфтовым воспитанием и уголовными наклонностями одна дорога... пуля из револьвера полицейского. Откуда такая уверенность?.. Не знаю. И все же, даже я, великий грешник, чувствую рядом с собой божье присутствие. Чувствую с раннего детства, и порой это даже меня страшит. За малейшее насилие над безобидным, беззащитным существом я в считанные дни получаю возмездие. Я скрупулезно за этим проследил, и глубочайше убежден, что Бог есть. Мне страшно говорить, но присутствие дьявола я тоже чувствую. Он подбивает меня на кровавые преступления, и мне стоит большого труда сбалансировать здравый рассудок, подаренный мне Богом, с лихорадочными порывами к совершению преступлений. Да, я применял оружие. На моих руках есть кровь. Но до сих пор я поднимал оружие, чтоб защитить свою жизнь от подонков, давно продавших дьяволу то, что когда-то было душой. Грабил же я, в основном, оголтелых, толстомордых барыг, которые, в отличие от вампиров, пьют у окружающих кровь без перерывов — как ночью так и днем”.

Определить барыгу, спекулянта для Василия трудности не составляет. Для вас сделать это трудно. Вы имеете крышу дома над своей головой, под которую убегаете, чтобы съесть свой суп, котлету с гарниром и выпить стакан молока. После приема пищи вы расслабляетесь в постели со своей женой или любовницей, и из ячеек памяти уходит реальная информация, связанная с тем или иным событием. Там же, в степном лагере, под палящим солнцем или жестяным ветром все обстоит иначе. Вон она ползет черная, жирная змея — колонна из пыльной зоны на рабочий объект. Это из птичьего полета. Здесь же, на грешной земле, в клубах красной пыли, в чреве этой змеи, пронизанной со всех сторон флюидами, токами, биоэнергетическими шпагами, все обстоит иначе. Исхудалые лица сбрасывают маски, и вот уже перед вами морды подонков всех мастей. Галерея, пройдя через которую за несколько лет лагерной жизни, вы уже никогда не ошибетесь.

И все же упырей в лагерях мало. Они избегают этой участи. В этой стране их огромное количество и они на воле. Они всюду, от берегов Днестра до Тихоокеанского побережья. С худыми или толстыми подобиями лиц, акульными челюстями, скрбным выражением глаз и хорошо подвешенными языками. Эту категорию демонического порождения он также изучил в адских глубинах тюрем и лагерей. Как от них избавиться?.. Нет, людям не нужен Сталин — уголовник, обиженный семинарией, армией, Музой и Эросом. “Щепки” из-под топора людоненавистника — топливо для очередных газовых печей и только. “Какой же я вижу выход из всего этого? Отвечу, в этой стране — никакого.”

Тишину и уют “Дубков” нарушает глухое урчание. По аллее, предназначенной для пешеходов, плывет сверкающий “Мерседес”. Дочурка его соседей едва успевает отпрянуть от черного вкрадчивого монстра. Салон до отказа набит молодыми людьми. Открывается дверца, один за другим появляются не менее великолепная компания. Эта разновидность двуногих Василию тоже известна. Необсохшие птенчики, отпрыски новоиспеченных директоров фирм и им подобных. Молоко явно не обсохло, тем не менее, наглости больше, чем у калымских педерастов.

— А вот и наша скамейка, девочки. Садитесь, будем глотать бренди!

Девочки топчутся. Места может хватить на двоих. Соседи Василия в явном смятении.

Девочки одеты не по сезону, но с большой помпой. Норковые шубки переливаются изумительным блеском. В ушах бриллиантовые сережки, на пальцах перстни. Мальчики в шелковых костюмах, подстриженные “под репу”.

— М-маладые люди, вы уже пасидели, уступите место девочкам из Парижа.

— Алекс, дай им пять баксов, чтобы они побыстрее свалили, — капризно взвизгивает тепличное растение, взмахивая дорогой сигаретой.

Алекс не столь “галантен”, в глазах — красный свет пьяной злобы.

— Какие баксы? Сваливайте, козлы, пока я по очереди всех не отоварил.

Ногой, обутой в добротный ботинок, он пинает коляску. До смерти испуганные соседи вскакивают.

— Да что вы, ребята, мы ничё, уходим. Садитесь, пожалуйста, — говорит Василий, загрозявая собой соседей.

Компания садится.

— Вот так, а теперь валите! — говорит Алекс.

Их пятеро. Два прилизанных петуха и три воздушные козочки. Не пни он ногой детскую коляску, Василий, пожалуй, ушел бы. В душе что-то перевернулось. Вспомнилась Караганда, бульвар Мира, убогое, жалкое детство. Василий вытаскивает парабеллум и со всего маху бьет рукояткой промеж красных злобных окурков. Алекс валится словно тюк прогневших фуфаек на лагерную помойку. В глазах второго отражается неподдельный ужас. Он сползает со скамейки на полосу асфальта и тонким голосом вымалывает пощадку. Шлюхи дробно стучат зубами.

— Ну, что, мрази? — улыбаясь говорит Василий. — Перестрелять вас, или на первый раз пощадить?

В нем просыпается лагерный садист, обладающий высокопарным языком революционного трибуна.

— Н-н-не нада, мы больше не будем, — по-школьному говорит Алекс.

Семейство дрожит под тенью дерева. От их до тошноты порядочных лиц Василию становится не по себе.

— Немедленно уходите. Я с ними ничего не сделаю, — говорит он.

Они засеменяли в глубь парка.

— Сумка в машине есть? — обращается Василий к Алексу. — Живо тащи.

Через секунду тот подает Василию роскошную сумку, в которой позванивают бутылки.

— Бренди? — спрашивает Василий, обшаривая карманы юнца. — Классно живете, — говорит он, вытаскивая из лакированного портмоне несколько стодолларовых купюр.

У второго тоже полные карманы долларов.

— Ну, а теперь ваша очередь, проститутки, — говорит Василий еле сдерживая смех. — Сережки и шубки в сумку, иначе поотстреливаю мочки ушей.

И все же они не были проститутками. Нажитое тяжким трудом так просто проститутки не отдают. Он всегда уважал профессию проститутки. Никогда не смешивал эту категорию с обыкновенными шлюхами, и всегда утверждал, что проститутки преданы, смелы и, черт побери, из проститутки бывают отличные жены.

Они поспешно расстаются с награбленными их родителями вещами, продолжая щелкать зубами.

— Быстро за баранку, как тебя там ...? Алекс?! — говорит Василий. — А вы его ожидайте. Если побежите стучать, разыщу и перестреляю как кроликов.

Он был уверен, что они не побегут в милицию. Необъяснимая уверенность, замешанная на интуиции и опыте. Двадцать минут спустя Василий мчится в электричке в сторону Савеловского вокзала. От Савеловского рукой подать до Окружной. В камере хранения “Алтая” у него остались кое-какие вещи.

III. “Если нас поймают — это конец!”

Серик Жарылгапов, в прошлом чемпион Европы по боксу, а ныне — один из заправил преступной московской Лиги бокса, был многим обязан Харасанову. Еще совсем недавно он, правнук сбежавшего за границу от революции бая, трепыхался в сетях карагандинской уюловки. Почва уходила из-под ног. Спортивные заслуги не могли списать найденных в “Шанхае”¹ десяти мешков маковой соломки и двухсот килограммов приготолненного к отправке чуйского “пластилина”².

Услуги, оказанные ему Харасановым, не имели цены. За два часа до ареста Серик Жарылгапов получил отлично сфабрикованные документы. Еще спустя шесть часов, с легкой руки Харасанова, над его лицом работал скальпель пластического хирурга в одной из подпольных операционных Ташкента.

Пресловутая Лига бокса, которую возглавлял Жарылгапов, вела легальный образ жизни. Спортивное братство имело высоких покровителей по всему СНГ. Крепко скроенные ребята с покатыми плечами, жилистыми руками и перебитыми носами выкачивали из пугливых московских торгашей немалые деньги. Если кто подымал хвост, пускались в ход крепкие кулаки, а в крайнем случае — пистолеты с глушителями.

Когда на перрон, чуть ли не к вагону, подкатил черный “Мерседес”, Франц похолодел. Сердце подсказывало, что сверкающий лаком автомобиль имеет непосредственное отношение к прибытию в Москву непрошенных гостей.

Из машины вышли двое. Огромного роста детина бросился к Харасанову и стиснул его в медвежьих объятиях.

— Привет, брат. После твоего звонка из Алма-Ата я был готов ночевать на вокзале. Знаю, что ты в розыске, но не бойся, у меня в Москве все схвачено. Сейчас едем в ресторан “Центральный”, отметим ваш приезд. Кстати, не забывай о моем новом имени, называй Касымом. Мои подчиненные не в курсе моего прошлого.

Вскоре они мчались по сверкающей огнями Москве к неведомой приключениям.

Ресторан “Центральный” поразил Франца шикарной публикой и изысканностью кухни. После водки, горки блинов, обильно смазанных паюсной икрой, гнетущее состояние исчезло.

С Францом Жарылгапов почти не разговаривал, но с Наташи не сводил болотного цвета глаз. Это заметил Харасанов. Когда девушки вышли в туалет, он обратился к Жарылгапову:

— Серик, то бишь, Касым, она не для тебя! Давай сразу расставим все точки над “i”. А теперь о деле. Сумеешь перебросить меня и моих друзей в одно маленькое западное государство? Я заплачу хорошие деньги.

Жарылгапов расхохотался.

— Какие деньги? Я тебе обязан свободой. Что касается этой девушки, зачем бедному молодому человеку такая красавица? На западе таких как она держат в шикарных особняках и осыпают бриллиантами.

Франц вспыхнул. Мафиози открыто игнорировал его присутствие. Для него он был пустым местом.

— Константин, твой друг, кажется, забывается. Если он будет продолжать в том же духе, я забираю Наташу и сегодня уезжаю в Жмеринку.

— О-о-о, молодой человек, так вы, оказывается, из легендарной Жмеринки? Знаю, знаю, в этом городе водится много духовитых ребят.

С пьяной фамильярностью он хлопнул Франца по плечу и продолжил:

— Но в плане моего замечания по поводу вашей девушки вы не правы. Я ведь хотел вам предложить маленькую компенсацию. Скажем, порядка десяти тысяч долларов.

Константин успел перехватить кулак Франца. Охранник с маленькими, словно вырезанными из газеты ушами, потянул руку за борт пиджака.

— Касым, ты или пьян, или окончательно сгнил в этой задолбанной Москве. Мы уже несколько месяцев в бегах, вконец измотаны, а ты лезешь с пакостями. В общем, мы уходим, будь здоров!

Злобный огонь в глазах Жарылгапова потух. Словно после нокаута, он встряхнул головой и неожиданно взмолился:

— Извини, брат, со мной опять что-то происходит. Вот она обратная сторона бокса. Перемыкает по несколько раз на день. Клянусь, я вас спутал с кем-то другим. Отшибает память, только злоба душит.

— Это другое дело. Но, прошу, больше не забывайся. После карагандинского изолятора для меня пришить человека пара пустяков.

Жарылгапов внимательно на него посмотрел. Франц перехватил этот взгляд. В глазах промелькнули смесь недоверия и затаенной угрозы. Без сомнения, оправдательные слова о боксерских травмах и потере памяти были лишь словами.

Изначальная легкость, принесенная алкоголем, постепенно проходила. Переезд из одного климатического пояса в другой опять бросил в тяжесть и сонливость. Разболелась голова, слипались веки. Франц вышел в туалет, сполоснул лицо, закурил. На какое-то время оцепенение прошло.

Когда он возвратился в зал, за столиком плечом к плечу сидели трое незнакомцев. Жарылгапов по-прежнему не обращал внимания на Франца. В кругу верзил девушки выглядели словно две маленькие куклы в компании Карабасов-Барабасов.

Незнакомцев представил Харасанов.

— Знакомься, Франц, это Булат, брат Касыма, а это братья Матросовы — Толик и Славик.

Когда Толик и Славик поднялись, чтобы пригласить девушек на танец, Франц был ошеломлен. Таких гигантов ему в своей жизни видеть еще не доводилось.

Заметив его удивление, Жарылгапов засмеялся и сказал:

— Что, молодой человек, моя команда вас удивляет? Эти шкафы за одни сутки вышибают столько денег, сколько вы не видели за всю вашу нищенскую жизнь художника-оформителя.

— Во-первых, я никогда не был нищим и художником-оформителем, — ответил Франц. — А во-вторых, я еще не встречал людей, подобных вам. В каждое сказанное вами предложение вы обязательно вставляете оскорбление и слово “деньги”. Возможно, это доброкачественная шизофрения, а возможно и нет. Вам необходимо провериться у психиатра.

Жарылгапов побагровел. Обстановка опять накалилась.

— Малец, на этот раз ты меня достал! Одно мое слово, и тебя оденут на х... . А потом здесь на кухне из тебя сделают фарш.

— Прежде, чем из меня сделают фарш, я из твоего брюха сделаю решето, — процедил Франц, и направил на Жарылгапова ствол УЗИ.

Мафиози побелел как полотно. Облизывая губы, он тихо сказал:

— Костя, где ты взял такого психа? Я не ожидал от него такой прыти. Все, малый, я беру все оскорбления в твой адрес обратно... Идет?

— Нет, Касым, не идет, — вмешался Харасанов. — Если бы это не сделал Франц, еще немного и ты получил бы пулю от меня. Что с тобой случилось? Ведь ты мусульманин, а мы твои гости. Весь вечер ты оскорбляешь человека, который мне ближе, чем брат. Этим самым ты оскорбляешь меня. Знаешь пословицу “против лома нет приема”? Сейчас мы перестреляем твоих архаровцев, а дальше будь что будет. Понимаешь, я сбежал из тюрьмы. По тюремным законам убийство каждого “козла” мне засчитывается как классный поступок. И еще, если бы не я, ты бы, пакостник, только начинал бы свой пятнадцатилетний срок в Карлаге.

Прикрыв стволы пиджаками, держа под прицелом столик, они вышли в холл, а затем на Тверскую. “Бультерьер” в машине бесцветными глазками тупо уставился на Константина:

— А где шеф? Уходите, что ли?

Когда он выгасил мобильный телефон, Харасанов приставил ствол к его глазу.

— Положи трубку, земляк, и трогай в “Дубки”. Надеюсь, дорогу знаешь?

“Бультерьер” был понятлив и сговорчив.

— Есть, шеф, знаю где “Дубки”! Держим курс на “Дубки”, — сказал он не без юмора и добавил: — Жаль, уже поздно, там в прудах рыбку можно половить.

Харасанов тоже знал “Дубки”, а еще лучше повадки Жарылгапова.

— Что-то ты уж очень хорошо знаешь этот парк. Наверное, не один из оппонентов твоего шефа на дне тамошних прудов рыбку ловит.

— Что вы, генерал, я взаправду люблю тот район. На Вишневого у меня сеструха живет. Там и работает в салоне новобрачных.

За трамвайной линией начинался парк. Перед тем, как выйти из машины, Харасанов сказал:

— Передай Касыму, я завтра позвоню. И еще скажи, друзья так не поступают, пусть подумает.

Они долго шли по темным аллеям парка. Кое-где на скамейках спали бродяги. Принимая их за милицию, некоторые из несчастных вскакивали и прятались в кустах. Обратная сторона богатого столичного города находила убежище здесь, под сенью деревьев ночного парка. Наконец, словно сказочные великаны, выросли здания многоэтажных домов.

Они вошли в темный подъезд. На одиннадцатом этаже изношенный лифт со скрежетом остановился. Харасанов позвонил в одну из квартир. Через довольно длительный промежуток времени за дверью раздался старческий голос. Вопрос напоминал пароль, был нестандартен и смешон:

— Мурманск, Баку или Киев? Говорите быстрее, я спать хочу.

— Баку, тетя Маруся, давай ключ. Приехала твоя зарплата за два года.

Как по мановению волшебной палочки открылась дверь. Ситцевая старушонка протянула в дрожащей руке ключ.

— Бери, касатик, там все в полном порядке. Телевизор работает, горячая вода есть, чистые постели в шкафу.

Харасанов протянул старушке несколько сто долларовых купюр.

— Бери, тетя Маруся, тут с премиальными. Никто мною не интересовался?

— Никто, касатик. Раз в месяц племянник проверяет твой автоответчик. Ничего... только иногда хулиганы баловываются.

И опять Франц увидел картину, подобную темиртауской. Роскошная квартира, набитая серебром и хрусталем, томилась в ожидании преступного хозяина.

— Ну, что ж, ребята, хлеба, как и в Темиртау, нет, а консервированных продуктов в кладовке полно. У половины, наверное, срок годности истек, но есть там и такие, что еще десяток лет простоят.

Они поочередно приняли душ и легли в постель. Интуитивно Франц чувствовал, Наташа думает о том же, что и он. Всю свою короткую жизнь Франц мечтал приехать в Москву. Он хотел увидеть музеи и парки, выставки художников и скульпторов. Наконец он здесь с прекрасной женщиной, но связан, замордован дикими обстоятельствами. Вот уже несколько месяцев он соучастник цепи преступлений. Его сумка набита оружием, он общается с готовым на все загнанным человеком. Ему ужасно захотелось забрать Наташу и выйти из игры. Но он знал: теперь Харасанов их не отпустит. Читая его мысли, Наташа сказала:

— Сегодня мне впервые стало по-настоящему страшно. Жарылгапов профессиональный бандит, а наш Харасанов — потенциальный. Плевать я хотела на его деньги, пора выходить из игры.

— Я тоже об этом думаю, но как ты себе это представляешь?

— Очень просто, купить в Жмеринку билеты и уехать.

— Нет, Наташа, бросить его просто так — подло! И еще есть одно обстоятельство, пожалуй, основное — я дал ему слово, что буду с ним до конца.

Она прижалась к нему всем телом и горячо шептала:

— Франек, милый, если нас поймают — это конец! За соучастие и недонесение мы получим минимум по три года тюрьмы. Я не хочу тебя терять, давай уедем к тебе или обратно в Казахстан.

Он испытывал моральные и физические страдания. Он боялся всего. Боялся ее потерять, боялся этого зарубежного оружия, пачек фальшивых документов и валюты.

— Знаешь, Наташа, в художественном училище меня сделали диссидентом, отщепенцем, вываляли в грязи и наплевали в душу. Я хорошо знаю какво человеку, которого бросают друзья. Теперь же ты хочешь, чтобы так поступил я.

На плече он ощутил ее слезы. Ему до боли захотелось ее успокоить.

— Он нас отпустит, я уверен! Завтра я с ним поговорю. У него нет причины нас держать.

В это же время Харасанова мучил вопрос иного рода. Он хорошо знал “отставных” спортсменов, большинство из которых, за неимением постоянных доходов, подались в криминальные структуры. Но Жарылгапов был птицей иного полета. Правнук бая, он имел большую родню, которая осела где-то в Афганистане и США. Жарылгапов мечтал не только об обогащении. Его душа жаждала Мести. А если взять во внимание азиатский менталитет, Харасанов не завидовал Юрию Лужкову, приютившему под своим крылом такого гостя.

О жестокости Жарылгапова еще в Караганде ходили страшные истории. К примеру: десятки мальчиков, которые в рюкзаках привозили для него сырец высококачественной марихуаны, после двух—трех поездок в Чуйскую долину исчезали в чреве Карагандинской тюрьмы. Тысячи матерей мечтали собственноручно выдрать глаза этому мерзавцу с бычьей шеей и хищными болотными глазами. Честно говоря, тогда в Караганде, Харасанов вряд ли подрядился бы делать ему фальшивый паспорт и устраивать пластическую операцию. Но случилось так, что барыга по натуре, Жарылгапов скупал все, в том числе и книги. Агент Харасанова по продаже книг однажды имел неосторожность принести очередной том Жарылгапову домой, когда у того веселились его “бультерьеры”. Они решили выявить источник поступления книг и мордовали парня до тех пор, пока он не указал откуда они появляются. Жарылгапов знал: книги диссидентов стоят больших денег. С того момента Харасанов попал в поле зрения карагандинской мафии.

Под грузом невеселых раздумий Константин не спал всю ночь. В шесть утра, когда в пачке осталась одна сигарета, раздался телефонный звонок.

— Привет, карагандинский бродяга. Не ожидал так рано услышать голос друга? Это я, Касым.

Чего, чего, а такой прыти от конторы Жарылгапова Константин не ожидал.

— Ого! Ты что же, Касым, приобрел в ЦРУ технологии? Честно говоря, ты меня удивил.

— Чего там удивляться? — весело сказал Жарылгапов. — Буду откровенен, у тебя и у твоих друзей в одежде, по меньшей мере, три ежика отдыхают.

— Брось, Касым, сам ты не фокусник, а от твоих быков люди на пять метров шарахаются.

Жарылгапов громко разоржался в трубку.

— Га-га-га! Земляк, не старичков-диссидентов нужно читать, а современную детективу. Почему я тебя именно в “Центральный” пригласил? Что, в Москве более современных кабаков нету?

— Не понял, насколько я знаю, там блины и икра не из последних.

Жарылгапов продолжал гоготать.

— Этого добра, Костик, сейчас в каждом кабаке полно. При коммунистах икорка не каждому фраеру была дана. Теперь же другое дело. Но не буду тебя больше держать в напряжении. Просто в этом кабаке халдеи и официанты привыкли к твердым тарифам. За десять баксов они тебе вторые яйца прицепят.

— Ладно, благодарю, убедил и объяснил, — сказал Харасанов. — Как твоя боксерская голова? Припоминает вчерашние события?

— Да, Костик, извини меня ты, пусть извинит меня мадам Натали, и передай маляру пусть тоже извинит.

“Нет, эта азиатская бестия неисправима, — подумал Харасанов. — На следующую встречу придется идти одному.”

— Он не маляр, Касым, а отличный художник. Если когда-нибудь свалишь за бугор, будешь у его агентов выключивать картины подешевле.

Барыга всегда останется барыгой. Даже в телефонной трубке почувствовалось напряжение.

— Ты это серьезно? Он действительно что-то может?

Харасанов, желая оградить Франца от дальнейших оскорблений, пошел на ложь.

— А ты думал, Касым? Две его картины ушли подпольно по пятьдесят тысяч баксов за штуку.

— Ин-те-ре-сно. Как его фамилия, Бялковский? Я что-то такой фамилии в Москве не слышал.

— А про кого ты мог услышать при коммунистах кроме Глазунова? Он уже всем успел надоест своим иконным стилем.

— Ладно, Костя, не гони пургу. Ну, и где же он в Караганде мог выставляться?

— При чем здесь Караганда? Он выставлялся в Одесской галерее. Лучшие его картины ушли в Турцию.

Алчность брала свое. Жарылгапов кряхтел, причмокивал губами и наконец не выдержал.

— А он с собой что-нибудь привез? Может, подгонишь мне, как старому другу, подешевле?

Теперь рассмеялся Константин.

— Что, власть меняется? Вчера ты ему предлагал за Наташу десять штук.

— Но я же извинился, сказал, что у меня перемыкает. Кто старое помянет...

— Знаю, знаю, — перебил Константин, — тому глаз вон. Но есть продолжение: а кто забудет — тому два.

— Го-го-го! — ржал Жарылгапов, наводя мосты.

Наконец он утомился, перевел дыхание и продолжил:

— Паспорта будут готовы через две недели. Кроме всего у меня к тебе большой разговор.

IV. Кузьма Калашников и Стелла

За окнами квартиры вторые сутки дождь. От подобной погоды он получает необъяснимое наслаждение. В такие часы Василий убеждается, что тени его предков бродят не в пыльном знойном Казахстане, а где-то на западе, в землях туманов и дождей. Но где? Лицемерные правители превратили народы социалистического лагеря в “Иванов, не помнящих родства”. Сделали все, чтобы народ превратился в быдло с вытравленной памятью.

Иногда Василию кажется, что местность под казахстанские лагеря выбирали злые демоны, монстры, оборотни, ставленники темных сил, но только не люди. За годы отсидок он не помнил ни одного дождя, не помнил ласкового неба, покрытого кудряшками облаков, нежного трепетного ветерка. Выбеленное, покрытое пеленой небо, белое жгучее солнце летом и красное зимой, выплескивающее вместе с ядовитыми лучами дикие бураны.

Монотонная песня дождя не прекращается. Чтоб как-то отвлечься, Василий вытряхивает содержимое огромной сумки на палас.

Вот она, его добыча, за пять дней пребывания в Москве. Вперемешку деньги, золото, барахло. “Деньги есть деньги, а вот шмотки и золото необходимо сплавить. Честно говоря, я хожу по лезвию ножа. У меня пистолет, фальшивая прописка, шубы, золото — все прямые улики. Господи, вот что значит комфорт и хорошая пища. Волк медленно, но верно превращается в упитанную овцу. Завтра поеду на рынок и все немедленно спихну.”

Как не крути, Василию все же придется сходить по одному адресу, приобретенному еще в зоне. Нужен загранпаспорт, чтоб осуществить заветную мечту — попытаться свалить за бугор. Безразлично в какую страну, лишь бы подальше от милых сердцу степей и самых открытых в мире людей. Вначале он никого не убивал, тем не менее за “воровство курей” в этой стране признан рецидивистом, и большую часть жизни провел за решеткой. Волком же он себя называет исключительно исходя из своих физических данных: поджарой фигуры и выносливости. Почему он так затянул время? Денег на паспорт хватало в первый же день приезда. Возможно, это подсознательное нежелание бежать за границу. Как мало нужно людям в этой стране. Достаточное полное желудка, полноценного сна и сознания того, что у тебя есть пища на завтрашний день. Честно говоря, интеллектуалы, рвущиеся на запад, ему всегда были неприятны. Особенно те, у которых, в принципе, здесь есть все необходимое. Другое дело такие как он. Таких в этой стране уничтожают трепетно и планомерно. Как ни парадоксально, до перестройки еще можно было выжить. Кто решительно хотел завязать и умел хоть что-нибудь делать, мог получить жилье и работу. Теперь же, по освобождению из лагеря, шансов получить то и другое — ноль. Как можно правителям разглагольствовать о преступности, со скорбными физиономиями зажигать свечи в храмах абсолютно не заботясь о падших? Несчастный народ, убогие нравы, безответственные правители!

Василий одевает плащ и выходит на улицу. Моросит затяжной мелкий дождь. Чтоб насладиться божественной влагой, он направляется по дальнему пути.

На станции Владыкино — никого. Станция открыта недавно. Здесь забываешь давящую утомительную сутолоку центра.

Какое наслаждение этот дождь! Спокойствие, тишина. Нет изматывающих душу и сердце окриков: “Подъем! Стоять! Разобраться по пятеркам!” Нет вечного скребущего холодного дискомфорта тела и души.

Длинная петля. Наконец Октябрьское поле. Василий выходит из метро, отыскивает улицу Народного ополчения. Интересно, как поживает бывший заключенный и бывший юрист Министерства виноводочной промышленности Кузьма Калашников? Василий подымается на двенадцатый этаж, звонит. Дверь открывает вертлявая старушка со злой крысиной мордочкой.

— Мать, я вот к Кузьме. Не скажешь, где он?

Она злобно смотрит на Василия и совершенно членораздельно говорит:

— Пошел на х...

Он отупело смотрит на запертую дверь, все еще не переварив значную информацию.

Василий звонит в другую дверь. Появляется физиономия белобрысого парня, который явно пьян и принадлежит к классу пролетариев. Его можно взять проверенным путем.

— Земляк, с меня пузырь. Укажи, как найти Кузьму. Вместе когда-то работали.

Василий мгновенно получает ответ.

— Сейчас придет, пошел в киоск за пивом.

Он широким жестом приглашает Василия в квартиру и продолжает:

— Вместе с Кузьмой соображаем, проходи, будешь третьим.

Бухариков в своей жизни Василий видел достаточно. Информация его вполне устраивает.

— Вот, держи пять баксов, купи чегонибудь покрепче. И покажи киоск, мне с Кузьмой нужно двадцать минут побазарить.

Белобрысый в душе ликует. Тем не менее, сохраняя достоинство, важно говорит:

— Ты там моего друга долго не задерживай, а киоск — как выйдешь с подъезда, налево, за углом дома.

“Господи! Неужели это Кузьма?” Пятым в очереди стоит обрюзгший небритый мужчина в старом облезлом пальтишке.

На ногах валенки — и это в начале октября.

— Кузя, Кузя! Мерин висложопый, не узнаешь?

Тот смотрит выпученными потухшими глазами, пытается вспомнить.

— Н-н-не... Гриша, что ли?

— Ну, мерин, дошел!

Василий хватается за ворот “москвички” и вытаскивает из очереди.

— Ктоваль я, Бешеный из Карлага.

Он весь затрясся, вцепился в рукав его пиджака.
— КГоваль, КГоваль, неужели освободили?
— Освободили, на этот раз не раскрутился. Но зарекаюсь — сам знаешь...
— Понимаю, понимаю, — он весь дрожит, — сейчас возьму пива и пойдем ко мне.
— Брось, Кузьма, какое пиво? Слышишь, не брыкайся.
Он тащит его к соседнему киоску.
— Водку “Золотое кольцо”, булытку бренди и десять банок немецкого пива.
Кузьма испуганно на него смотрит.
— Жрать у тебя тоже, наверное, голяк?
— Ага, голяк, — в тон ему говорит Кузьма.
Василий берет две банки тушенки и они отправляются к Кузьме.
Просторная запущенная квартира. На кухне грязная посуда, ворохи нестандартных бутылок, затхлость и уныние.
— Кузьма, пошли в комнату, меня сейчас вырвет.
— Да, да, сегодня собирался делать генеральную.
— В чем дело, Кузьма? Как мог ты, заслуженный юрист, до такого докатиться?
Он скептически улыбается. Наконец человеческое лицо.
— Был заслуженным до зоны. После Карлага никому не нужен. Иногда сдаю комнату, так и живу.
Василий внимательно на него смотрит. Денег он ему даст, в остальном, кажется, уже поздно. Василий смешивает водку с бренди, себе наливает стакан, ему — грамм сто. Они выпивают.
— Кузя, мне нужен набор ксив¹! Не одну, не две, а целый набор.
Ему захорошело, лицо озаряется.
— Я понимаю, Коваль, но это очень дорого. Тебе не поднять.
— Это не твои проблемы, говори сколько.
Он что-то шамкает губами, явно боясь произнести цифру.
— Говори, Кузя, не волынь.
— Десять штук зеленых, а может и больше.
— Такие бабки у меня есть, вернее, будут до конца недели. А они быстро сделают?
— Быстро, недавно звонили, просили найти клиента.
Василий смотрит на него и не узнает того крепкого мужичка-боровичка, зоновского табельщика в хорошо подогнанном мелкостине.
— Ох, Кузя, Кузя! До чего ты докатился? Оказывается, деградировать можно не только в зоне.
Он вздыхает.
— Брось, Коваль, хорошо хоть квартира осталась. Нужно сказать спасибо покойной матери.
— Мать матерью, Кузя, а семью такому человеку как ты, завести необходимо. Тебе сколько лет?
— Пятьдесят с маленьким хвостиком.
— Имея квартиру и путевую женщину, в пятьдесят можно родить футбольную команду.
— Пробовал, Коваль, не получается. В зоне растренировался, а на свободе один спорт — литробол.
— Мне тебя искренне жаль, но чем помочь? Ты умнее меня в сто раз.
Он допивает ёрш.
— Что толку с этой головы, если вторая не работает?
Василий отстегивает ему триста баксов и они расстаются до субботы.

Итак, до субботы нужно десять тысяч. Ох, до чего не хочется брать хату. Вешать на себя новый эпизод. В принципе, попадись он им, срок у него уже есть и притом большой. Пятерку влепят даже за нарушение паспортного режима. Ведь он рецидивист. Фальшивая прописка — это уже червонец.

Денег у него около семи тысяч. Вместе с шубами будет все десять. Они в камере хранения. Придется перешагнуть через себя. Побороть брезгливость. “Вор-рецидивист брезгует сам сплавлять барахло. Кому скажи, не поверят.” Но это точно. Процесс торговли вызывает в нем сначала бешенную злобу, затем отвращение и упадок сил. Откуда это, он не знает. Какие-то странности организма.

Минетчица Эльвира ужасно надоела. Она постоянно торчит в квартире. Нет, так дело не пойдет, пора опять в гостиницу. В Измайловском комплексе лица у администраторов не такие, как на Окружной. Здесь публика побогаче. Лица у “церберов” менее агрессивны.

— Девушка, милая, отблагодарю по большому счету, нужен хороший номер.
Не поднимая глаз она бросает:
— Подожди двадцать минут, постараюсь придумать.
“Придумает, с таким сексуальным лицом и яркими вывернутыми губами обязательно придумает. Кстати, если удастся устроиться, нужно будет обязательно ее снять”.

Ого, у него классный номер. Ванная сверкает голубой плиткой. Телефон, цветной телевизор, даже есть холодильник. Для гостиницы, пусть даже московской, это уже много.

За двадцать баксов чайных Стелла пристроила его в этот номер на десять суток. Во времена большого переселения народов¹ десять суток полноценного отдыха — полжизни.

А теперь нужно сплавить эти чертовы шубы. Шлюхи уже наверняка заявили о разбойном нападении. Шубы по себестоимости потянут на огромную сумму.

Он вспоминает напутствия москвича, тянувшего вместе с ним срок. “Барахло хорошо сплавлять в банях. Обслуга номеров ворочает миллионами.” Кажется, он упоминал Краснопресненские бани. Точно, Краснопресненские. Погнали на метро Девятьсот пятого года.

Выхоленный банщик с толстенной золотой цепью, обвитой вокруг бычьей шеи, мгновенно ориентируется.

— Сколько просишь?

— Пахан, сам видишь, новые. Им цены нет.

— Всему есть цена. Сколько просишь?

— По две тысячи зеленых за шубу, — называет он явно заниженную цену.

— Н-н-нет, земляк, столько не потянут.

У Василия начинает ныть скула и подергивается веко. Сдерживаясь изо всех сил, он говорит:

— Пахан, ладно, мне чистых две штуки и на этом конец.

— Ладно, попробую, жди меня здесь.

Василий кладет ему руку на плечо.

— Пахан, если приведешь ментов или слинешь, считай себя покойником.

Тот картинно обижается:

— Какого х... ты меня пугаешь? Забирай свои шубы и вали.

Василий сжимает ему плечо.

— Отец, не на-д-а! Я тебе верю. Давай иди, очень бабки нужны.

Через двадцать минут он приносит полторы тысячи. Беспредельная жадность барыг всегда стабильна.

— Вот все, что у них есть. Хочешь бери, а хочешь нет.

Он знает, что клиент никуда не денется. Он не ошибается.

— Ладно, хрен с вами, давай бабки.

“Две норковых шубы за полторы тысячи. Ха-ха-ха! Как пришло, так и ушло.” Впрочем, он давно потерял чувство определять истинную цену вещей. А по московским тротуарам бродят дряхлые старушки в поисках пустой бутылки. До чего омерзительна жизнь.

В холле Измайловской — никого. Стелла нежно улыбается, обнажая прокуренные зубы.

И все же, она чертовски сексуальна. Такая в постели отдаст и получит все.

— Стелла, у меня сегодня памятный день. Ровно год после окончания казахской академии.

Она улыбается еще шире.

— А какая специализация?

— Юриспруденция.

— Ого, интересно, а кем вы сейчас работаете?

— Вообще-то, секрет, но для вас... Изымаю незаконно приобретенные ценности у новых русских.

Она стягивает голову в плечи.

— Вы опасный человек.

— Для них — да, Стеллочка, а для вас — друг и только друг.

Она заразительно хохочет.

Что ж, смех у нее, действительно, очень приятный.

— Приглашаю вас, Стеллочка, в ресторан по большому счету.

Она, безусловно, видала виды и с кем попало не пойдет. Но высокий, с иголки одетый блондин ей явно нравится.

— Не знаю, что вам ответить.

— Ответьте да, и через час для вас будет накрыт стол с ассортиментом для гурманов.

— Ну, что ж, Василий Витальевич, действуйте.

Кутить так кутить. Он заказывает столик действительно по большому счету.

Безусловно, ресторанное меню не напоминает меню “У Тифани”¹, но он там не был, и поэтому его требования к официанту сводятся к красной и черной икре, копченой севрюге, крабам и грибам.

Она оценивающе смотрит на стол и непроизвольно облизывает яркие губы.

— Знаете, Стеллочка, в прошлом году я обедал “У Тифани”, есть такой ресторан в Нью-Йорке. Там выбор блюд значительно богаче.

— Ну, что вы, Василий, стол просто прелесть.

— Присаживайтесь. А вот с напитками я поджидал вас.

— Чегонибудь легкого. Сухого вина, шампанского.

— Человек, записывай! Лучшего итальянского и французского шампанского плюс бутылка отечественной водки.

Стелла смеется. Смех у нее — воркование дивной сказочной птицы.

Они выпивают и закусывают. Стелла только на первый взгляд вульгарна. В общении — это теплая чувственная женщина, безусловно видавшая виды.

— Василий, а как вы проводите эту самую экспроприацию? Где ваша контора?

Она забавно ему подмигивает.

— Ну, что вам на это ответить, Стеллочка? Вы слышали о таком городе с названием Караганда?

— Слышала.

— Так вот, основная контора находится в этом городе. А филиалы разбросаны по всей стране, даже по всему миру.
— Ого, а оплачивают вашу работу хорошо? Прошу заранее извинить за нескромный вопрос.
— Почему же, Стеллочка? Сейчас перестройка, я могу ответить. Платят нам вполне достаточно. Один раз в месяц в специальном магазине мы получаем все необходимое. Еще бывают прибавки, но это уже во время дальних поездок. Что-то наподобие спецпайков.

Она вздыхает.

— Вот это жизнь! Не то что наживать геморрой за администраторской стойкой.

— Да уж, — говорит он с оттенком горькой иронии, — жизнь — что надо.

И наливает ей шампанского.

У Стеллы хорошо развиты бедра и длинные ноги. У нее красивый бюст и теплая спина с ложбинкой. Такие женщины ему нравятся. Они рождены женщинами, а не тепличными стеблями диковинной травы. Ее поцелуи горячи и головокружительны. Она упивается в него губами, обжигает нёбо кончиком раскаленного языка.

— Василий, где ты сумел всему научиться?

— Глупенькая моя девочка, об этом тебя хотел спросить и я.

В костюмах Адама и Евы они сидели за чайным столиком и пили шампанское.

Его потенция фантастична. Всеми виной, конечно, роскошное тело, которое трется здесь рядом о его плечо.

— Стелла, ты роскошная женщина. Знаешь, у меня так не было даже в пятнадцать лет.

Она хохочет.

— А сколько тебе сейчас?

— Двадцать три.

— Ты дурачок, в двадцать три должен маячить круче чем в пятнадцать.

Теперь уже хохочет Василий. “Что она может знать о половом созревании в условиях кошмарной лагерной действительности. Ведь я скитаюсь по лагерям с пятнадцати лет.”

Стелла покидает его ранним утром. Перед тем как выпустить ее в полумрак коридора, он сжимает ее в объятиях.

— Ты подарила мне удивительную ночь. Хочу встретиться с тобой еще.

Она спокойно улыбается.

— Я не против. Но тебе не стоит привыкать.

— Почему?

— Извини, я неправильно выразилась. Тебе вообще не стоит задерживаться.

— Что ты имеешь в виду?

— Дурачок, я ведь поняла о какой ты говорил академии. У меня родной брат тянет пятый срок. С ним кончено, а ты еще сможешь начать сначала. По тебе не видно.

— Но ты же увидела и поняла.

— Ничего удивительного. Поймет каждый у кого кто-то в роду сидит. Что касается “красногрудых снегирей”¹, у них собачий нюх и волчья хватка, не вырвешься.

— Ох, Стелла, до чего же ты умненькая! Дай я тебя еще раз поцелую.

Он целует ее тем поцелуем, от которого теряют сознание. У него темнеет в глазах, ей — хоть бы что.

— Стелла, встретимся послезавтра. Я уезжаю на следующей неделе. Если хочешь, махнем вместе.

— Глупенький, мне уже поздно. Да и у меня куча бытовых хвостов.

— Какие хвосты, не будь старухой!

Слова Василия ее разозлили. Она отстраняется и говорит стальным голосом:

— Чувак, а куда я дену больную мать и шестилетнего сына?

Ее слова логичны и отрезвляющи.

— Прости, Стелла, я хотел как лучше.

— Я понимаю. Встречаться до твоего отъезда мы сможем, а дальше — пропасть.

В ее словах горечь. У него перехватило горло.

— Вот, Стелла, возьми. Подарок от меня.

Платиновый квадрат усыпан крупными бриллиантами. Перстень очень дорогой. Побрякушки он еще не успел сплавить.

— С кого снял?

Теперь злится он.

— У кого может быть такой перстень? Конечно же у барыжной рожы!

Она улыбается своей очаровательной улыбкой и подмигивает изумрудным глазом.

— Спасибо, дорогой. До отъезда отработаю.

Стелла оставляет ему домашний телефон и уходит. Он падает в постель досыпать.

“Ого, сколько же я это проспал? — Василий тянется к тумбочке за часами. — Здорово, первый час! Дегенерат превратился в аристократа. Остается только опохмелиться шампанским”. Он глотает из горлышка и прокручивает события вчерашнего дня. Был кабак, была Стелла, была любовь. Еще было много лишней болтовни и позорное разоблачение.

С протрезвлением приходит беспокойство. Половина таксистов, администраторов и проводников отпетые стукачи. “Кажется, по тебе, парень, опять зона плачет. Живешь до первого мента.”

Он подходит к столу и набирает номер телефона. Бархатный голос спрашивает:

— Вам кого?

— Тебя, Стеллочка. Не узнаешь?

— Теперь узнала. Как выспался?

— Отлично, а у тебя все в порядке?
— Что могло случиться? Вот, кормлю сына.
Ее спокойный тон в корне меняет его настроение.
— Есть предложение. Бери сына, поедem кататься по Москве.
— Ин-те-ресное предложение. А что дальше?
— Днем будет море лимонада и мороженого, вечером — любой кабак на выбор.
— Ладно, не буду ломаться, тем более я тебе обязана.
— Ты имеешь в виду перстень?
— Вообще-то, да.
— Стелла, не держи меня за дешевку!
Она смеется.
— Извини, маленькая проверка. Хмырь бы сказал: “Конечно обязана”. Ненавижу хмырей.
Ее прямога ему импонирует. Полное отсутствие фальши и лжи, в которой он барахтается с самого рождения.
— Итак, Стеллочка, встречаемся через два часа у Художественного. Там набросаем маршрут.

Ее малыш ассоциируется у него с образом Тома Сойера. Вихрастые рыжие волосы, фантастические всплески энергии, клетчатые штаны на подтяжках.

— Не хватай только соломенной шляпы, — смеется Василий, подбрасывая его над головой.
— Соломенную шляпу носил Гек, — говорит Стелла. — Впрочем, я точно не помню.
— Ну и куда направимся, Фил? — спрашивает он его. — Кататься на тачке?
Филипп делает пренебрежительную мину.
— Чего там кататься, я не маленький. Пошли лучше в “МакДональдс”.
Они берут Филиппа под руки и спускаются в метро.
У “МакДональдса” уродливая картина: очередь-змея тянется до Тверской.
— Нет, это не для меня, — говорит Василий Стелле и Филиппу. — Стойте здесь, вскоре я вам махну рукой.
Стадо, стремящееся к кормушке, везде одинаково. Впрочем, в зоне к кормушке ломаются, в основном, волки. Овцы же покорно стоят в сторонке, неподалеку от обиженных.
Василий подходит к заграждению, уверенно берет выхолненного молодого бонвивана за руку.
— Молодой человек, здравствуйте! Извините, это ваша девушка?
Услышав утвердительный ответ, он продолжает:
— Молодые люди, как вы относитесь к детям?
Они недоуменно переглядываются, смущенно улыбаются.
— Мой шестилетний сын живет в далеком Казахстане. Целый год он мечтал о “МакДональдсе”, но буквально через два часа мы улетаем из Москвы. Сделайте доброе дело, пристройте нас к себе.
— О чем речь, пожалуйста. Где ваш сын?

Они в сверкающем зале. Филипп ликует. Стелла иронично смотрит на Василия.
— Стелла, не было никакого насилия, все по-хорошему.
Гамбургеры, хрустящий картофель, фанту, клубничное мороженое Филипп уничтожает с удивительной быстротой.
— Ты что же, дома его не кормишь?
— Почему? Кормлю, но в этом человеке еще сидит здоровенный вечно голодный мужлан. Представляешь? И не полнеет.
— Ну, тогда это не обжорство. Кем был его отец?
Она чмыхает и кончиком пальца притрагивается к его носу.
— Ты хочешь сказать это гены.
— Вполне возможно.
— Не думаю, что его отец был одним из трех толстяков.
— Ну, тогда все ясно, — смеется Василий. — Свежий воздух и хорошее общество.
Наконец с “МакДональдсом” покончено. Они выходят на улицу.
Несмотря на огромное количество поглощенной пищи, Филипп резвится словно молодой жеребенок.
— А теперь куда? — спрашивает Василия Стелла. — До вечера еще далеко.
— Поехали на Старый Арбат. Филиппу не помешает километровый марш-бросок.
На Арбате всегда интересно. Что-то здесь есть неуловимое и привязчивое, заставляющее возвращаться еще и еще.
— Волна демократии схлынула, — говорит Стелла. — Года два тому здесь был Вавилон. От поэтов до коробейников, от художников и музыкантов до шпагоглотателей и юродивых.
— А теперь куда они подевались? — спрашивает Василий.
— Никуда не подевались, Васек, стоит кому-либо вновь развернуть деятельность, менты так отметелят дубинками, мать родная не узнает.
Шестилетний Филипп уникальный ребенок. Его память столь же феноменальна, как аппетит.
— Mam, а вот “Риони”... Помнишь, с дядей Сашей мы здесь ели шашлык. Хочу шашлык!
Стелла пытается его вразумить.
— Сошел с ума, животик разболится.
— Не разболится. Васек, — тянет Василия за руку, — пошли на шашлык.
Запах настоящей пищи возбуждает аппетит. Они съедают по шашлыку, запивая белым вином. “Черт побери, от такого запаха любой карлаговский ээк вмиг потеряет сознание.”

Они выходят на свежий воздух. Теперь он уже по-настоящему необходим.

— Стелла, как твой малый, доволен?

Она прижимается к его плечу.

— Очень, Васек, в тебе он чувствует настоящего мужчину.

— А что, их ему не хватает, настоящих мужчин? — непроизвольно съехидничал он.

— Когда много, значит нет никого, — спокойно реагирует она. — А вообще-то, не говори, Васек, пошлостей.

Он извиняется и примирительно целует ее в ухо. Она мгновенно воспаляется, он смотрит на часы.

У Филиппа слипаются глаза. Вихрь потраченных и полученных калорий утих. Он хочет спать.

— Нам бы тоже не помешало вздремнуть, — говорит Василий. — Куда поедем?

— Только не в гостиницу. Если администратор часто отмечается с клиентами, кого-нибудь из персонала обязательно жаба задавит. Подумают, гребет валюту лопатой.

Она вот-вот что-то предложит, напряженно на него смотрит. Он вспоминает заповедь Чейза: “Мужчина должен быть терпеливым”.

— Махнем к моей подруге, — Стелла вытаскивает из своей сумочки замысловатый брелок. — Вот уж кому везет. Уехала с Конюховым в Амазонию охотиться на крокодилов.

Василий удивился. Этот соплик когда-то чуть не деградировал в комсомольских тусовках, затем пытался издавать книги...

— Ты не шутишь? Она действительно с Конюховым?

— Точно, он теперь продает бензин. Не курит, не пьет, но гоняется за каждой юбкой.

Подруга Стеллы фотомодель. Двухкомнатная квартира набита журналами. Буквально на каждой плоскости разбросаны фотографии с ликом хозяйки.

Они укладывают Филиппа на роскошный диван, сами отправляются в спальню.

Ее мощное, широкобедрое тело, с элементами вульгаризма, заставляет его стонать от наслаждения. Она садится на него и волна блаженства уносит Василия куда-то далеко-далеко от кошмарной реальности, которой так полна его жизнь.

Филипп спит три часа и все три часа эрекция держит Василия в стальном обруче.

Когда Филипп просыпается, Василий, успокоенный, сидит в кресле и смотрит телевизор. Стелла принимает душ. За эти три часа любой экз отдал бы десять лет жизни. В затуманенном мозгу Василия трепещет мысль: “Спасибо, Господи! Ты все же нашел нужным подарить мне наивысшую точку блаженства в человеческом бытии”.

V. Необычное предложение

Франц, Наташа и Таня еще спали. Харасанов проверил обойму и вложил “вальтер” в наплечную кобуру.

Они встретились на Цветном бульваре у входа в цирк. Харасанов умышленно выбрал это место. Неподалеку шумел рынок, присутствие азербайджанца и казаха особенного внимания не привлекало.

Одетый в шикарный реглан, при ярком галстуке, Жарылгапов походил на уважаемого бизнесмена.

Харасанов был одет проще. Широкий и длинный хэбэшный плащ он выбрал обдуманно. В складках плаща вполне мог поместиться арсенал Шварцнегера.

— Ты один? — осведомился Жарылгапов. — Почему не взял художника? Заодно я смог бы ему кое-что предложить.

Вдоль сквера, на расстоянии пятнадцати метров друг от друга фланировали остроухие охранники Касыма.

— Я один, а вот ты свою персону оставить боишься. Какого черта ребятам не даешь поспать, притащил их в такую рань?

Жарылгапов улыбнулся.

— Им за это бабки платят, и вполне приличные. Они, Костик, даже по ночам обязаны не спать. Так что ты их не жалея.

— Ладно, Касым, поболтали и хватит. У нас с тобой со вчерашнего дня разговоры ни о чем. Если бы я при нашей последней встрече в Казахстане гонял порожняки, ты бы сейчас в зоне искал чай для расчета с педерастами. Говори конкретно, что ты хочешь за документы?

Болотные глаза вспыхнули и Харасанов физически ощутил грудью толчек злой энергии этого человека. “А ведь какой-нибудь слабак в его руках — орудие для достижения любой цели. Не удивительно, что он ходит в лидерах.”

Жарылгапов нервно сплюнул, затем странно расслабился, сел на чугунную ограду и сказал:

— Будь я один, я бы всучил тебе и твоей компании эти херовы документы. Но дело в том, что о тебе уже все знают, а у наших ребят мечта, можно сказать идея фикс, научиться изготавливать баксы.

Чего-чего, а подобного Харасанов не ожидал. Он предполагал услышать многое: о планировании убийства, перекачке денег в западный банк, наконец, помочь в ограблении, но такое...

— Касым, у тебя, как у всякого профессионального боксера, было порядка двухсот легких сотрясений мозга. Так вот, двухсотое оказалось роковым. Твоя башка начисто перестала мыслить.

— Не хами, Костя. Ты преувеличиваешь. Ведь ты делал в свое время документы и для меня, и для своих любимых диссидентов. Сам когда-то мне говорил, что единственная проблема — это подбор нужной бумаги. Кажется, по плотности, водяным знакам и еще чего-то в этом роде. У нас несколько японских ксероксов, есть цветные принтеры. Если будет необходимо — плюнем на ксероксы и закажем клише пятидесяти- и столларовых купюр. Нам нужен консультант и художник. Я и мои ребята уверены — лучшего консультанта чем ты, нам не найти. Что касается художника — твоя знаменитость из глубинки вполне подойдет на эту роль.

Колени у Харасанова дрожали. Пристрелить Жарылгапова и его телохранителей — дело пустяковое, но последствия абсолютно ясны. К вечеру Франц и девушки будут валяться мертвыми в квартире, а в лучшем случае — сидеть в наручниках на Петровке. Спорить с Касымом пустое дело. Если его самого и команду охватила, как он выразился, идея фикс — колесо не остановить.

— Заварил ты, Касым, кашу, и меня втягиваешь. Ведь я чудом спасся из Карагандинской тюрьмы, а для чего? Для того, чтобы подхватить сначала туберкулез в Матросской тишине¹, а затем быть расстрелянным где-то в Казахстане.

— Зачем так мрачно? Наладишь нам производство и чеши на запад, размораживай в банках свои счета. Впрочем, у тебя в нашем деле будет немалая доля, через год переправим контейнер с долларами на твой счет в Швейцарию.

— Вот именно, контейнер. Только не с долларами, а со мной, и не в Швейцарию, а родителям на дом, в Баку. Неужели, Касым, до тебя не доходит, что фальшивомонетки в девяносто девяти случаях заканчивают “вышкой”.

— Ладно, Костя, завязывай пропаганду. Я понимаю, тебе пятьдесят, пионерское детство, труд на благо Родины... Я это тоже успел пройти. Но сейчас я предлагаю дело, понимаешь? Дело, которое обогатило массу людей. Даже нескольких месяцев хватит, чтобы упаковаться и завязать.

Константин начинал злиться. Тупорылый качёк с задатками уголовника поучал его, человека, получившего два высших образования. В то же время подсознательно он понимал, что протест его эго, по причине воспламенившейся гордыни, ни к чему хорошему не приведет.

— Завязывай, Касым, меня учить. Для меня существенен только один твой довод. Ответь, если я не соглашусь вы схватитесь за пушки..? Верно?

— Ты угадал, но пойми...

— Хватит, ближе к делу! Когда ты мне покажешь помещение и технику?

— Это другой базар, — Жарылгапов оживился. — Сейчас я тебя отвезу домой, а в 23.00 заеду. Место находится за чертой города.

VI. Смерть Кузьмы

Прогулки с Филиппом и Стеллой входили в жизнь чем-то радостным и светлым. Появилась иллюзия раскрепощенности и свободы. Он понимал, что это всего лишь иллюзия, поскольку общество никогда не оставит его в покое.

В последнее время он все чаще задавал себе вопрос: кем он мог бы стать, если бы оставил ремесло бандита. В голову ничего путного не приходило. Профессии типа слесаря, токаря, сантехника, монтажника, которые дает зона, в этой стране сопряжены с вечным унижением. Необходимо смирение монаха, чтобы равнодушно воспринимать вечное понукание бригадира или прораба. Был еще один немаловажный фактор — заработная плата. Ее стабильность, выплаты и размеры могли довести любого человека до чего угодно. Лично он с этим не сталкивался, но у него было множество примеров.

И все же у вечного ээка была затаенная мечта, о которой не знала ни одна живая душа на этом свете. Он знал: будь он в другом обществе, эта мечта смогла бы превратиться в жизнь. Там, в интернате для умственно отсталых детей, куда он попал с легкой руки матери, после пяти уроков обучения игры на кларнете учитель музыки во всеулышание заявил: “С таким слухом, Коваленко, из тебя мог бы получиться великолепный музыкант!” Эти слова в уста учителя вложил сам Бог. Но канал общения с Богом засоряла сначала его мать, а затем тюрьма. Мечта осталась мечтой, а Бог, возможно, заставил себя ждать до лучших времен.

Сегодня после обеда он решил проведать Кузьму. Толпа у подъезда ему сразу не понравилась. Убогие старушки, опухшие пьяницы толпились на цементном пятаке у входа. Подобная публика всегда собирается вместе в определенных ситуациях. Василий поманил в сторону пьяницу с ясными глазами ангела.

— Держи на пиво, земляк, и выкладывай информацию. Что здесь произошло, почему толпа?

Алкаш искренне всхлипнул:

— Кузю кто-то траванул. Нашли в ванной мертвым.

— Кузьму? За что, кому он бедолага нужен!?

Где-то в груди разорвалась ледяная граната. Осколки впились в руки, ноги, тело стало чужим.

— За что? Ты можешь мне хоть что-то сказать? — вцепился Василий мертвой хваткой в рукав алкаша.

— Отпусти, бешеный, — взвыл тот и рванул с такой силой, что оставил в руке Василия клочок ветхой куртки.

— Постой! Не уходи! Держи, брат, двадцать баксов, этого тебе хватит на новую куртку плюс опохмелиться. Кузьма мой друг, расскажи кто это мог сделать.

Духовитый алкаш успокоился.

— Спрашиваешь, кто это сделал? Ясное дело, азеры¹ с первого этажа... Они оккупировали хату Верки, а Кузьма хотел ей помочь их выгнать. Они его спаивали, каждый день клофелин подмешивали. Кузя сам мне говорил, мол, “сам не понимаю, что со мной творится. Бухну с азерами — три дня плохо”.

“Верно, клофелин подмешивали — подумал Василий. — Эта пакость даже с первого раза может спровадить на тот свет.”

— Про клофелин откуда знаешь? — спросил Василий у алкаша.

— Так Кузя сам разобрался, вчера утром мне показывал коробку. Говорит, нашел у себя в мусоре.

— Ментам заявлял? — спросил Василий.

— Кузя не успел, а я еще не чокнулся, пожить хочу. У азеров три овощных палатки и этот пивной ларь, — указал на жестяную коробку. — Мы у азеров все на привязи, полдома им деньги должны.

— Ладно, мужик, глосни! Твое дело, можешь лизать жопу кому хошь, об одном прошу, притом сейчас: сбегай и четко узнай номер хаты этих самых, как ты говоришь, азеров.

Дождавшись возвращения алкаша, он подошел к пивному киоску. Несколько нацменов с брезгливыми лицами обслуживали копеечный народ.

Василий положил на мокрый прилавок смятую купюру.

— Как пиво? Если не кислятина, налей кружку.

Азербайджанец на разливе еще больше скривил и без того гадливо скорченную физиономию. Затем высвободил шипящую струю и, не дожидаясь пока осядет пена, грохнул кружкой так, что брызги нашли приют на куртке Василия.

Извинения не последовало. Все та же высокомерная физиономия с опущенными уголками губ. То же молчаливое презрение к окружающим.

От прилива адреналина даже во рту появляется свой особенный привкус. Каждая клеточка напрягается в ожидании торжества боя.

— Земляки, у меня тут есть перстень с бриллиантом. Домой не за что добраться, может выручите?

Вот она алчность во всей красе. Глаза у всех троих вспыхивают. Трупного цвета щеки заливаются ярким румянцем. Движения становятся замедленными и синхронными.

— Сначала нужно посмотреть, а может он у тебя фуфловый.

— Конечно, дорогой, — в тон ему говорит Василий. — Но не здесь же. Открывай дверь, пасмотришь.

Они запустили его в киоск, закрыли окно раздачи. В тесном ларьке три пары глаз вгрызаются в перстень.

Он действительно хорош и стоит больших денег. Вокруг изумруда пять цельных бриллиантов.

— Сколько хочешь? — облизывает сухие губы главный азер.

“Пистолет наделает много шума, — решает Василий, — оставим пушку на крайняк.”

Правая, вооруженная кастетом, рука нетерпеливо ноет в кармане куртки.

— Спрашиваешь сколько? Отвечу! Тысячу баксов за перстень и еще девять за жизнь Кузьмы Ивановича Калашникова.

На мгновение они превратились в куклы мадам Тюссо. Даже маслянистые зрачки поддались консервации — безжизненно застыли в желе белков.

Разводить бодягу Василий не любил. Чтобы не убить, он ударил главного азера не кастетом, а левой под дых. Второй, после удара в полсилы кастетом в челюсть, свалился на пивные бочки. Третьего, который сжимал в хилой лапке что-то наподобие ножа, Василий ударил с такой силой, что от удара тела жестяная буда треснула по шву.

Главный азер сжался в комок, как бы стараясь раствориться в кислой атмосфере киоска. Василий наклонился и беспощадно, как проделывали это с ним некогда сотрудники милиции, схватил того за волосы у виска.

— Видишь эту штуку? — нагоняя жути, приставил к его глазу ствол парабеллума. — Говори, за что вы траванули Кузьму?

— Он, он хотел закрыть нам торговлю, выжить из Москвы.

“Дурак Кузьма, — подумал Василий, — на этих прусаках Лужков обломается, не то что ты, старый забулдыга. Попугивал, чтобы налакаться копеечного пива, вот и получил.”

— Кузьма был моим другом, я за него вам кадыки вырву, — не мог успокоиться Василий.

— Отпусти, я тебе дам десять штук.

— Кем тебе приходится эти двое?

— Родные братья.

— Живете у Верки в четвертой квартире?

— Да.

— Если через семь минут не принесешь бабки или заложишь ментам — останешься без братьев. В похоронной толпе мои люди, так что решай.

Риск всегда будоражил и оздоравливал его организм. Он уже давно для себя решил: в случае возможной поимки живым не сдаваться.

Старший брат прибежал ровно через пять минут. Деньги Василий не пересчитывал. Под крики и стук по железу жаждущей пива толпы он вышел из киоска и быстрой походкой скрылся в лесу домов.

VII. Объяснение

Неизвестность все больше раздражала. Харасанов где-то отсутствовал, Наташа и Таня ушли по магазинам. Он не находил себе места.

Когда Харасанов наконец появился, Франца взорвало.

— Все меняется на глазах. Еще недавно вы считали нужным с нами советоваться. Теперь — Жарылгапов ваша путеводная звезда.

— Вы ошибаетесь, Франц. Мне очень даже необходимо с вами посоветоваться, — в тон ему сказал Константин. — Девушкам содержание нашего разговора знать не обязательно.

— Что произошло, Константин?

— Все делают ошибки на жизненном пути, я не исключение. Нам нельзя было доверяться Жарылгапову. Зная мои навыки, и так сказать опыт работы в полиграфии, Жарылгапов предлагает мне наладить производство фальшивых денег. Я совершенно убежден, что это занятие прямой путь в цугундер. Но разве быка останавливает боль, когда он выбирает между ней и желанием боднуть красную тряпку? Это что-то патологическое. Банда Жарылгапова где-то раздобыла новейшие японские ксероксы с цветными принтерами. В случае неудачи хотят подпряхь тебя сделать методом гравировки клише

долларовых банкнот. Так вот, Франц, пока что у нас выхода нет. За домом следят. Устроить пальбу можно, но Москва не казахский поселок, нас задавят через десять минут.

— Что вы предлагаете? — зло и нетерпеливо перебил его Франц.

— Я предлагаю протянуть время, а затем, уже в процессе событий, выход найдется.

Все эти дни с Францом что-то творилось. Он ощущал запах Родины, которая была рядом. Его раздирали несовместимые желания: уехать домой, остаться в Москве, послушаться Харасанова и убежать за границу.

Он устало опустился в кресло.

— Делайте что хотите. Я вижу, мне не избежать участи быть посаженным в тюрьму.

Что-то вспомнив, Франц посмотрел на Харасанова и продолжил:

— А знаете, у нас с Наташей есть к вам разговор... Дождаться ее или самому начать?

— Думаю, ситуация не подходит для посвящения в нее женщин.

— Вы меня не так поняли. Я имею в виду дело, касающееся сугубо нас двоих.

— Говорите.

— Понимаете, как бы вам сказать..., — замялся Франц.

— Понимаю, вы хотите меня попросить, чтобы я вам помог тихо-мирно уехать в Жмеринку. Так? — улыбнулся Харасанов.

— Так, так, — раздраженно бросил Франц. — И Наташа на меня давит, как говорят, со страшной силой.

Харасанов закурил, уселся напротив.

— Вы когда-нибудь задумывались, Франц, почему у вас в жизни многое не получается?

— Хороший вопрос, — ответил Франц, и заинтересованно посмотрел на Константина.

— Эту причину в свое время теоретик марксизма охарактеризовал как двурушничество. На мой взгляд, есть две фазы двурушничества. Первая — это измена самому себе, вторая — это измена человека человеку. Так вот, у вас давным-давно полный разброд мыслей, поступков, желаний. Значит, первую фазу вы уже прошли. Сегодня могу вас поздравить с вступлением во вторую фазу. Но, учитывая ваше тяжелое детство, польские корни и благородную профессию, я вас отпускаю.

Жизнь в Караганде кое-чему Франца научила. Он и раньше не был паинькой и чистоплюем, а в последнее время особенно остро реагировал на любую попытку его унижить. Он вскочил.

— Заткнитесь, Харасанов, не корчите из себя лорда Байрона.

Красный Харасанов странно на него уставился.

Всмотрись Франц внимательно в выражение его лица, глаз — он бы заметил, что Харасанов из последних сил сдерживает давящий его гомерический смех.

— О-о-о! Пан Володыевский сейчас схватится за сабельку... Вперед, шляхта! Еще польска не сгинела!

Шлюзы прорвало. Харасанов долго хохотал, содрогаясь гигантским телом.

Таким Франц видел Константина впервые. Невольно искренний заразительный смех Константина передался и ему. Они долго смеялись, похлопывая друг друга по плечу.

— А знаешь, Франц, — опять Харасанов перешел на “ты”, — мне будет здорово тебя недоставать. Я понимаю твое желание увидеть родительский дом, стариков, но вслед за этим на тебя обрушится нищета и гонения. Потерпи самую малость, поверь, через пару лет у тебя все изменится.

Франц очень не хотел расставаться. Он также полюбил этого сильного человека. Но подсознательно он чувствовал огромную опасность. Здоровая интуиция подсказывала: круг сужается. Стоит ему, пусть даже косвенно, связаться в фальшивомонетные дела, придется навсегда вычеркнуть из жизни свободу, а значит и любовь и все остальное.

В прихожей раздался голоса. Пришли девушки. Когда Франц передал Наташе разговор с Харасановым, она не поверила.

— Он тянет время, а потом по нашим головам будет ломиться за бугор... Вот увидишь.

Длительное общение с Татьяной давало плоды. Ее и без того слабая русская речь, стала изобиловать жаргонными словами.

— Пойми, Наташа, этот человек не из таких. Для него кодекс чести, благородство поступков — не пустые слова. Ты хоть понимаешь, что на свете еще есть подобные люди? Честные и благородные.

Она вульгарно заметила:

— У вас на Украине есть такое выражение: “Честный, як Панькови штаны.” У меня бабушка выросла на Украине.

— Такое выражение есть, но его применяют несколько в других ситуациях. К людям другой категории.

— Брось, Франц! Оружие, валюта, вся эта грязь, в которой мы оказались — о каком благородстве и честности ты говоришь?

Она нервно ходила по комнате. Франц видел, что ее терпению подходит конец.

— Мы ожидаем еще ровно десять дней, — сказал он. — Я тебе обещаю, если через десять дней Харасанов все не устроит, уедем в Жмеринку.

VIII. Встреча у мавзолея

Москва нравилась Василию все больше и больше. Теперь он уже не напоминал загнанного казахстанского волка, на которых устраивают охоту из вертолетов новоиспеченные казахские баи.

Денег хватало. Каждый день он покупал себе что-то новенькое из одежды. Изрядная доля генов матери-манекенщицы досталась и ему. Как ни странно, несмотря на систематические отсидки, талант подбирать супермодную одежду у него был.

В электричке Василий ловил на себе пугливо-восхищенные взгляды московских красавиц. Кто из этих молоденьких глупышек мог предположить, что этот стройный красивый блондин, одетый в короткую кожаную куртку, черные узкие джинсы и сверкающие матовым блеском “казаки” провел шесть лет в аду казахстанских тюрем и лагерей.

После смерти Кузьмы определенных планов на будущее у него не было. Ночи он проводил у Стеллы, днем шатался по Москве.

В мавзолее Василию хотелось попасть давно. Где-то в памяти жили воспоминания сверстников о великом вожде, которого они посещали с папами и мамами во время поездок в Москву.

В длинной колонне, двигающейся к вождю, его внезапно охватило паническое чувство. Ему вдруг показалось, что он, Василий Коваленко, опять бежит трусцой в колонне заключенных среди бескрайней жухлой степи. Глаза заволокло туманом, закружилась голова. Он почувствовал, что теряет сознание.

— Эй, парень, ты что донор или “колес” обожрался? — услышал он чей-то голос. — А может ты так разволновался перед встречей с вождем? Держись за меня, сейчас я тебя из брюха этой змеи вытащу.

Разговорчивый незнакомец ухватил его за ремень и потащил в переулок к ЦУМу.

Словно эпилептик после припадка Василий долго вертел головой, шурил глаза. Обратная сторона его пребывания в лагерях все же дала о себе знать.

Незнакомец усадил его на железные перила у входа в ЦУМ.

Когда Василий окончательно пришел в себя и зрение прояснилось, он увидел симпатичного шатена лет примерно двадцати трех.

— Оклемался? Ну, брат, ты меня здорово удивил! Сначала ты теряешь сознание, затем на казахском языке просишь охрану в тебя не стрелять, а на десерт вот это.

Он дернул замок молнии и у него за поясом Василий увидел свой парабеллум.

— Ты что, парень, пришел на Красную площадь во времена Минина и Пожарского? Ведь у охраны датчики. Даже с паршивеньким фотоаппаратом тебя в мавзолее не пропустят. Затолкни ты его даже в задницу — отыщут.

Василий окончательно пришел в себя. “Кто он? — вертелась тревожная мысль. — Знает казахский, завладел пистолетом, но вкладывать, кажись, не собирается.”

— Ладно, брат, спасибо тебе за все. Выручил, даже можно сказать, спас. Тем не менее, что ты за птица, в которой есть казахские перышки?

Парень рассмеялся.

— Одно-два, не больше. Вот если бы ты сказал что-то про вербу или про сало, ты бы попал в точку.

— Хохол, что ли?

— Угадал, хохол польского происхождения. Националистам мои слова конечно бы не понравились. Но, мне кажется, в крови каждого хохла есть примеси и польской, и немецкой, и турецкой, и Бог знает какой крови.

— Ты прав, братишка, от националистов я тоже не в восторге. А теперь отдай мою пушку и пора нам познакомиться.

Парень картинно его обнял, в мгновение пистолет оказался у Василия.

— Франц Бялковский.

— Василий Коваленко.

Они обменялись рукопожатиями.

— Так откуда тебе известен казахский язык? Думаю, что на Украине в школах его не изучают.

— Ты прав, на Украине в последние годы самым популярным был язык старшего брата. Теперь все меняется, но казахский пока не изучают.

— Давай ближе к делу, — Василий по-блатному щелкнул пальцами. — Мы опять влазим в национальный вопрос меньшин. Откуда знаешь казахский?

— Как тебе ответить поточнее? Сам я с Украины, но несколько лет приходилось отдыхать от назойливой опеки компетентных органов у вас в Казахстане.

— Посадили, что ли?

— До этого не дошло, а вот уехать вынудили.

Подчиняясь внутреннему порыву, Франц вкратце рассказал Василию свою историю. Различие их полюсов было столь мощным, а взгляды на жизнь столь идентичны, что уже через два часа они стали друзьями.

Воспоминания о Караганде играли здесь решающую роль. Франц, как и Василий, любил этот город странной, смешанной любовью — соединением страха, ненависти и восторга.

Огромный шахтерский город, казахстанский Гонконг, Караганда была достойна этой любви. На территории этого города возвышались тысячи шахтерских могил. Через этот город проходили нити торговли наркотиками, в частности, дорога с Чуйской долины в Европу. Сюда приезжали сотни тысяч целинников искать и находить свое счастье и несчастье. Здесь нашли конец миллионы мучеников, сосланных режимом Сталина в годы лихолетий. Во многом, благодаря этому региону — его углю и металлу, страна выиграла войну с коричневой чумой фашизма.

Расставаться не хотелось. “Будь что будет, — решил Франц. — Познакомлю его с Харасановым. Этот парень наверняка ему понравится, тем более он из Караганды.”

— А нас тут из Караганды несколько человек. Ничего не имеешь против, если я тебя познакомлю?

Василий несколько настороженно на него посмотрел и сказал:

— В принципе, можно. Но ты уверен, что среди этих людей никто не работает на ментовку?

— Боже упаси, — сказал Франц и засмеялся. — Эти люди боятся ментов не менее тебя.

Когда Василий вкратце изложил свою биографию Харасанову, тот с оттенком недоверия заметил:

— А по вашей речи и по виду не скажешь, что вы отбухали шесть лет.

— Дело ваше верить или не верить, но, смею заметить, в зонах тоже имеются библиотеки, где при большом желании можно повысить интеллектуальный уровень.

Они выпили кофе с коньяком и через некоторое время стена отчужденности отступила.

Девушкам Василий явно понравился. Они без причины заходили в комнату, якобы за той или иной мелочью. Франца это сместило и раздражало.

— Девчонки, не мельтешите, присядьте и посидите с гостем. Тем более мы, видимо, ближайшее время будем в одной упряжке.

— Пойдем, погуляем, — предложил Василий Францу. — Если не возражаешь, только вдвоем.

Опустился вечер.

На Калининском проспекте сверкали огнями роскошные витрины магазинов. Мордастые качки с сотовыми телефонами деловито суетились возле иномарок.

Подавленные и раздраженные этим великолепием, они молча шли по направлению к Смоленскому метро.

Двое верзил у входа в магазин “Юпитер” показали Францу знакомыми. Франц с Василием подошли ближе.

Картина прояснилась еще больше. Касым Жарылгапов со своим телохранителем кого-то поджидали. Черный длинный реглан из английской шерсти мягко спадал на шикарные кожаные туфли. Чуть раскосые глаза степняка живо выхватили Франца из толпы.

— Кого я вижу? — Жарылгапов театрально всплеснул руками. — Наш художник осваивает Москву. Давно пора... Чего хорошего сидеть на десятом этаже в клетке, даже с такой красивой девушкой как Наташа.

Франц промолчал. В этом человеке его раздражало все. Он понимал, что лучшим оружием в их общении может быть только его сдержанность. Художник и насильник в этом мире всегда будут антагонистами. Эта борьба будет продолжаться вечно.

— Я вижу, художник, ты не один, — он с любопытством посмотрел на Василия. — Откуда, земляк, появился? Давай познакомимся.

Они познакомились. Взглядом художника Франц заметил как разительно изменился Василий. Под кожей лица забегали желваки, зрачки сузились, а речь стала обрывистой и сухой.

Когда Жарылгапов узнал, что Василий коренной карагандинец, его радость стала напоминать радость старого казаха при покупке пачки индийского чая.

— Ой бай... Я чистокровного земляка в Москве нашел! Пошли, мужики, на Старый Арбат, бухнем по этому поводу.

В “Риони” они без всякой последовательности ели шашлык, чахохбили, сациви, лобио и другие блюда. Белое вино и хорошие блюда разморили. Захотелось спать. Категоричные слова Жарылгапова, сказанные громко и в лоб, заставили вздрогнуть.

— Хорошо, что мы встретились. В общем, беру вас в долю. Я не Харасанов, институтов не заканчивал. Буду говорить без выкрутасов. Хочу наладить производство баксов. Если с ксероксами не получится, ты, Франц, изобразишь клише сто- и пятидесятидолларовых купюр. Ты ведь графику хорошо знаешь, у тебя все должно получиться.

От неожиданности у Франца пересохло во рту. Давящий ком перехватил горло.

— Вы... вы, что, за меня все решили? Да кто вы такой, чтобы распоряжаться людьми?

Он хотел вскочить, но Жарылгапов мертвой хваткой вцепился ему в запястье.

— Замолчи, дурачок... Ваши швейцарские паспорта уже готовы. Наладите мне производство и валите на все четыре стороны. А тебя, Васек, — обратился он к Василию, — я беру в свои боевики. Мы с твоим отцом были друзьями. Через год станешь долларовым миллионером.

Василий улыбнулся.

— Честно говоря, Касым, ты меня удивляешь. Так быстро даже палач не работает. И откуда ты вообще знаешь, может я уже сейчас долларовый миллионер?

Бультерьер-охранник весело заржал. Маленькие красные глазки стали еще меньше.

— Касым, дай ему пять баксов и он тебе руку поцелует, — прошипел он, зло уставившись на Василия. — Чего понтуешься, шнурок? Да за такое предложение любой московский крутой жопу подставит.

Глядя на Жарылгапова, Василий со всей силы ударил локтем правой руки охранника между красных глазок. Квадратная голова с ежиком волос откинулась назад, а затем вся туша грохнулась на паркет.

— Запомни, Касым, я уже забыл, когда меня оскорбляли. По-моему, тебе пора попробовать баланду, если позволяешь так разговаривать с людьми.

Пораженный Жарылгапов не отрывал глаз от распростертой туши. Охранник не шевелился. Наконец Жарылгапов встряхнул оцепенение, и процедил:

— Сейчас здесь будут менты. Скажи спасибо, Василий, что твой отец был моим другом. Что касается этого, — он указал на охранника, — у меня на улице есть парочка получше.

Франц не знал, что происходило в душе Василия, но после упоминания Жарылгаповым о его отце, лицо парня покрылось багровыми пятнами. Не обращая внимания на предостережение, он наклонился к лицу Жарылгапова и процедил:

— Я своего отца-козла вообще не помню. За все двадцать три года жизни не получил от него даже шоколадки. Тем не менее, только в память о своем папаше, я тебя не угощаю пулей.

Он резко выхватил парабеллум и воткнул ствол Жарылгапову в ноздрю.

— Бывай, Касым. Если после всего тебе понадобятся мои услуги, уплатишь бабки и свяжешься со мной через Франца.

Жарылгапов не солгал. Еще два его телохранителя топтались возле телефонной будки. Франц их сразу узнал. Неизвестно где подобранные гиганты пристально смотрели в их сторону.

— Художник, кажется? Куда спешишь, где шеф?

Франц растерялся. На помощь пришел Василий.

— Летите дальше, орелики, мы вашего шефа не пасем.

Они преградили путь и полезли за пушками.

У его нового друга реакция была мгновенной.

— Ложись, студент! — крикнул он Францу и молниеносно упал на тротуар.

Сразу же хлестанули звуки выстрелов и слились с криками подстреленного верзилы.

Франц увидел, как второй “шкаф”, отстреливаясь, вломился в дверь подъезда.

Потрясенный Франц беспомощно прижимался к стене. Где-то возле Смоленского универмага запела милицейская трель.

— Быстрее гони сюда, здесь проходняк, — услышал он голос Василия. — Тикаем, студент, если удастся. Кажется, сегодня мы наломали кучу дров.

Они выбежали на Сивцев вражек и долго петляли в переулках старой Москвы. Погони не было. Франца лихорадило. Возбуждение было столь большим, что Франц стал заикаться.

— Ч-ч-ч-т-о т-теперь б-б-будет? Они знают адрес, там Харасанов и девушки.

Франц даже не мог предположить, что станет участником типичной гангстерской перестрелки. Словно угадывая его состояние, Василий сказал:

— Извини, Франц, но у нас просто не было другого выхода. Они бы нас кончили или покалечили. Касым боксер, а у них у всех “крыша” едет. Но ты не переживай, тому быку я стрелял по ногам. Будет жить.

Харасанов не отвечал. Франц набирал номер еще и еще.

— Перестань звонить, думаю, на твоей хате уже были гости.

Происшедшее в тот вечер казалось невероятным.

— Дай мне пистолет, Василий, прошу. Я не имею права подставлять ее во второй раз.

— Не будь дураком, пацан. Если хочешь проверить, пошли вместе.

К дому они решили не подъезжать. Василий отпустил такси. Из тени деревьев они наблюдали за подъездом.

— То, что нет машины — ничего не значит, — сказал Василий. — Они могли как и мы приехать на такси и оставить свою машину хоть где. Ожидаем еще пять минут, а затем попробуем с черного хода.

Франц сердито перебил:

— Какой черный ход? Это не элитарный дом. Запасной дверью, наверное, пользовались последний раз во времена Хрущева.

— Не ной, художник. У меня на этот случай кое-что имеется.

Василий растегнул куртку, поднял свитер и Франц увидел в ячейках специального пояса набор инструментов джентльмена удачи.

Они обошли дом и уперлись в ржавую дверь.

— Учись, художник, отмычка здесь уже бесполезна, а вот этот универсальный “фома” будет в самый раз.

Василий вставил в невидимую щель узкий клин блестящего металла и сильно надавил. Раздался щелчок, дверь открылась.

Когда они поднялись на площадку десятого этажа, Франц увидел дикую картину. Изрешеченная дверь, выбитый косяк говорили о том, что несколько минут тому назад здесь проходил бой.

В прихожей они наткнулись на тело. Огромный детина сидел под вешалкой, решая одну из никому не известных проблем потустороннего мира.

— Узнаешь его? — кивнул Василий, — от судьбы не убежишь. На Арбате ему удалось уйти, но твой Харасан оказался серьезным парнем. Всадил ему пулю точно промеж глаз. Кажется, твой Харасан все же ушел, — сказал Василий. — Почему ты молчал, у вас пожарная лестница почти касается балкона.

Перевернутые ящики, разбросанные пустые бутылки — неотъемлемые атрибуты российских балконов — говорили, что здесь совсем недавно пронесся смерч.

— Могу поспорить, Константин ушел, а девочек они забрали, — как бы рассуждая с самим собою сказал Василий.

Где-то далеко раздался вой милицейской сирены. Василий встрепенулся.

— Однако, братишка, мы забыли про соседей. Тут происходил бой, а мы с тобой ходим как эксперты. Через минуту здесь будет полно “красногрудых снегирей”. Уносим ноги.

Они опять возвратились в центр. Обилие людей, шум транспорта успокаивали нервы.

Отупелый от пережитого Франц не знал что делать. Как связаться с Харасановым? Словно угадывая его состояние, Василий сказал:

— А теперь, мой друг, мы должны сделать три вещи. Снять хороший гостиничный номер, выпить по стакану бренди и в люлю. Остановимся здесь на Плющихе в гостинице “Белград”. В дешевых “меблирашках” сегодня будут шастать менты. Туда, где останавливается фирмга, они не полезут. Одеты мы неплохо, на черных не похожи.

— Но у меня нет паспорта, какая может быть гостиница? — сказал Франц.

— Этот вопрос решается очень просто, — ответил Василий. — Крутись возле гостиницы, спустя десять-пятнадцать минут через окно я выброшу тебе ключ. С ключом на пальце смело проходи мимо халдея. Если что — скажешь визитки забыл взять. Поднимайся в номер, я все подготовлю.

Этот человек имел удивительную способность находить единственно правильный выход в самых сложных ситуациях. Франц успокоился. Через двадцать минут они сидели в шикарном номере, обставленном арабской мебелью. Еще через пять минут официант вкатил столик с выпивкой и закусками.

Алкоголь временно разутюжил сжатые в комок нервы. Францпил ипил, отгоняя мрачные мысли. Он так и уснул с фужером в руке в мягком кресле перед экраном телевизора.

Пробуждение было тяжелым и мучительным. Память мгновенно возвратила его в последние события, а выпитая непомерная доза алкоголя вызвала тошноту. Обессиленный и больной под давлением этих двух факторов, он не знал что делать дальше.

— Плохая у тебя закалка, художник, — раздался бодрый голос из ванной. — Брось хандрить, прими душ. У нас будет напряженный день.

Голый Василий вышел из ванной и подошел к Францу. Как ни было художнику плохо, чисто профессионально он не мог не залюбоваться этим телом — сильным и гармоничным, словно сработанным античным скульптором.

— Послушай, Василий, ты столько отсидел, как это тебе удалось?

— Что удалось? — непонимающе уставился тот.

— Сохранить себя в такой великолепной форме.

— Ну, ты, брат, даешь! — рассмеялся Василий. — Именно в зоне, если ты конечно независим, времени хватит и на самообразование и на занятия спортом. Правда, большинство, прежде чем добиться этой самой независимости, отправляются в царство теней.

— Как это понять?

— Чтоб избежать матерщины и жаргона, попробую объяснить популярно. К примеру, перед тобой спринтерская дистанция с препятствиями. Если ты её сумеешь преодолеть, не свалишься в лужу, не сломаешь ногу, пробежишь хорошо — у тебя будет передышка до следующего соревнования. Если все перенести на лагерную жизнь, передышка будет длиться до следующего срока и следующей зоны. На воле передышка длится недели, в зоне — годы.

— Я вижу ты не всегда брал хорошо барьеры, — сказал Франц, указывая на многочисленные шрамы на теле Василия.

— Всякое бывало, — улыбнулся Василий. — Но, заметь, во время я укладывался всегда.

После странного диалога Франц почувствовал прилив сил. Рассеянный под давлением тяжких дум бойцовский дух опять сконцентрировался в груди, призвал к активным действиям.

Час спустя они вышли на Калининский проспект.

— Поскольку все гениальное простое, — сказал Василий, — мы должны выловить хотя бы одного “бультерьера” Жарылгапова. Они контролируют Калининский, это сделать будет несложно. Затащим в подвал, хорошенько намнем уши и он нам выложит, где у Жарылгапова база. Не ссы, пацан, я такие вещи проделывал десятки раз.

Возле уже знакомого магазина “Юпитер” толпились продавцы оптики и другой фотографической дребедени. Свообразный импровизированный базарчик, которыми сплошь покрыты все страны СНГ.

— А вот и рэкет, — указал Василий на толстозадых белобрых парней в ярких спортивных костюмах. — Обрати, Франек, внимание на рожи... Свинные глазки, толстые носы и похотливо вывернутые губы. Небось, через каждые два часа бегают жрать пирожные. Еще, наверняка, любят проституток. Заставляют в кабаках под столом делать минет. Когда попадают в зону и не имеют поддержки, за кусок хлеба начинают работать на “кума”¹. Запросто сдают своих и заканчивают в бригадах педерастов.

— Берем вон того, что покрепче. У него рожа наглючая, мне с ним будет интересно.

Франц посмотрел на Василия и увидел в его глазах лихорадочный блеск. “Да, много потеряли спецслужбы страны, когда прозевали этого человека. Интеллект, физическая подготовка и удивительное, можно сказать красивое, желание рисковать. Разве не эти качества являются главнейшими для работников тайного фронта. Впрочем, еще не поздно. Он молод. Если человек представляет ценность — зона не может быть помехой.”

Из тумана размышлений Франца вывел толчок в плечо.

— Франек, ты что, уснул? Он пошел в платный туалет. Давай в темпе. Ждем его на выходе.

Толстозадый был в туалете уже добрых пятнадцать минут.

— Что он там делает? — цедил сквозь зубы Василий. — Бутерброды падло жрет или онанизмом занимается?

— Может, понос?

— Не дай Бог, тогда он при разговоре с нами точно всю малину обосрет.

На двадцать пятой минуте толстозадый выполз из туалета.

Не обращая внимания на окружающих, Василий пошел прямо на него. Подойдя вплотную, он выхватил парабеллум и резко ткнул ствол толстозадому в рыхлый живот.

— СБ¹, пойдешь с нами, парень. Берите его, лейтенант!

От неожиданности Франц растерялся. Кое-кто из зевак уже стал буксовать. Толстозадый заложил руки за спину.

— Наручники, лейтенант, можете не одевать, до машины тридцать метров. Если дернется, стреляйте!

Через проходной подъезд они быстро ушли с Калининского в район Старого Арбата. Василий спрятал пистолет и вел толстозадого крепко сжимая руками запястье и кисть правой руки.

— Вы чё, ребята, делаете? Вы не знаете с кем имеете дело!

— Знаем, знаем. Веди себя тихо, если хочешь сохранить позвоночник целым, — шепнул ему Василий. — Мы почти на месте.

Они спустились в черный провал подвала старого московского дома. На ступеньках толстозадый неожиданно вырвал руку, пригнулся и сделал попытку ударить Василия головой в живот. Колоссальной силы удар пришелся не в живот, а в колено Василия. Голова издала треск спелого арбуза и толстозадый полетел по ступенькам вниз.

— Не понимаю, из каких соображений они исходят, когда берут качков на работу. Другое дело в порту мешки таскать или под фундамент ямы рыть. Вставай, орел, нам предстоит серьезная беседа.

Единственным ценным качеством толстозадного было умение молчать. Короткие удары Василия садили его на роскошную задницу, он поднимался и упорно продолжал твердить:

— Я сам по себе, не знаю никакого Жарылгапова.

Василий начинал нервничать.

— Ладно, парень, к зуботычинам ты, я как вижу, привык. Но, дорогой, видишь ли, у нас нет выхода. Ровно через минуту ты мне все скажешь, а не скажешь...

Василий вытащил из нагрудного кармана опасную бритву.

— Сейчас я тебя буду резать по китайской методике. Сначала вырежу глаза, потом кастрирую, а затем спущу шкуру.

Франц испугался. В свете фонарика глаза Василия отвечивали странным красным огнем.

Василий резко ударил толстозадного коленом под дых. Тот упал на колени, затем Василий схватил его за волосы. Франц не успел сообразить, как сверкнула полоска стали и толстозадый закричал.

— Смотри сюда, это твое ухо, пидар, — ткнул Василий окровавленный комок в лицо толстозадного.

Франц закричал.

— Отпустите его! Как вы можете, немедленно отпустите!

— А ты, художник, слабак, — выдавил Василий. — Где-то на окраине Москвы бойцы Жарылгапова, вроде этого, методически насилуют ваших девушек, а ты распускаешь сопли.

— Я не могу это видеть, неужели ты не понимаешь?

— Сможешь! Сейчас, если он мне не скажет где хата Жарылгапова, я вырежу ему глаз.

Толстозадый начал учащенно дышать, а затем зарыдал.

— Я скажу, не надо! Я скажу!

— Говори!

— В Мытищах. Адрес: Пушкинская, 40, квартира 1. С квартиры есть ход в изолированный подвал.

— Вот и хорошо, вот и молодец. Сейчас мы пойдем с тобою в аптеку, смажем йодом твое ушко, забинтуем и поедем в Мытищи. Я ведь тебе оттаял самую малость... Верхушку айсберга. Пустячный хрящик. В мочку сможешь вдеть хоть две сережки. Ты ведь у нас бретёр. По дороге веди себя, Леха, хорошо... так тебя зовут?.. Или не Леха?.. Мне почему-то кажется Леха. Говоришь, Игорь? Ладно, Игорь, по дороге веди себя тихо, иначе подстрелю. Станешь инвалидом.

Через час, садясь в такси, они уже напоминали персонажей Ремарка — неразлучную тройку друзей.

Качёк Игорь полностью уяснил преимущество ловкости и железной воли перед горой слепых мышц и бычьего упрямства. Тугая повязка гармонично вписывалась в толстощековую рыжую физиономию, вызывала умиление и желание сказать: “Пренеприятнейшая вещь эта зубная боль.”

Дом, возле которого они остановились, был явно построен в прошлом веке. Бурый кирпич, круглые башни — все дышало солидностью ушедшей эпохи. На Франца опять накотил нервный озноб — предвестник бурных событий. Василий вел себя спокойно, даже игриво.

— Как ты думаешь, Игорек, они тебя узнают? Может, снять повязку? С купированными ушками ты сразу произведешь фурор.

Толстозадый угрюмо молчал. Непроходимый мозг все же выдавал информацию, что в неизбежной перестрелке первая пуля достанется ему.

— Брось дрожать, Игорек, — не унимался Василий, — посмотри на жизнь философски. Не всегда тебе терроризировать бедное население. Как говорят господа следователи: “Сколько веревочке не виться, конец будет”.

Василий понимал, что в этой ситуации подобные слова лишние. Но годы, проведенные в тюрьмах и лагерях, давали о себе знать. Там сломленному противнику никто не подаст руку. Его просто добивают.

— Ну, давай, землячок, звони в дверь. Говори свое имя или пароль. Как там у вас заведено? — подтолкнул он к двери толстозадного.

— Ребята, открывайте, это Масик, есть срочная информация для Касыма. Глазок заискрился лучиками света. Раздался щелчок. Бронированная дверь медленно приоткрылась. В проеме показалась огромная “туша”.

— Какого хрена ты среди белого дня?! Шеф в прошлый раз ясно сказал приваливать после 20 часов.

Василий выстрелил два раза и верзила в тельняшке, почему-то удовлетворенно хрюкнув, завалился на пол.

— Вперед, Франек, — крикнул Василий. — Другого шанса вытащить девчат у нас не будет. У жирного за поясом пистолет. Бери и кого увидишь — стреляй!

Он схватил толстозадного за воротник и, прикрываясь им словно щитом, пошел в глубь квартиры.

В конце огромного коридора открылось одновременно две двери. У одного из бойцов Жарылгапова в руках был АКМ, второй стрелял из нагана. Пули изрешетили стены и дверь, прошли над головой Франца. Василия спас толстозадый. Спас, чтобы самому умереть.

В тот момент, когда они начали стрелять, Франц вытащил из-за пояса мертвого верзила тяжелый ТТ. Стрелять Францу опять не пришлось. Легкий и подвижный Василий лежал на животе и словно на стрельбище методически бил по цели.

Через минуту все было кончено. В квартире воцарилась мертвая тишина.

— Эй, Франек, ты живой? — раздался голос Василия, — чего молчишь? Если живой — не тяни... пошли искать вход в подвал.

Они обошли шесть комнат и только в кладовой нашли то, что искали.

Подвал являл собой яркий образец средневекового застенка в соединении с компьютерно-электронным центром XX века. Вдоль стен обширного помещения стояли новенькие ксероксы, светились экраны компьютеров. А в камерных нишах они увидели груды самых настоящих орудий для пыток.

— Что-то я не пойму где они держат твоих девушек, — сказал Василий. — Неужели у Касыма есть еще хата?

Франц нервничал. Мысль о том, что они не найдут Наташу и Таню доводила его до безумия.

— Эй, художник, иди сюда! Здесь кое-что интересное.

Подсвечивая фонариком, они увидели серую, в тон облицовочного камня, дверь.

— Мой фюрер, последняя возможность спастись, — пошутил Василий. — Толкай, Франек, тебе карты в руки.

Наполненный миазмами воздух ударил в ноздри, вызвал тошноту. То, что они увидели в каменном мешке, потрясло даже видавшего виды Василия...

... Они лежали голые прямо на цементном полу, связанные одной цепью, словно провинившиеся наложницы султана. Тела покрывали ссадины, багровые подтеки, следы систематических истязаний. В углу камеры валялись пустые ампулы из-под морфина и амнапона, использованные шприцы.

— Ну и как, художник, — выдавил Василий, — сможешь теперь нарисовать картину под названием “Ничего не знаю, моя хата с краю”? Вот оно истинное лицо Жарылгапова — внучка работаргольца, торговца наркотиками, подонка и садиста.

В душе Франца что-то оборвалось. Он сжимал рукоятку ТТ и впервые почувствовал, что в состоянии убить.

До прихода “скорой” они стояли в подъезде соседнего дома. Франц пытался протестовать, но жесткий, категоричный тон Василия его отрезвил.

— Не дури, Франц, ведь ты вызвал и милицию. Вслед за “скорой” приедут менты. Сначала нам скажут спасибо за оказанную услугу, а через несколько часов мы будем сидеть в “Матросской тишине”. С воли мы еще сумеем девушкам помочь, а закروют — пиши пропало. Лучше держи подъезд под прицелом. Не исключено, что Касым нарисуете раньше эскулапов или ментов.

Две машины приехали почти одновременно. У подъезда, как из-под земли, появилась толпа зевак.

— Ну все, Франек, бросай автомат в сумку. На этом наша миссия закончилась, — он невесело хохотнул и добавил: — Благодаря твоим заморочкам, я оставил в этой хате четыре трупа.

В электричке Францу стало плохо. Луки крови возле убитых боевиков, истерзанные девушки — весь этот кошмар из головы переключал в желудок и вызвал сильнейшую рвоту. Белый, как стенка, он стоял между вагонами и просил у Бога только одного: не потерять сознание.

К нему подошел Василий, силком затащил в тамбур.

— Ты слишком впечатлителен, Франц. Возьми себя в руки. Девушкам уже ничего не грозит, найдем твоего Харасанова, сделаем документы и махнем отдыхать, к примеру, на Канары.

“Господи, и он туда же. Какие Канары, какая Швейцария?! Реки крови, садизм, нечистые деньги. Зачем все это? Практически каждый третий поезд с Киевского вокзала довезет меня домой. Как завершить эту безумную авантюру? Если удастся спасти Наташу — только домой!”

Несмотря на слабость, мысли формировались все четче и четче. Одновременно в груди росла уверенность, что он так и поступит — заберет с больницы любимую девушку и уедет домой.

Он не мог понять откуда в душе появился этот дух, если в теле гнездится слабость. Он не знал, что по Божьему закону в слабости человека его сила.

Из гостиницы “Белград” они перекочевали в “Метрополь”. Запретный плод после перестройки стал доступен всем — были-бы только баксы.

— Думаю, Жарылгапов будет шерстить все гостиницы, — сказал Василий. — Но вряд ли он додует, что у ээка, вроде меня, могут быть в порядке документы. Впрочем, было бы неплохо, чтоб он нас нашел. С удовольствием всажу ему очередь из автомата в брюхо.

После выпитого виски нервы у Франца успокоились. Он опять задал себе вопрос: “Смог бы он или нет вот с этого грозного отечественного пистолета ТТ выстрелить в сердце Жарылгапову?” Ответ растворился в противоречивых мыслях, которыми до отказа была забита его голова.

— Как ты думаешь, Василий, где сейчас может быть Харасанов?

— Тебе лучше знать. Если он козел и вешал тебе лапшу, — значит в поезде, добирается к себе на родину в Баку. Оттуда в наше время его никто не достанет. Кстати, оттуда ему намного проще будет свалить в дальнее зарубежье. Если, как ты говоришь, он благородный — рыщет по Москве в поисках тебя. Сегодня пораньше завалимся спать, а завтра, интуитивно чувствую, встретим или Харасанова или дядю Касыма.

IX. Полковник Галкин расстроен

Начальник шестого отдела по борьбе с организованной преступностью полковник Галкин откровенно обидел своих подчиненных.

— Кем бы они ни были, а вам, засранцам, стоит у них поучиться. Ухлопали Михайлова, Ложкина и Матроса. Самые крутые боевиков Жарылгапова. Все трое в розыске уже четыре года. Выследили хату, где те печатали фальшивые деньги и, заметьте, вызвали милицию. Это уже о чем-то говорит. Другие бы просто пришли девок и ушли, а эти нет.

Молоденький угреватый лейтенант бросил как-бы невзначай:

— Просто, Иван Никитич, у них другого выхода не было. Решили девок прикрыть, да и “лямур” сработал.

Полковник вспылал.

— Не с твоей рожей о “лямурах” рассуждать! Ребята благородные, по всему видно. На помощь угреватому лейтенанту пришел сухопарый капитан.

— У них куча пистолетов плюс АКМ. Скоро мы с этим благородством столкнемся.

Полковник утихомирился, прокашлялся и изменил тон.

— Нервы сдают, ребята. Лужков задолбал этим Жарылгаповым: “Посади или выдвори из Москвы.” А что я могу сделать?.. Почти вся банда состоит из бывших мастеров и чемпионов по боксу. Куча покровителей на всех уровнях.

В отделе на полковника не обижались. Он имел плохой язык, но был незлобив и отходчив.

— Короче так, ребята, девки скоро оклемаются, берите их за жопу так, чтоб вся информация послезавтра с утра лежала у меня на столе. На игле они сидели три дня. Может, еще вырвутся, как говорят хохлы, “з наркотычной залэжности”.

Присутствующие заржали. Полковник до перевода в Москву работал начальником милиции в Житомире. Вставлять украинские слова и прибаутки было его коронкой.

— Но, самое главное, ребята, это выловить и закрыть Жарылгапова. На квартире удалось захватить всю его бухгалтерию. Вот уж не дурак выдумал пословицу “здоровый аж до нэба, а дурный як нэ трэба!”. Этот толстомордый бай на одних документах подписывался подлинным именем, на других — новым фальшивым. Пьяным был, что ли, хрен его знает. В общем, он давным-давно в розыске — хранение и сбыт наркотиков в огромных количествах.

Угреватый лейтенант аккуратно, как на уроке в школе, поднял руку.

— Говори, Максимов, только, будь ласка, что-то умное.

— Иван Никитич, я Лигой бокса одно время занимался. У Жарылгапова в Москве есть две любовницы. Одна живет в Сокольниках — есть адрес, вторая — на Октябрьском поле.

— Молодец, Максимов! Бери двух ребят и чеши в Сокольники. А ты, Цимбалюк, — обратился он к сухопарому капитану, — поезжай на Октябрьское поле. Возьми кого считаешь нужным, один не езжай.

Сгустились сумерки. Старенький “Жигуль” остановился у подъезда пятиэтажной хрущевки.

Маленький лейтенант и двое его помощников впрхнули в подъезд. На площадке второго этажа лейтенант Максимов приказал спутникам остановиться. Замысловатой дробью постучал в квартиру № 5. За дверью послышался шорох.

— Я от Михайлова. Привез Жарылгапову записку.

Автоматная очередь прошла дверь. Лейтенант Максимов, словно цирковой мим, широко расставив руки какое-то мгновение удивленно постоял, а затем рухнул на цементный пол. Когда два милиционера наконец выломали дверь, струя воздуха, смешанного с оружейным дымом, ударила им в лицо. Распахнутое окно в комнате зияло чернотой ночи. На диване с ножом в груди лежала красивая женщина — хозяйка квартиры № 5.

На Октябрьском поле Жарылгапова быть не могло. Жильцы давно разменяли квартиру. Теперь в квартире проживала молодая семья из шести человек.

Когда полковнику Галкину доложили о случившемся в Сокольниках, он в растерянности сел в кресло, долго молчал, а затем, как-бы рассуждая с самим собой, сказал:

— Зачем я его послал?.. какой с него оперативник?.. вин був щэ дытына.

Х. “Напоролся на гвоздь”

Старый друг Харасанова Джавахишвили Артур Георгиевич, в прошлом прокурор Грузии, а ныне заслуженный пенсионер Санкт-Петербурга, пребывал в немалом смтении. Вот уже двое суток у него в квартире лежит человек с огнестрельным ранением. Рана сквозная, тем не менее, пошло загноение. Большой температурил.

Боевики Жарылгапова застали Харасанова врасплох. Пять верзил ворвались в квартиру и сразу же захватили девушек. Он успел схватить сумку с деньгами и оружием, но выстрелить удалось только один раз. Магазин был пуст. Константин выскочил на балкон, схватил консервную банку и крикнул: “Ложись!!!” На какое-то время это сработало. Боевики залегли. В следующую минуту он скользнул по пожарной лестнице вниз.

Пули достали его уже на земле. Одна пуля пробила левую руку, вторая вырвала клочок кожи на шее.

На стоянке такси он, шокировав своим видом очередь, вскочил в машину и, не дав таксисту открыть рта, сказал:

— Плачу пятьсот баксов, вези в Питер.

По дороге он перевязал рану, и до самого Питера прикладывался к бутылке с ямайским ромом.

Артур встретил Харасанова по-кавказски гостеприимно, но когда узнал о ранении, разволновался.

— Костя, ты хоть понимаешь кем я был до пенсии?! — нервничал он. — Я работал генеральным прокурором Грузии. Если твое ранение и пребывание у меня на квартире вылезут — мне каюк!!!

Харасанов рассмеялся.

— И где ты, Артур, таких словечек нахватался? Вроде бы на флоте не служил, не бродяжничал. Да не бойся так, генцовале. Если что, меня подстрелили хулиганы. Забыл, что ли, в какое время живешь? Страны Советских Социалистических республик уже нет. Ты — пенсионер, больной человек. Чего тебе бояться?

Артур позвонил своей невестке, в прошлом медицинской сестре:

— Галка, приезжай. Тут у меня друг в подвале на гвоздь напоролся. Возьми инструмент, почистишь рану.

Харасанов, услышав телефонный разговор, долго смеялся:

— Гениально... напоролся на гвоздь. Как в первом классе. Ты меня возвращаешь в детство, дорогой. Принеси мне мою сумку, — попросил Артура. — Иди сюда, посмотри. Вот у меня автомат “УЗИ”, а это обойма с “гвоздями”. Если меня выследят, что маловероятно, буду стараться, чтобы они напоролись на эти гвоздочки.

Пачки долларов, оружие разных систем произвели на бывшего прокурора ошеломляющее впечатление.

- Что это, Костя!? Ты влез в мафию... Господи, ведь ты офицер милиции!
- Был офицером, а теперь беглец из Карагандинской тюрьмы, убийца и еще Бог знает кто.
- Но ведь ты не можешь здесь находиться! Понимаешь?

Константин взорвался.

— Понимаю, что ты выкормишь советской системы — гавно и трус! Помню хорошо твои процессы, когда ты вытаскивал партийную элиту и пускал “под откос” беззащитных рядовых людишек. Я думал ты мне поможешь, посоветуешь как старый товарищ. Но все твои слова сводятся к одному: “Ты не можешь здесь оставаться.” Короче так, Артур, я пробуду у тебя несколько дней. Если настучишь, мои ребята с тобой разберутся. Кажется, ты очень любишь своих внуков... надеюсь, понял, разжевывать не придется?!

Артур Джавахишвили обмяк. Старый лис давно был не у дел. Что такое московская и питерская мафии он знал хорошо.

— Кстати, Артур, если все хорошо закончится, я тебе подброшу тысячу баксов. Хватит на полгода, чтобы кормить внуков “сникерсами”.

Приехала невестка Артура. Женщина мгновенно оценила обстановку. Ничего не расспрашивая прочистила и перевязала рану.

В эту ночь он уже смог выспаться. А на следующий день, утром, затребовал у хозяина телефон.

“По отцу у Василия фамилия Коваленко. Но он, кажется, упоминал, что его паспорт выписан на девичью фамилию матери — Шлингер. Точно, Шлингер! Жарылгапов этой фамилии не знает. А что, если они остановились в одной из московских гостиниц?”

Харасанов лихорадочно набрал платную справку и через минуту стал методически обзванивать московские гостиницы.

Буквально через десять минут ему повезло. Администратор гостиницы “Метрополь” сообщила, что Шлингер Василий Витальевич занимает двухместный номер на пятом этаже.

Харасанов не мог поверить в удачу. Казалось невероятным отыскать так быстро человека в таком городе как Москва. Он тут же набрал номер и замер в ожидании.

— Алло, кто спрашивает Шлингера Василия? — прозвучал знакомый голос.

— Привет, земляк, не узнаешь? Это я, Харасанов.

— Не может быть! Вот это да, это уже настоящий подарок для моего друга.

Через секунду трубку взял Франц.

— Костя, привет. Ты как всегда в своем амплуа. Работаете, словно Джеймс Бонд. Как ты нас разыскал?

— Брось, Франек, ничего сложного. Школьный учитель после короткого общения со своим учеником может составить программу его будущей жизни.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего особенного. Только то, что у вас с Василием есть общая черта — любовь к комфорту.

— А разве это плохая черта?

— С биографией Василия, да и с твоей тоже, в данное время не самая лучшая.

— Не совсем понял.

— Что там понимать? В Москве миллионы квартир. Стоит вам напороться на тотальную чистку гостиниц, и вашей свободе конец. Кстати, еще неизвестно, что последует после нашего диалога. Единственная надежда на перестроечный бедлам.

Они помолчали. Затем Харасанов, хотя и боялся, но все же решив внести ясность в ход последних событий, продолжил:

— Ладно, теперь уже поздно, как говорят “назад пятками”. Где девушки?

— В больнице, — натянуто ответил Франц. — А что с тобой, не ранен?

— Ранен, ничего не успел сделать. Подстрелили как зайца.

— Что-то серьезное?

— Пустяки, завтра уже сможем встретиться.

— Ты, кажется, не в Москве?

— В Питере. Слушай, Франц, меня внимательно. Поездов на Питер много, приезжайте. Встретимся завтра в 16.00, в холле кинотеатра “Паланга”.

Франц вопросительно посмотрел на Василия, который внимательно слушал, склонясь над аппаратом.

— Годится, — сказал тот, — я давно мечтал увидеть Питер. Да и проветриться нам не помешает.

Ночная “Стрела” домчала их в Санкт-Петербург в считанные часы.

Северная Пальмира еще сладко спала. Василий нервничал. До начала работы метро оставалось два часа. Вокзал всегда, и не без оснований, вызывал у него страх. Тут и там выхолненные блюстители порядка проверяли у сонных граждан документы.

— Пошли отсюда, Франц. Вокзал — это голимое паливо. В паспорте у меня фуфловый штамп прописки. Для гостиниц сходит, а менты могут вычислить.

Он явно нервничал, перешел на блатной жаргон.

Они вышли на Невский проспект. Спустя некоторое время мимо них медленно проехала милицейская машина.

— Все, я больше не могу, — выдохнул Василий. — Пошли в любой двор, подождем до шести часов.

Они нырнули в проходной подъезд и вскоре очутились в глухом, темном дворе.

— Ха-ха, нарочно не придумаешь, — рассмеялся Василий. — Как сказал товарищ Сталин о своей даче, расположенной на острове в Валдае — “мишиловка”.

В “мышеловке” они просидели до открытия метро, а затем, дожидаясь полного пробуждения города, путешествовали в подземке.

Теперь Невский напоминал полноводную реку. Десятки тысяч людей плыли с Сенатской площади и в обратном направлении к Московскому вокзалу.

— Тебе приходилось бывать в Питере, художник? — спросил Василий.

— Только в снах, — улыбнулся Франц. — Как говаривал Бендер, “сбылась мечта идиота”. Но, загляни в эту сумку любой милиционер, вместо слова “идиота” прозвучит “бандита”.

— Не преувеличивай, Франц. Ведь ты никого не убивал. Какой из тебя преступник. Единственная статья, на которую ты тянешь, это “недонесение властям”. Поверь, любой прокурор, да и судья тоже, расценит твоё поведение как обычный человеческий страх. Они ведь люди не глупые. Поставят себя на твоё место и именно к такому выводу придут. Ну, дадут тебе год-два условно. Разве это срок?

Он сказал эти слова задумчиво, но с каким-то надрывом и тоской. Франц вдруг со всей ясностью ощутил, что между ним и этим человеком, несмотря на дружбу, огромная пропасть. Пропасть в страшном опыте, пропасть в будущей жизни.

На Сенатской площади дышалось легко. После толкотни Невского проспекта это был рай. Франц с тоской смотрел на прекрасные изваяния и мысленно спрашивал себя будут ли в его жизни счастливые мгновения, когда он сможет прийти сюда как художник. Словно угадывая его мысли, Василий сказал:

— Все это мечта художника, не так ли, Франек? Этот город чудо. А есть еще Петергоф, Эрмитаж, Исакиевский собор. На Эрмитаж нужен целый день, а в Исакий можно сходить. Как ты на это смотришь?

Ничего подобного в своей жизни Франц не видел. Величие этого храма поражало воображение, превосходило любые ожидания.

Одетые в тончайший мрамор искусными резчиками камня стены сверкали радугой сказочных планет. Великолепная смальта¹ — творение великого Ломоносова — смотрела из прошедших времен еще и еще раз подтверждая, что творец вдохнул в человека искорку от своего величия, которую люди назвали гениальностью. “До чего прекрасна жизнь и как порой человек ею распоряжается, — думал Франц. — Почему для человека столь важны два полюса: восхождение и блеск, падение и мрак?” Он понимал, что мысли его банальны. Вопрос этот задавался в прошедших веках и будет задаваться в грядущих миллионы, миллиарды раз. Тем не менее, он так думал. Он был одним из этих миллиардов.

Они встретились в условленное время. В облике Харасанова особых изменений Франц не заметил. Раненная рука покоилась в кармане широкого плаща. С правого плеча свисала знакомая адидасовская сумка. Как ни в чем не бывало Константин ткнул им под нос билеты и сказал:

— Давно хотел посмотреть “Однажды в Америке”. Классный фильм, сходим ребята?

Они рассмеялись. Казалось, этот человек был несокрушим.

— И это все, что ты нам хотел сказать? — не сдержался Франц. — Мы готовились услышать двухчасовую лекцию на тему “Как выжить азербайджанскому миллионеру в стане врагов”. А ты нам предлагаешь эпопею из жизни гангстеров.

Теперь рассмеялся Константин.

— Если после всего, что случилось, вы здесь — вам не нужны мои рассказы и инструкции. Через дорогу ресторан с тем же названием что и кинотеатр. После фильма расслабимся, поговорим.

Из кинотеатра они вышли уже в сумерках. Все трое молчали. Фильм произвел неизгладимое впечатление.

— Думаю, ребята, нам нужно прислушаться к словам “лапши”, — нарушил Харасанов тягостное молчание. — Он был прав. Чтоб выжить, нужно рано ложиться спать. Вот тебе Франек в нескольких словах вся инструкция как сохраниться в этом волчьем мире. Ресторан отменяется. Берем пару бутылок и едем к моему лучшему другу Артуру Джавахишвили.

В этот вечер они так и не решились как действовать дальше. С одной стороны этому мешал настороженный и взволнованный хозяин квартиры. С другой — усталые, они не хотели переживать события последних дней вновь и вновь.

За окнами санкт-петербургской квартиры порой жалобно, порой угрожающе завывал ветер. Кто бывал и жил в этом загадочном городе, хорошо знаком с ночными и утренними концертами бродяги ветра.

Они проснулись одновременно и уже не могли уснуть.

— Ну, что, орелики, — Василий по лагерной привычке потянулся за сигаретой, — будем решать, как сейчас модно говорить, ПРОБЛЕМЫ? Во-первых, Костя, разговор к тебе. Твой Артур, кажется, цепной пес закона. Он нас не сдаст?

Харасанов, немного помолчав с ответом, сел на кровать.

— Почти уверен — нет! Он великий семянин. Больше всего боится за сына и внуков. До вашего визита он может еще бы и решился, но теперь, когда увидел тебя, Васек, не сдаст.

— Черт побери, Костя, у меня что на лбу написано “рецидивист”? — вспыхнул Василий.

— Не горячись, не горячись! Это нюх, интуиция. Ты хоть знаешь, что значит всю жизнь проработать прокурором?

— Не знаю и не хочу знать. Впрочем, знаю, но только одно. Чем быстрее мы отсюда свалим, тем целее будем.

— Это само собой разумеется, — сказал Харасанов. — Но все же день-два, пока Жарылгапов рыщет по Москве, нужно отсидеться. Кому кому, а тебе, Василий, хорошо должно быть известно, что такое время. Даже в зоне, когда ээк убегает с рабочего объекта, оцепление держат десять дней.

— Ээку идти практически некуда, а здесь — тысячи дырок! Не хватало чтоб меня захомутали как малолетку — тепленьким.

Василий вскочил с дивана и нервно, порывисто стал одеваться.

— Подожди, Василий, сядь на минуту, — миролюбиво обратился к нему Харасанов. — Артур, эй, Артур! Я знаю, ты не спишь! Зайди к нам в комнату!

Пугливо, как-то бочком, в комнату зашел бывший прокурор.

Харасанов посмотрел на него тяжелым взглядом и металлическим, незнакомым Францу голосом, сказал:

— Мои друзья, да и я тоже, опасаемся, что ты заявишь о нашем пребывании у тебя в милицию. Предупреждаю сразу, если ты на это пойдешь, будет много крови. В первую очередь не обойдется без трупов и среди твоего семейства. Если все будет хорошо, сегодня или завтра мы уйдем. Хочу услышать от тебя вразумительный ответ, говори!

Артур Джавахишвили заглотив воздух, словно выброшенный на берег карп, облизал сухие губы.

— Костя, ради Бога, ты меня знаешь. Главное, чтоб не пронюхали соседи ... живите сколько нужно.

— Артур, я тебе верю. Ты слишком умный и прекрасно понимаешь, что нынешняя власть тебя не защитит. Нам же терять нечего. Двоим из нас светит ВЫШКА, ты ведь бывший прокурор, хорошо понимаешь. Кстати, тысячу баксов я положил в кухонный шкаф. Так что все, как обещано.

Василий успокоился. Он понял, что этот измученный годами служака ни за что не нарушит покой и безопасность любимых им людей. Жить в этой квартире можно не опасаясь.

И все же в Эрмитаж Францу удалось попасть. Перед отъездом, казалось ко всему равнодушный, Харасанов неожиданно сказал:

— Что-то, Бялковский, я тебя не узнаю. Другой художник на твоём месте в Питере с ума сошел бы...

Франц удивленно спросил:

— Ты о чем? Перестань говорить загадками.

— Франц, проснись! Не ходи словно мокрая курица! Ведь мы находимся в Санкт-Петербурге. Другой такой возможности может и не представиться. Пьем кофе и отправляемся в Эрмитаж.

Впечатлений было столько, что он попросил у служителя карандаш и лист бумаги, принялся рисовать.

Этот день ему запомнился на всю жизнь. На квартиру он пришел поздним вечером. Константин и Василий готовили сумки к отъезду.

— Я уже хотел звонить в Эрмитаж не появилась ли у них в Египетском зале новая мумия, — пошутил Харасанов. — Не обижайся, Франек, но сейчас для нас главное забрать девушек из больницы. Кстати, приятная для тебя новость: час назад из городского автомата я разговаривал с Наташей. Пока они в безопасности, их охраняют ребята из ФСБ.

Василий демонстративно подбросил в руке парабеллум и сказал:

— Кто кто, а эти ребята нас искромсают в капусту. Медаль-то, Костик, о двух сторонах.

— Перестань, не пугай Франца. Я это дело беру на себя. У меня есть бланки милицейских удостоверений. В этой стране корочки всесильны.

— На этот счет не стану с тобой спорить.

Василий спрятал пистолет в новенькую кобуру, приобретенную в охотничьем отделе ДЛТ.

— Старая добрая поговорка “без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек” в этой стране жить будет вечно.

Из Санкт-Петербурга в Москву они выехали ранним утром. Когда Харасанов узнал о их прошлых перипетиях на ночном вокзале, раздраженно сказал:

— Ну, я еще могу понять Франца, у него нет опыта. Но ты, Василий, уверен, не раз ловился на вокзалах. Ведь ночные аэропорты, вокзалы — это вечные мышеловки для людей, уходящих от погони.

— Не нужно говорить так высокопарно: “для людей, уходящих от погони”. Мы, батенька, не профессиональные революционеры, а всего лишь уголовное быдло. Что касается Франца, я бы на его месте вытащил из мясорубки свою девушку, и уехал к себе домой.

Франц остолбенел. Чего чего, а подобных слов из уст Василия он услышать не ожидал.

Харасанов зло спросил:

— Это еще почему!? С какой стати вы даёте Бялковскому подобный совет?

Он опять перешел на вы, и это не предвещало ничего хорошего.

— Да потому что он во всей этой музыке всего лишь пассажир. Вы, Харасанов, отсидели в тюрьме около двух лет. Я провел за проволокой уже не помню сколько. Если нас с вами поймут, не думаю, что мы когда-либо увидим свободу. А зачем все это Францу? У него пока есть здоровье, талант, красивая девушка, жилье на Украине. У него есть все, чтоб быть счастливым здесь. И, заметьте, у него нет уголовного прошлого. Так что мой тебе совет, Франек, плюнь ты на эту самую Швейцарию, выручай Наташу и поезжай к себе в Жмеринку.

Харасанов побагровел.

— Закрой рот! Я вижу, ты много на себя стал брать!

— Не больше чем ты. Отпусти пацана домой. Дай ему нормальную сумму в баксах и отпусти домой. Если тебе удастся свалить за бугор, через полгода пришлешь ему вызов, и он без головной боли приедет в ту же Швейцарию.

Константин сумел себя сдержать. Напряжение спало. Постепенно физиономия азербайджанца приняла прежний вид.

— Возможно, Васек, ты прав. Но, согласись, сейчас главная наша цель спасти девушек.

Эта первая размолвка между друзьями по несчастью была Францу неприятна и в то же время слова Василия произвели на него огромное впечатление. Втянутый неудовлетворенной жадной к свободному творчеству в преступный круг, он с новой силой захотел из него вырваться. Он вновь ощутил, что такая жизнь не для него: скитания по гостиницам, перестрелки, пребывание вне закона. Франц стянул оцепенение.

— Ладно, мужики, мне надоела полемика. Кроме всего, тут не место для подобных разговоров. К нам, кажется, уже прислушиваются окружающие.

— Вот, вот, — поддержал его Харасанов. — Берем такси и поехали по одному адресу. Есть тут у меня на Плющихе одна знакомая.

XI. Время Галкина

После визита к генералу у полковника Галкина окончательно испортилось настроение. Кроме того, что погибший при исполнении лейтенант Максимов был человеком, он был еще и родственником высокопоставленного чиновника в Москве. Генерал так и заявил:

— Ваше соответствие с занимаемой должностью, полковник, вызывает у меня серьезное сомнение. Послать на такое серьезное задание столь неопытного работника недопустимый просчет с вашей стороны. Это вам не Житомир, дорогой, это Москва! Там вы охотились на мешочников, которые могли отстреливаться разве что из кукурузных початков, здесь же — лейтенант получил полновесную очередь из АКМ. Если в течение трех дней вы не доложите о поимке Жарылгапова, отправитесь дослуживать на периферию. Поскольку с Украиной у нас связи теперь почти разорваны, я похлопочу о вашем переводе хотя бы, к примеру, в Можайск.

В Можайск полковнику не хотелось. Его сведения о Можайске заканчивались тем, что в этом городе функционировал макаронный завод и недалеко оттуда находится знаменитое Бородино.

Грустные мысли полковника Галкина прервал телефонный звонок.

— Алло, Иван Никитич, говорит капитан Нестеров. Засекли одного из боевиков Жарылгапова. Крутится возле 6-й больницы.

Окажись телефонная трубка из пластилина, участь ее была бы однозначна.

— Хлопчики, дорогеньки, нэ выпускайтэ эту паскуду из виду! На ребят ФСБ не надейтесь. Сейчас я к вам приеду. Перекройте все подходы и выходы к больнице. Все прилегающие улицы и переулки.

Через пятнадцать минут полковник Галкин и шесть самых опытных оперативников были на месте. Полковник не поленился, влез на чердак, где находился один из пунктов наблюдения.

Здание больницы просматривалось отлично. Многочисленные машины курсировали взад и вперед.

— Вот он, товарищ полковник, сидит в зеленой “Ладе”. Обратите внимание, эти сволочи крутят миллионами, а машина невзрачная, облезлая и помятая.

— Когда говоришь “сволочи”, добавляй “умные сволочи”, — буркнул Галкин. — Какой дурак захочет “светиться”, когда идет на дело. Как вы их засекли? — полюбопытствовал он.

— Просто как в американском фильме... Один из наших обратил внимание на бронежилет. Он у него отличается по фактуре от английского белья — наш, отечественный. На жопе выпирает и грудь уж слишком богатая. А когда старшина попросил у него подкурить, заметил кобуру.

Галкин резко повернулся к докладчику и грозно спросил:

— А может это ФСБ-шник, вы хоть проверили?

— Проверили, Иван Никитич, номера фальшивые и такой рожи у них нет.

Полковник продолжал злиться.

— А с каких это пор у вас доступ к ихним рожам имеется?

— Вы уж, извините, Иван Никитич, пришлось связаться с ихней конторой. Одно дело делаем, прокола быть не должно.

Полковник Галкин хотел вспылить, показать “кузькину мать”, но вспомнил генерала и успокоился.

— Вы хоть смотрите ихних людей не постреляйте. Наверняка ФСБ-шники за ним следят.

— Что вы, Иванович, мы уже давно их вычислили. Сидят этажом ниже в пустой квартире.

— Ну, слава Богу, — рассмеялся Галкин, — наша старушка милиция на этот раз сверху оказалась.

Незадачливый бандит явно нервничал. Он то и дело выходил из машины, беспокойно осматривался. Даже сквозь оптические линзы бинокля было заметно, что боевая амуниция ему мешает. Он постоянно одергивал оттопыренные полы пиджака, поминутно ощупывал рукой наплечную кобуру.

— Где они отыскали это чучело? — процедил Галкин. — Мечется словно кабан недорезанный.

Галкину ох как хотелось взять на мушку АКМ эту налысо остриженную голову с оттопыренными ушками и нажать спусковой крючок. Он хорошо знал на что способны и что вытворяют новоявленные “бультерьеры”... Не щадят ни женщин, ни детей во имя доллара.

— Товарищ полковник, у них явно что-то намечается. Смотрите, вон подкатила еще одна машина. Прямо комедия какая-то, на этот раз “Запорожец”.

Полковник опять рассердился.

— Да вы что, совсем одурели?! Прямо помешались на шикарных иномарках. Причем здесь машина? Ты бы лучше обратил внимание, что в этом “Запорожце” сидят четверо. И будь уверен, оружие у них — что надо.

На этот раз капитан обиделся.

— Ну что вы, товарищ полковник, сразу дураками обзываете? Ведь в Москве живем, у нас все на машины внимание обращают.

— А мне плевать на всех. Вот и лейтенант Максимов, когда позвонил в дверь, думал, что ему как все нормальные люди дверь откроют. А взамен получил очередь. Нет, капитан, времена теперь поменялись. Преступник нынче жесток, беспощаден и отлично вооружен. Теперь необходимо принимать решение индивидуально. Формулировка “как все” устарела.

Зажигательную речь Галкина прервал пожилой милиционер.

— Вот тебе, Сеня, и “Мерседес”, да еще и шестисотая модель. Думаю, на этот раз сам Жарылгапов пожаловал. Окошкито затемненные, не вылезет — не увидишь.

XII. На Плющихе

Медсестра Надежда Ладнова была коренной москвичкой. Когда девочке не исполнилось и шести лет умер ее отец. Благодаря матери и бабушке, двух сильных по натуре русских женщин, она выросла, превратилась в стройную, симпатичную девушку. В девятнадцать лет она вышла замуж за кудрявого сантехника Сашу, а в двадцать развелась, так как в Саше уживалось два существа. Первым из которых был зверь, а вторым — запойный пьяница. Надежда с дочерью остались проживать в Сашиной служебной квартире на Плющихе, что касается Саши — его местопроживание Харасанова абсолютно не интересовало.

На вопрос Василия, откуда у Константина столь молодая и обаятельная любовница, Харасанов ответил своеобразно:

— Было дело.

Надежда бросилась в объятия Харасанова, и он долго кружил ее по огромной комнате. Василий, который в последнее время вел себя как-то странно, замурлыкал под нос слова старой, но в свое время очень модной, блатной песенки: “С Таней познакомился я раннею весной, когда я возвращался с лагеря домой...”

Харасанов словно наткнулся на каменную глыбу.

— А вот этого делать не стоит, — ни на кого не глядя сказал он, и поставил Надежду на диван.

— Чего, чего не надо делать? — допытывалась молодая женщина. — Скажи, Костик, что ты имел ввиду?

Константин натянуто улыбнулся.

— Не надо, Надюша, так радоваться. Мы ведь только на один день.

Губки женщины капризно надулись.

— Но, Костик, мы ведь не виделись целую вечность.

— Понимаю, Надюша, понимаю. Но, к сожалению, у нас срочная командировка. А вот денег я тебе дам.

Он вытащил портмоне, отделил от пачки сто долларовую купюру и положил в карман кокетливого халатика. Очень мило, и в то же время очень серьезно Ладнова выгатила купюру, тщательно разгладила и унесла в соседнюю комнату.

Когда она вышла, Харасанов, зло сверкнув глазами, сказал:

— Мы с тобой, Васек, не в зоне. Запомни: терпеть твои под... я не стану!

Василий рассмеялся.

— Ну, что ты, Константин. Я просто пошутил. А вообще-то, мне кажется где-то в этом городе есть больница, в которой находится одна очень чудесная и верная одному человеку девушка. Как ты относишься к этому обстоятельству?

На миг у Константина сжались кулаки, а у висков побежали бугры. Еще через мгновение он спокойно ответил:

— Приготовьте оружие, через два часа едем!

При одной мысли, что вскоре он увидит Наташу, Францу становилось жарко. Он мечтал об этом и вместе с тем боялся. Франц уже начал понимать, что постоянный страх разъедает его душу. От общения с Харасановым страх все больше и больше сковывал его существо, превращал в затравленного зверя. Никакой тренинг, никакое самоуспокоение не могли отвлечь его от мысли, что он на пагубном пути. Вот и сейчас, сжимая рукоятку пистолета, он знал наверняка: в человека он выстрелить не сможет.

Надежда Ладнова испуганно следила за приготовлением мужчин. Харасанов вбил обойму в УЗИ.

— Надюшка, не пугайся. Ты ведь знаешь, я работаю в милиции. Мы приехали на задание, так что не округляй, девочка, серьезные глазки. Вот задержим банду преступников, и отметим это событие у тебя на квартире.

Женщина успокоилась.

— А теперь, Надюша, держи десять долларов, сходи на Арбат, купи себе вкусенького.

Харасанов вышел вслед за ней. Через пять минут он возвратился.

— Объясняю подробности предстоящей операции, — несколько высокопарно начал он. — Вот для каждого из нас милицееское удостоверение.

Василий иронично улыбнулся.

— Для меня это большая честь. Впервые буду в роли сотрудника милиции.

— Да уж, дорогой, скажи мне спасибо. Будешь сегодня при чинах.

Василий поблел.

— Я ваши ментовские чины в гробу видел. Я с детства был вами сыт, козлы поганые!

Франц не выдержал.

— Да прекратите вы! О какой удаче может идти речь, если у вас столько злобы?

— Ладно, студент, помолчи. Мы идем не на благотворительный вечер. Злоба нам будет не лишней.

Василий был явно не в духе. Что его мучило ни Харасанов, ни Франц понять не могли.

— Обсудим наш план в конце концов без эмоций. Он прост, поэтому осуществим.

Харасанов опять взял себя в руки. Говорил ровным, спокойным голосом.

— Возле больницы берем такси. Таксиста придется на время устранить. Это я беру на себя. Проходим в помещение больницы. Если остановят из службы безопасности, предъявим удостоверения. Девушек, безусловно, они отдавать не захотят. Придется нам с вами, Василий, — Харасанов опять перешел на “вы”, — применить силу. Думаю, у двери их будет не больше двух. Что вы на это скажете?

— Не в первый раз, справлюсь, — ответил Василий. — Но, думаю, эти парни хорошо физически подготовлены. Может их лучше перестрелять?

Харасанов поморщился.

— Можно и перестрелять, но только в крайнем случае.

Франц похолодел. Мелькнула мысль: “На этот раз мне не выкрутиться”.

Словно угадав его мысль, Василий небрежно почесал стволем парабеллума подбородок и сказал:

— Есть еще одно предложение. До этих пор Франц во всех ваших и наших делах был чист. Предлагаю общим собранием проголосовать за то, чтоб Франц Бялковский вместе с Надеждой Ладновой приготовили к нашему с вами, Константин, возвращению хороший обед. Как вы на это смотрите?

Его слова для Франца были вершиной неожиданности. В горле запершило, он прохрипел:

— Не-е-е-х-рл позволю, не позволю за меня решать! Я поеду с вами, ясно?

Харасанов словно его не слышал.

— Предложение принимаю. Утверждается большинством голосов.

Взбешенный Франц подбежал к Харасанову.

— Черт побери, вы и так сделали из меня марионетку... Я еду с вами!

— Нет!

— Не вынуждай меня, Харасанов, не то получишь по зубам!

Он размахнулся. В какую-то долю секунды Харасанов перехватил руку Франца. Откуда взялись у него наручники, он так и не понял. Раздался щелчок и Франц оказался прикованным к батарее.

— Ты не смеешь, отпусти! — крикнул Франц, но его слова остались без внимания.

Перед тем как уйти, Харасанов с какой-то затаенной отцовской грустью посмотрел на беснующегося парня и сказал:

— Прости меня, Франек, но Василий был прав. Я слишком увлекся, представляя из себя благодетеля. У каждого из нас своя дорога. В твою сумку я кладу ключи от наручников и вот этот сверток. Здесь двадцать тысяч долларов. Это половина того, что у меня есть в наличии в этой стране. Если мы не выберемся, бери деньги и поезжай домой...

Волнуясь, перескакивая с “ты” на “вы”, он продолжил:

— Истинный талант всегда пробьет себе дорогу! Прощайте, Франц, и не ожидайте напрасно хозяйку, чтоб присоединиться к нам. Надежда возвратится не раньше, чем через шесть часов.

Они ушли.

XIII. Развязка

В приемном покое толпилась масса народа. Специфический запах неприятно ударил в нос. Харасанов шел размашистой походкой. Полы белого халата мотались со стороны в сторону.

— А вот и наши друзья со службы безопасности, — сказал Харасанов. — Давай первый раз пройдем мимо. Посмотрим из какого теста слеплены эти парни.

Тот, что поплотнее, мешковат, чтоб хорошо ногами работать. Ты его бери на себя, — сказал Харасанов. А с худым придется повозиться. Одни жилы... видать хорошо поднатаскали в Звенигороде.

— Как скажешь, пахан, — без тени издевки ответил Василий. — Думаю, на этих тренированных “бультерьеров” у тебя хорошо глаз наметан.

Харасанов улыбнулся.

— Наметан, сам проходил спецподготовку.

У двери в палату они остановились. Парни из службы безопасности поднялись со стульев, загородили проход.

— Кто такие, мы вас что-то не припоминаем.

— Капитан Мухин и лейтенант Ложкин. Командированы забрать девушек к нам на Петровку.

Изучая удостоверения, плотный недовольно процедил:

— Такого распоряжения не поступало. Сейчас свяжемся по рации, будем решать.

Не упуская момент, когда у плотного были заняты руки, Василий штыковым ударом вытянутых пальцев ударил ему под дых. Когда плотный согнулся, он резко добавил ему коленом в лоб. Харасанов применил свой коронный: ребром правой “пробил” молодому кадык и толкнул ногой дверь в палату.

Изможденная девушка бросилась Константину в объятия.

— Мы с Наташей ожидали вашего прихода каждую минуту. Господи, Костя, они все знают! Забери меня отсюда, я не хочу обратно в зону.

— Все будет хорошо, девоньки, все будет хорошо! Василий, помоги Наталье, немедленно уходим.

Они вышли в коридор и направились к лестнице черного хода. Как только Василий открыл дверь, двое неизвестных направили на них стволы пистолетов.

— А вы откуда здесь взялись, орелики? Вы меня, что, не узнаете? Я ведь дружок вашего Касыма. Денежку вам буду печатать.

Как ни была примитивна ложь Константина, стволы опустили на уровень ниже.

— Проводите нас вниз к машине, Касым вам спасибо скажет, — продолжал играть Харасанов.

Когда они посторонились, пропуская компанию вниз, Харасанов пригнулся и, перехватив вооруженную руку, воплотил в жизнь старую, добрую “мельницу” боевого самбо. Второго ударил Василий рукояткой парабеллума по голове. Скорость опять сыграла решающую роль. Бойцы Жарылгапова валялись на полу.

Они выскочили из подъезда и бросились к машине. Еще мгновение — откроется путь к свободе.

— Стоять, Харасанов! — раздался повелительный оклик. — Еще шаг и мои пацаны вас перестреляют!

Из-под полы у Жарылгапова выглядывал ствол УЗИ. Рядом стояли двое, сжимая пистолеты в руках.

— Чего тебе еще нужно, паскудник? — процедил Харасанов. — Здесь полно милиции, разбираться между собой будем после.

— Нет, Харасанов, разбираться будем сейчас. Ты ухлопал кучу моих людей. У ментов, благодаря тебе, все мои архивы. Садитесь в машину, иначе мы вас расшмалюем.

Харасанов попытался его остановить.
— Я знаю, у тебя перемыкает в мозгах. Но какой тебе толк с нашей смерти? Встретимся позже, и мы тебе наладим производство баксов на все сто.

— Садитесь в машину, иначе стреляем!

— погоди, придурок, не губи себя и остальных. Посмотри вон на тот дом. На чердаке сидят люди с автоматами!

Глаза Жарылгапова сверкали тигринным огнем. Безумными глазами он посмотрел в указанном Харасановым направлении. Затем выхватил УЗИ и выпустил очередь.

Несколько пуль прошили плечо полковника Галкина. Еще толком не уяснив происшедшее, полковник тупо смотрел на мощные струи крови.

— Товарищ полковник, вы ранены!

— Кто эти двое с девушками? Они что, не из службы безопасности?

Лейтенанта бил озноб.

— То же самое спросили у нас по рации с ихнего наблюдательного пункта.

“Ну, все, мне хана,” — подумал Галкин, и прорычал лейтенанту:

— Автомат, дай мне автомат!

Группа из семи человек компактно вмещалась в оптический прицел.

— Гарно стоим, хлопцы, думаю шось з цього выйдэ, — громко сказал Галкин и нажал на спусковой крючок.

Словно танцоры, доведенные до экстаза, полностью потерявшие силы они валились друг на друга. Тела одинаково неохотно расставались с жизнью. Скрюченные пальцы скребли асфальт, словно пытаясь в пыли найти еще хоть кусочек жизни. А полковник Галкин все стрелял и стрелял, изумляя многочисленных наблюдателей шквалом огня и точностью прицела.

Когда обесиленный страхом и злобой Франц на такси подъехал к больнице, его взору предстала следующая картина: из каждого окна пятиэтажного здания больницы выглядывали больные. Милицейский патруль оцепил площадь, подъехать к парадному было невозможно.

— Эй, люди, что здесь произошло? — спросил таксист у многочисленных зевак. — Опять чеченские террористы взяли заложников?

— Нет, дядя, здесь обошлось без чеченцев. Банду перебили, слышал о “Лиге бокса”?

— А как же, террорезировали всю Москву, — оживился таксист.

Франц откинул голову на спинку кожаного сидения, закрыл глаза.

— Живые-то, хоть остались? — не унимался любопытный таксист. — Сколько человек ухлопали?

— Откуда живым-то взяться? — ухмыльнулся зевака. — Говорят, какой-то генерал взбесился, ухлопал двадцать человек.

Таксист успокоился и сказал Францу:

— Такое нынче в Москве каждый день. Лужков никак не может гайки до упора закрутить. Стреляют банкиров, журналистов, всех подряд. Стреляют все ... и менты, и кенты.

“Оригинальная” шутка не произвела должного впечатления. Клиент с закрытыми глазами молчал.

— Эй, земляк, тебе плохо? — встревожился таксист. — Выйдешь здесь или куда поедем?

— Что?.. не-е знаю... поехали куда-нибудь.

Вечером Франц Бялковский попросил Ладнову позвонить из автомата на Петровку. Надежда возвратилась через двадцать минут. Подавленная женщина долго не решалась сказать. Выражение ее лица говорило само за себя.

— Попросили приехать на опознание в морг. В живых никого не осталось.

Франц отдал Ладновой тысячу долларов с просьбой передать инкогнито на похороны погибших. Час спустя он купил билет на поезд Москва— Жмеринка и вскоре уехал домой.

Часть третья

УКРАИНСКИЕ АФИНЫ

I. Город детства

Фыркая, словно рассерженный кот, “89-й” возвратился в родную гавань. Вагоны исторического поезда Москва—Жмеринка распахнули двери и пассажиры волной захлестнули выдавший виды перрон.

Измотанный страшными событиями в Москве, Франц Бялковский влился в толпу и усталой походкой направился домой.

Несмотря на усталость и безразличие, в глаза бросались некоторые изменения, произошедшие в знакомом быту вокзала. Огромная, невиданная доселе армия в прошлом так называемых спекулянтов с авоськами, сумками, тарелками и пакетами суетилась вокруг. Эти бедные, загнанные жизнью в тупик люди чем-то напоминали десантников. Когда объявили прибытие очередного поезда, возбужденная толпа поспешно бросилась к указанной диктором платформе. В воздухе стоял немислимый галдеж, где словно молитва звучали слова: “Купить, мужчина! Купить, женщина! Всэ свиженькэ, купить, купить!” Привычный для привокзалки фонтанчик с мальчиком-писюном куда-то исчез. Вместо него на тесном от машин пространстве суетились молодые люди с толстыми пачками украинских денег.

Здесь была другая молитва. Словно заведенные, молодые люди твердили: “Меняем рубли, меняем доллары! Рубли, доллары, меняем, меняем!”

Франц улыбнулся. Сонный провинциальный городок в поисках хлеба насущного превратился в античные Афины.

Первым знакомым, который попался ему на привокзальной площади, был Юрий Мазур, по вынесенному из детства прозвищу “Мальш”. Они тепло поздоровались и бесцеремонно, как это делают старые друзья, принялись рассматривать друг друга.

— Ну, и где ты пропал, Франц? Я слышал, тебя занесло в Казахстан?

Франц улыбнулся.

— Немного покатался, Мальш, жаль дорогу выбрал не в том направлении что нужно. Не хватило ума сесть на поезд Москва—Париж, сел в поезд Москва—Павлодар.

Мальш засмеялся.

— Напрасно так говоришь, Франек. Считаю, по нынешним меркам, ты побывал за границей.

Франц пристально посмотрел Мальшу в глаза.

— Ты, безусловно, прав, вот только Париж был добровольной ссылкой бежавших от революции дворян, а Павлодар и ему подобные казахстанские города, — это кладбища сотен тысяч политических ссыльных.

— А зачем ты туда уехал? — поинтересовался Мальш. — Ведь ты, кажется, учился в Черновицком художественном училище?

— Учился, да недоучился, — Франц непроизвольно щелкнул пальцами. — Как говорится, “захавали” меня и согласия не спросили. Решил уехать подальше, хотя от органов вряд ли можно спрятаться.

— Я толком ничего не знаю. Что у тебя произошло в Черновцах?

— Это длинная история. Как тебе коротко объяснить? Мое буржуазное искусство не вписывалось в рамки социалистической действительности.

Мальш оказался эрудированным парнем. Его слова, можно сказать, удивили Франца. Доперестроечная Жмеринка мало интересовалась новостями в мире искусства.

— Да, ты действительно рванул не в ту сторону. Михаил Шемякин из Санкт-Петербурга покорил Америку, в придачу теперь миллионер. У Эрнста Неизвестного самые крупные заказы на самые впечатляющие архитектурные ансамбли мира. Люди свалили из “совка” и чего-то добились. Но ты не огорчайся, Франек, теперь уехать “за бугор” не составляет труда.

Франц согласно кивнул головой.

— Так-то оно так, но очень много времени потеряно, — и что-то вспомнив, тихо добавил: — Времени и хороших людей. Но хватит о моей персоне. Чем занимаешься ты? Когда я уезжал, ты, кажется, работал на “первомайском” заводе?

Мальш искренне расхохотался.

— Не смеши меня. Я сто лет как оттуда ушел. А завод давным-давно переименовали.

— Но чем-то ты все же занимаешься? Одет классно. Один “Найк” больше ста баксов тянет.

Работаю продавцом в киоске. Вот сейчас буду принимать смену, — сказал Мальш. — Приходи вечером, пропустим по “сотке”, более подробно поговорим.

Его приезд не был сюрпризом. Он сообщил матери, что возвращается и, как всегда, просил его не встречать.

Мать пристально его рассматривала, а он сидел за столом, обильно уставленным закусками и, раздраженный, пил рюмку за рюмкой украинского первача.

— Да не смотри ты так на меня. Лучше расскажи подробно как умерли отец и дед. И прости, что не приехал... не знал. Этот груз будет на мне до самой смерти.

Он действительно не знал о двух смертях самых близких ему людей. Скрываясь в Москве от казахстанских ищеек, Харасанов категорично запретил ему подавать вести о себе. “Запомни, Франц, — твердил Константин, — в большинстве случаев беглецов ловят на квартирах матерей, любовниц и по неосторожной переписке.” Больше года он не имел вестей из дома. За это время ушли из жизни дед и отец.

Мать закончила грустный рассказ. Он смахнул скучную слезу и сказал:

— Еще раз, мать, прости. В этом году произошло столько всего, что мне порой кажется я сойду с ума.

Ночь он проспал беспокойным алкогольным сном, тем не менее утром проснулся бодр и свеж. Голова не болела. К десяти часам они с матерью были на кладбище. Стоял теплый осенний день. Он сидел на скамейке и рассматривал фотографии, закрепленные на крестах. Эта страна и этот город были для него тем, что люди называют родиной. Улицы этого города помнили шаги отца и деда, бабушек по отцовской и материнской линии. Здесь на кладбище он вдруг понял, что мотаясь по огромной стране все его дороги всегда будут сходиться здесь, в этом городе, на этом кладбище. “Как жить дальше? Стоит-ли пускаться в дальние странствия, если судьба опять и опять будет возвращать его домой?”

II. Улица Долинская. Вокзал

Улица Долинская, на которой проходило его босоное детство, встретила его знакомым запахом накалившейся за день булыжной мостовой. Шумели вишневые садики, недовольно рычали пыльные грузовики в ожидании когда откроется шлагбаум переезда.

Несмотря на грозное название Военный переулок жил спокойной жизнью. Ковырялись в садиках и огородах трудолюбивые хохлы, кудахтали куры, грелись возле домиков на табуретках старики и старушки.

Достопримечательность города Виктор Поленов, в прошлом моряк и бог знает кто, по-прежнему полупьяненький сидел на пороге своего дома и всем желающим рассказывал сплетни. Словно не было нескольких лет отсутствия Франца, он осоловело на него посмотрел и сказал:

— Проходи, Франц, я вот сижу и думаю, где сто грамм выпить. Тебе бронзовая краска не нужна? Вот два пакета, а вот чем разбавить.

Физически Поленов нисколько не изменился. По-прежнему у него разительное сходство с актером Пуговкиным. Близко посаженные плутовские глазки периодически вспыхивают лукавым блеском.

— Нет, дорогой, краска мне не нужна. Расскажи как поживаешь, один или с Юриком?

Юрик — младший брат Виктора. Он всю жизнь работает на заводе, поэтому в городе пользуется всеобщим уважением. С Виктором они постоянно воюют и все, кто знает братьев, с интересом ожидают когда и чем закончатся “космические войны”.

— Не говори мне про него, — сердито выкрикивает Виктор слова десятилетней давности. — Этот козел меня кипятком обварил.

— Специально, или как?

— Конечно специально, — с готовностью отвечает Виктор. — А неделю назад чуть не убил, гвоздем ударил.

Франц весело смеется и хлопает Поленова по плечу.

— Не говори глупостей, Витек, он тебя никогда не убьет. Вы как близнецы: друг без друга жить не сможете.

У Поленова поразительный нюх на клиента. Он знает возможности каждого, кто его посещает. Вот и теперь он быстро одевается и кладет в карман пустую бутылку. Вместе с Францем они направляются в переулок Дундича.

Жмеринка исторический город. Здесь всегда что-то происходило необычное. С тех пор, как архитектор Журавский построил в стиле ренессанс жмеринский вокзал, Жмеринку хорошо знает вся Украина. В свое время здесь побывал император-самодержец. В годы революции и гражданской войны Жмеринкой поочередно футболили банды красных и банды белых. Однажды, когда Франц сажал с дедом картошку где-то под Жмеринкой, он обратил внимание на многочисленные холмы, поросшие травой. На вопрос об их происхождении, обращенный к деду, Франц получил лаконичный, исчерпывающий ответ: “Здесь чекисты людей расстреливали и закапывали.” Время стирает память. Возможно, старожилы Жмеринки вспомнят мрачные события и этих несчастных?! Но для этого необходимо дожидаться сытых времен. Пока же ностальгия по дешевой колбасе более предпочтительна, чем воспоминания о поломанных судьбах тысяч людей.

В годы пятилеток Жмеринка была не менее известна. Локомотивное депо насчитывало несколько тысяч человек. Вагоноремонтный завод был необходим и известен всему Союзу. Через Жмеринку проходили, впрочем, как и проходят, поезда на “загнивающий” запад и к Черному морю. Желающие увидеть “блатную” Одессу обязательно должны сначала купить семечек и яблок на жмеринском вокзале, а уж потом окунуть свои задницы в море на пляжах Лузановки и Ланжерона.

Кормилец-вокзал остался кормильцем и в период перестройки. Обескровленная страна выбросила миллионы граждан на импровизированные базары в поисках куска хлеба. Жмеринка не осталась в стороне. Вокзал с чьей-то легкой “руки”

превратился в “манеж” и толпы “десантников” стали на протяжении суток захватывать все пять платформ. Отцы Жмеринского железнодорожного узла Завадский, Высочанский и Андрушков изо дня в день ломали голову где изыскать средства на постоянные ремонты порядочно износившегося “парохода”¹ — его крыши и колес.

Украина задыхалась от демагогии. День и ночь с репродукторов звучали зажигательные речи ребят, которые вдруг стали себя величать панами. Киев много болтал, хотел больших денег из-за границы и, по большому счету, ничего не делал. Мир украинского так называемого искусства играл на руку так называемым политикам. В мутной воде для людей с замутненными душами ловилась крупная рыба. Эту рыбу в виде американских долларов вывозили за пределы страны и помещали в западные банки. Счастливчики, имеющие работу, радовались возможности накормить детей нехитрой пищей и с вожделением пожирали глазами экраны телевизоров, где герои из третьих стран лакомились салатами из омаров. Националисты внушали правительству, что пенсионеры, заслужившие пенсии при коммунистах, ничто иное как обуза, поэтому пенсии необходимо отменить. Обратни, еще недавно терзающие верующих, превратились в ярых сторонников религии и после каждой лживой реплики самозабвенно добавляли: “Ничего, с Божьей помощью прорвемся.”

Уже через месяц пребывания в Жмеринке Франц затосковал. Давала о себе знать привычка жить в крупных городах. Как у художника по призванию, его глаза жаждали частой смены декораций.

Денег, оставленных ему Харасановым, хватало. В отличие от ребят с котомками, он шел на “манеж” с карандашом и блокнотом. На бумаге появлялись напряженные лица, в которых отражались радость, разочарование, раболепие и упадок духа. “Манеж” был рабочей мастерской для человека, обладающего даром художника. Вон бежит сухоногая, изможденная девочка с бутылкой “синтетического” напитка. Жалкий товар, бутылка “Фанты”, должен дать ей пропитание сегодняшнего дня. Высокий мужчина с дегенеративным лицом, похожий на огородное пугало, осторожно несет блюдо с жареной рыбой. Рыхлая, жадная перекущица отталкивает восьмилетнего мальчугана и предлагает вальяжному пассажиру краснобокие яблоки. Седая интеллигентка срывающимся голосом упрасивает толстобрюхого детину купить “варенички с картошечкой”. Ветеран с колодкой орденов на груди деланно залихватски пытается продать жареную курицу брезгливому иностранцу. Вереницы лиц, десятки сюжетов для создания ярких полотен.

III. Встреча с мэром

Время, второй властелин на земле после Бога, уверенно проделывало свою работу. Постепенно из ячеек памяти стали уходить кошмарные события, происшедшие с ним в Казахстане и Москве. Но все же, по вечерам, в ожидании чуда Франц дежурил у телефона, надеясь услышать голос Наташи.

Так прошло больше года. Чуда не происходило.

Где-то в глубине души Франц верил, что Наташа жива. Интуитивно он чувствовал: сведения, предоставленные ему через подставное лицо на Петровке, шиты белыми нитками. Несколько раз он порывался отправиться в Москву на поиск девушки, но мудрые слова Харасанова: “Терпение — одно из основных достоинств мужчины” охлаждали его пыл. А в 1998 году, не в далекой Швейцарии, а здесь, в Жмеринке, для него свершилось настоящее чудо. Десятки эскизов, сделанных в родном городе, принесли плоды. Он написал первую за долгие годы бездействия картину и она ему удалась. Критиками были простые жмеринчане, которые ликовали, узнавая самих себя на “палубе родного парохода”.

Это была настоящая удача. Впрочем, просто удачей объяснить появление картины было бы неправильно. Это был результат кропотливой, долгой работы.

Яркая гамма красок, напряженные, грустные и веселые лица жмеринчан запечатлелись на полотне, которое он назвал “Украинские Афины”.

Единоличник и отшельник по натуре, Франц долго пытался скрывать свою удачу, но все же те люди, которым удалось увидеть картину, молчать не стали...

Прошедший на выборах мэра города Виктор Николаевич Жеребнюк и его заместитель Николай Николаевич Сероштан посетили его с просьбой показать полотно. Помня Черновицкое художественное училище доперестроечного периода, он боялся критиков высокого ранга, поэтому категорически заявил:

— Никакой картины нет! Все это выдумки обывателей.

На что Виктор Николаевич ответил:

— Не горячитесь, Бялковский. Я немного знаком с вашей биографией и хочу заметить: те времена, когда людей казнили за живую мысль, безвозвратно ушли. Я имею ввиду эпоху сюрреализма, жертвой которой вы в свое время оказались. Мы с Николаем Николаевичем не большие знатоки художественного искусства, но, думаю, отличить красивую вещь от серятины сумеем.

После его слов Францу пришлось показать картину.

Франц нервничал. Под давлением многолетней подозрительности он не мог правильно оценить улыбки на их лицах.

Слова мэра его приятно удивили.

— А молва на этот раз не солгала. Ну и как, Николай Николаевич, поможем этому полотну увидеть свет?

Все еще внимательно разглядывая картину, Сероштан ровным голосом ответил:

— Думаю, есть смысл. Наш город невелик, но, как говорят в народе: “Мал золотник, да дорог”. В свое время в Жмеринке жил и работал известный всему миру писатель Юрий Смолич. Позже Жмеринку сумел прославить народный умелец — знаменитый жмеринский “Левша”.

Они уехали. Франц сел в кресло, закрыл глаза и попытался вспомнить все то, что он знал об этих людях, пришедших в правление через выборы 1998 года.

Виктор Николаевич Жеребнюк, 1970 года рождения, был человеком новой формации. Молодежь, за которой, как известно из прописных истин, будущее, интуитивно это почувствовала и подавляющим большинством голосов Жеребнюк был избран мэром. Предпринимательская жилка, которая так раздражает наших сограждан в возрасте за сорок лет, безусловно помогала молодому мэру в управлении сложным механизмом.

“Хлеба и зрелищ” требовали древние от своих правителей. Молодежь не обманулась в ожидании. Сонный и пыльный город, каковой была до управления Жеребнюком Жмеринка, стали посещать звезды украинского шоу-бизнеса, певцы, актеры. Что касается хлеба, еще ни одна власть не могла решить этот сложнейший вопрос по мановению волшебной палочки. Проблему безработицы в один день не решить. На все необходимо опять же время.

Анализируя, Франц сделал вывод: жизнь в городе, по сравнению с хаотическим бытом других украинских городов, преобразуется в лучшую сторону. Людям преклонного возраста, которые остались без слащавого и в то же время жестокого пастыря, в общем-то, трудно угодить. Но Франц видел и оценивал: пенсии жителям города выплачивают без задержки. Из официальных источников он узнал, что в границах города передано бесплатно в собственность людям пятьсот два гектара земли. Использовали свое право на приватизацию шесть тысяч граждан. Это был лучший показатель среди всех городов области.

Загнанная в прошлом в глухой угол религиозная община Московского патриархата УПЦ получила помещение городского клуба.

Решением горсовета от 27 мая 1999 года была создана инспекция по контролю за благоустройством и санитарным состоянием города.

Решением пятой сессии горсовета от 25 февраля 1999 года в городе основывалась телерадиокомпания.

Когда в августе 1998 года городской топливный склад в связи отсутствием финансирования по указанию “Винницаоблтопливо” остановил выдачу угля населению по субсидиям, предприятие “Экспресс” закупило уголь по низкой цене и отпустило населению.

Франц перечислял в памяти многие, на первый взгляд незначительные, факты плодотворной для города работы Виктора Жеребнюка, и все больше убеждался: этому человеку можно верить.

Заместитель мэра Сероштан Николай Николаевич был в городе своим человеком. В районе “Корчевка” проходило его детство. Здесь, в Жмеринке, произошел его рост и становление. Один знакомый Франца, простой человек, отозвался примерно так о Сероштане: “Ты спрашиваешь про Кольку?.. Свой мужик, я с ним долго работал. У него запросто можна в тяжелый момент занять пятерку!”

Франц боялся и в то же время верил, что эти люди его не подведут. Он хорошо помнил то время, когда творческие, интеллигентные люди, если они не вкладывались в рамки понятий высокопоставленных демагогов, вызывали бешенство. В книге Марины Влади “Прерванный полет” о Владимире Высоцком хорошо описана эта ненависть. Когда Высоцкий посетил уже “выброшенного на свалку” Никиту Хрущева и спросил за что тот так клеймил на съездах поэтов-модернистов, Никита ответил: “Мне говорили, что все они педерасты”. Вот в каких условиях приходилось лучшим представителям страны создавать культуру, творить, дышать, работать.

Все еще закомплексованный мозг Франца выдавал болезненные импульсы: “А что, если демагоги вернуться?.. А что, если повторится опять черновицкая история?.. А что, а что...?”

Тягостные раздумья прервал телефонный звонок. Аппарат выдавал короткие, требовательные сигналы. Франц поднял трубку.

— Алло, здравствуйте. Франц Бялковский у телефона. С кем я буду разговаривать?

Слезы радости переместились куда-то в горло и захлестнули дыхание. Перед глазами поплыли радужные круги.

— Франек, милый, не узнал? Это я, Наташа!

IV. Жизнь прекрасна и удивительна

Потрясение было столь сильным, что ответить ей он не смог. В трубке раздался треск, голос стал отдаляться, затем пошли короткие гудки. Испуганный, он бегал возле телефона то и дело поднимая трубку.

Наконец опять пошли длинные гудки.

— Алло, алло, Наташа, это я!.. Где ты, что с тобой?

Она плакала. Он отчетливо слышал громкие всхлипывания.

— Франц, милый, я уже второй день через справочное пытаюсь разыскать твой телефон. Мне не верится, что я слышу твой голос.

— Наташа, милая, где ты была?.. Где Харасанов, Василий, Татьяна? Они живы?

— Франек, их нет в живых. Я отбывала срок в подмосковном Калининграде. Вышла по амнистии.

— Но почему раньше не писала, не звонила?

— Это длинный разговор... боялась... Меня постоянно мучил страх.

— Но почему, за что тебя посадили? Ведь ты фактически ни в чем не виновата!

— Деньги, оружие, недонесение властям. Это длинный разговор, может, встретимся и поговорим?

— Конечно, милая, немедленно приезжай! Куда переслать тебе деньги, говори!

Ручка прыгала в руке, от нервного напряжения знобило.

— Я на Киевском вокзале. Деньги у меня есть. Через два часа будет на Жмеринку поезд.

Радость вперемешку со страхом, что он опять ее потеряет, не давали успокоиться.

— Наташа, какой номер поезда, какое сообщение? Я тебя буду встречать, немедленно выезжай!

С этого момента он больше находился на вокзале, чем дома. Домой он заходил только для того, чтоб выпить стакан крепкого чая. Мать, как могла его успокаивала, но измотанные нервы успокоения не находили.

О предстоящем приезде девушки знала только мать. Юрка Мазур, выглядывая из киоска, подозрительно его рассматривал и улыбаясь говорил:

— Что-то ты стал на привокзалке постоянно крутиться. Может, валютчиком хочешь заделаться? Смотри, это занятие — палка о двух концах.

Франц устало улыбался и отвечал:

— Да нет, братан, тут другое ..., давай выпьем по “сотке”.

Они наскоро выпивали. Франц пять—десять минут высиживал у него в киоске.

Юрка Мазур с годами не менялся. Длинноногий и поджарый парень живо интересовался всеми событиями, происходящими в городе. Не переставал засматриваться на каждую проходящую мимо красивую девушку. Вот и сейчас он затаил старую песенку.

— Люблю, Франек, молодых!.. Как пройдет мимо, окатит запахом горячего стройного тела, хочется догнать и укусить.

Франц рассмеялся. Здоровые инстинкты, вытесненные порой у многих молодых людей алкоголем и наркотиками, его всегда забавляли.

— А за какое место ты бы ее укусил, естественно, с позволения? — спросил он у Малыша.

— За самое красивое, конечно, — отвечал Малыш и подмигивал Францу.

На привокзалке действительно произошли большие изменения. Вместо обшарпанных “Запорожцев” и допотопных автобусов сверкали новенькие “Мерседесы”, роскошные “Вольво” и БМВ. Несмотря на извечное украинское нытье о тяжелой жизни, молодежь все же находила средства чтоб шагать в ногу со временем.

В кафе “Рилакс”, куда они часто заходили с Мазуром, было чисто и уютно. Люди нового времени стали понимать толк в комфорте и пыгались чему-то научить земляков с убогим мышлением. Директор кафе Якубович Игорь Валентинович лично подавал этому пример. Симпатичный молодой человек часто заходил в кафе, отдавал краткие деловые распоряжения персоналу. Жизнь двигалась, бурлила — не стояла на месте.

Когда Франц нетерпеливо расхаживал по второй платформе в ожидании поезда, к нему подошли двое хорошо одетых мужчин.

— Ну, и как ваши картины? — обратился с вопросом один из них. — Что-то больше вас не видно за работой.

Полковник линейной милиции Чижик и его заместитель Носач, оказывается, были также не чужды искусству. Тогда, когда он делал наброски на пятой платформе вокзала, они были в милицейской форме и откровенно его напугали. Сказывались казахстанские и московские перипетии.

— Да так, — замылся он, — кое-что получается, но, в основном, до совершенства далеко.

— А нам показалось, что не так уж и далеко, — серьезно сказал полковник. — Хотелось бы посмотреть готовую картину.

— Вокзал — это гордость Жмеринки, — добавил Носач. — Сделаете картину — обязательно покажите.

Они ушли, а Франц, чувствуя скованность и смущение, остался стоять на перроне.

“Оказывается, я здесь уже становлюсь известным как художник. Хорошо это или плохо, кто бы мне подсказал?”

Когда Наташа вышла из вагона, у него перехватило дыхание. Время сделало ее красотой еще более утонченной и прекрасной.

Короткая стрижка обнажила изящную шею, переходящую в красивой формы округлые плечи, стройную спину. Узкая талия переходила в плавно очерченные бедра и длинные стройные ноги. Классическое лицо, огромные глаза дополняли удивительное сочетание гармонии. Девушка была настоящей красавицей.

Он целовал ее мокрое от слез лицо и впервые за долгие годы почувствовал, что счастлив.

Несколько часов они провели дома, а затем, чтоб побыть наедине, пошли гулять в парк “Горького”.

— Расскажи, Наташа, что произошло на той квартире в Подмоскowie. Это тяжело, но нам без этого не обойтись.

Она словно оцепенела. Он обнял ее за плечи, прижал к себе.

— Не бойся, я с тобой.

Ее голос был вымученным и глухим.

— Ты уверен, что это необходимо?.. Не будешь жалеть?

— Нет, это необходимо.

— Нас бросили в подвал, а затем через каждые два-три часа насильовали. После того, как я плюнула Жарылгапову в рожу, он приходил одним из первых. Это был настоящий садист. Татьяне он постоянно прижимал грудь сигаретой, самолично хлестал ремнем. Мне прокалывал грудь вязальными спицами, те же спицы загонял под ногти.

— Хватит, прекрати, — выкрикнул Франц. — Дважды из-за меня ты подвергалась мучениям. Как я буду с этим жить?
— Замолчи, Франц, очень прошу, замолчи! Только благодаря любви к тебе я выжила. Понимаешь, мы должны все забыть!

Он метался словно зверь по усыпанной желтыми листьями аллее.

— Дальше, что было дальше? Как убили Харасанова, Василия и Татьяну?

— Они нас остановили у самой машины. С Жарылгаповым что-то произошло. Казалось, он сошел с ума. Несмотря на уговоры Константина, начал стрелять. Где-то рядом была милицмейская засада. Меня ранили в живот, я упала, но все видела. Пули на моих глазах изрешетили Харасанова. У Татьяны сорвало череп, Василию попали в лицо. Жарылгапова и его людей также всех перестреляли. Я лежала в луже крови и слышала заключение медиков.

— Дальше, что было дальше?

— Два месяца я пролежала в больнице. Потом пришел запрос из Казахстана. О тебе никто не упоминал. Адвоката мне дали только на суде. Мне сокамерники так и сказали: “Будь у тебя с самого начала следствия адвокат, ты бы отделалась легким испугом.”

— А в зоне, как ты выжила в зоне?

— В зоне было паскудней всего. Эти бесконечные приставания извращенцев — “коблы”¹, “коблихи”² — полнейшая моральная и физическая грязь.

Она сжала пальцы. Под розовыми ногтями он увидел синие ложбинки шрамов.

— Как поступала ты!?

— Дралась! Без конца дралась, — улыбаясь ответила она. — Из-за этого почти весь срок просидела в штрафном изоляторе. А затем вышла амнистия для впервые судимых по легким статьям.

Разговаривать не хотелось. Они долго молчали. Одетые в желтую листву дерева, словно под впечатлением ее рассказа, замерли, встречая сумерки. Тишину прекрасного осеннего вечера нарушил протяжный гудок тепловоза. Франц, прикинув губами к ее душистым волосам, сказал:

— Теперь все позади. Если Бог и Фортуна от нас не отвернутся, мы сможем быть счастливыми. Ведь нам пришлось столько пережить.

Пытаясь сделать это незаметно, она смахнула со щеки слезу.

— Ты плачешь, дорогая! Что тебя тревожит, скажи! Если это слезы счастья, почему ты пытаешься их скрыть?

— Лагерная привычка. Если в зоне видят слезы — ожидай неприятностей. Таков там жизненный уклад. Слезы считаются признаком слабости, растерянности души.

— Забудь о лагере, милая. Мы сейчас в другом мире. Верь, что все будет хорошо и все сбудется. И еще... Как твои родители? Ты сообщила матери, что находишься на Украине?

— Нет, зачем? Им до меня нет дела. Пьянство, вечные ссоры, для них смысл жизни заключается в бутылке.

— Не говори так, Наташа. Мать всегда остается матерью. Нужно уметь прощать. Только благодаря этому закону люди и живут на земле. Напиши ей письмо, объясни, она все поймет.

— Хорошо, но только не сейчас. Мне постоянно кажется, что это еще не счастье, а его призрак.

От ее слов ему стало жутко. Точно такое-же чувство испытывал и он. “Необходимо ее подбодрить, придать уверенности в завтрашнем дне”.

— Оставь, милая, мрачные мысли. Через несколько дней съездим в Киев, Одессу. Ты увидишь прекрасные города, увидишь сказку земли — море.

Она смотрела на него широко открытыми глазами. Он видел как пелена скованности, страха рассеивалась, исчезала.

— Улыбнись, Наташа, я тебя очень прошу. Тебе так идет улыбка...

Она улыбнулась.

Вот теперь хорошо. А теперь пошли домой. Я тебе покажу то, чем я жил все это время. То, что спасло меня от самоубийства.

Она заинтересовано на него посмотрела, а затем понимающе улыбнулась.

— Наверное, картина. Ты опять начал рисовать?

Они пришли домой. Когда Наташа рассматривала картину, он не сводил с нее глаз. Ее оценка имела для него огромное значение. Девушка долго молчала. Что происходило в ее душе, было пока для него загадкой.

— Я выросла возле огромного вонючего террикона, — начала издали она, — в искусстве, в общем-то, мало разбираюсь. Но сегодня, сейчас могу точно сказать: Франц Бялковский, вы состоялись как великий художник!

Она бросилась ему на шею и ее радость была для него самым большим подарком на свете.

— Ты не представляешь, Франц, что я чувствую, глядя на эту картину. В душе что-то происходит, какая-то волна божественного света вливается в сердце.

Она вряд-ли знала что-либо о Гогене, Тициане, Рафаэле и Пикассо. Франц не брался высоко оценивать свои произведения, но знал наверняка, точно такие-же слова высказывал мир, глядя на полотна великих художников. Не так давно в Эрмитаже он сам ощущал подобное, глядя на великолепные подлинники истинных мастеров живописи.

В эту ночь, засыпая в объятиях прекрасной женщины, он шептал: “Господи, как прекрасна и удивительна жизнь”.

V. Адаптация. Пистолет “Беретта”

Молодость всегда сопряжена с такими понятиями как любопытство, жажда познаний и свежесть чувств. Все эти понятия были присущи и не чужды далекой от украинского быта Наташе.

Франц с интересом наблюдал как впитывает в себя девушка украинский быт. А своеобразный украинский менталитет вызывал у девушки веселую улыбку.

— У вас народ в тысячу раз мягче, чем у нас в Казахстане, — часто повторяла она. — Возьмем, к примеру, ваше отношение к пьяницам. С одной стороны — вечные бойцы против пьяниц, женщины кричат: “Щоб вони повыздыхали ци пьяници”, а с другой: “Та хибя ты нэ козак, выпый чарку”. Или, в отношении нищих: “Та якый же вин жэбрак, прыдурюється” и тут же: “Визьмы копийочку, купы що-нэбудь”. Наши казахи, да и русские, у пьяницы, если что не так, бутылку отберут, нададут по шее. А нищему, если он вызывает подозрение, в жизни не подадут.

— Это еще полбеда, — смеясь отвечал ей Франц, — есть вещи гораздо покруче, в политике, например.

Она была истинной женщиной. Политика ее не интересовала, как и то, что он этим хотел сказать.

Обилие фруктов вызывало у нее неподдельный восторг. Бесхозные яблони и груши, усыпанные плодами, поражали воображение

— Нашим скажи — не поверят. У нас кроме карагача ничего толком не растет.

Франц возражал.

— А уголек в Караганде, а цветные металлы в Усть-Каменогорске? Не скажи, Наташа, Казахстан хоть степная, но богатейшая земля.

— Что мне до цветных металлов, — хохотала девушка. — Впервые вижу, чтоб орехи под ногами валялись.

Быстро пролетали дни счастья, о которых они так мечтали в Казахстане и Москве. Иногда шестичасовым поездом они ездили в Винницу, где у Франца были родственники.

Однажды утром, прогуливаясь возле “Книги” по Хмельницкому шоссе, Франц отлучился, а когда вернулся, увидел на лавочке возле храма Наташу в компании неизвестного мужчины. Его лицо показалось Францу знакомым. Неподалеку стоял молодой парень, явно охранник.

— В чем дело, Наташа? Может нас познакомишь? — натянуто спросил Франц.

— Не стоит просить об этом девушку, — поднялся мужчина. — Бизнесмен из Лос-Анджелеса Джон Морган.

Франц опешил. Что делает здесь известный бизнесмен, и о чем они с Наташей могут говорить?

— Внешность вашей девушки меня заинтересовала, — сказал Джон на отличном русском языке. — Есть у нее что-то общее с известной американской фотомodelью. Я решил поинтересоваться не звезда-ли наша к вам пожаловала?.. Впрочем, ваша девушка и без титулов звезда. Могу вас заверить — красота у нее необычайная. Мой совет: не оставляйте такую жемчужину без присмотра. Но дело не в этом, — улыбнулся Джон, — мы тут разговариваем о Казахстане. В Семипалатинске и Усть-Каменогорске у меня много друзей. Кстати, одно время мы у них закупали цветные металлы для нашей промышленности. Неплохо-бы нам снова наладить связи в этом направлении. Ну, да ладно, — Джон посмотрел на часы, — время прогулки истекло. Вот вам моя визитка, если будут проблемы — звоните.

Он ушел. Франц не знал что сказать Наташе.

— Чего ты сердисься, Франек, он нормальный мужик. Проходил мимо, поинтересовался. Тебе должно быть лестно, что я вызываю интерес у таких людей.

— Да я не против, Наташа, но он прав. Тебя нельзя оставлять без присмотра. Еще, пожалуй, украдут.

После обеда они возвращались в Жмеринку. Хорошее настроение требовало действий. Франц и Наташа переодевались в спортивную одежду и отправлялись в лес.

Природа Украины не переставала изумлять девушку. Березы, дубы, тополя, сосны смешанных лесов вызывали восхищение. Мягкая сочная трава поражала ее воображение.

— В Казахстане травы уже давным-давно выжжены, ветры гуляют, а в ближайшие недели выпадет снег.

В ее голосе он уловил затаенную тоску.

— Письмо матери бросила? — невольно задел он ее болезненное место.

— Уже вторая неделя пошла... ни ответа, ни привета.

Он попытался ее успокоить.

— Письма туда порой идут месяцами.

Ее глаза блестели.

— Знаешь, Франек, мне впервые стало ее жаль. Наверное потому, что у нас все хорошо. Любовь делает нас мягче и добрее.

— Это старая истина, Наташа, можна сказать вечная от Бога.

— Я каждый вечер слышу, как ты молишься. Скажи, Франц, ты действительно веришь в Бога?

— Верю и всегда верил! Убежден, что высшая сила существует несмотря на то, что вырос в семье атеистов.

— А я не знаю... Столько хороших людей вокруг погибает. Почему он их не спасет?

— На подобный вопрос в мире людей нет ответа. Возможно, они ему там нужнее, потому что добрые. А, возможно, за грехи родителей. Ведь мы привыкли видеть только то, что видим. А мир многолик. Когда пишешь картину, подбираешь гамму красок, начинаешь это ощущать.

А иногда мне кажется, что голубое небо, зелень полей и лесов, цветы — все это становится постепенно враждебным человеку, не верящему в Бога. Абсолютно все запрограммировано на любовь. Если человек систематически нарушает божественные законы, приходят болезни, мор, войны, всевозможные катаклизмы. Даже люди в принципе не злые, но нарушающие заповеди Всевышнего, вычеркиваются из жизни.

— А знаешь, Франц, я до сих пор не могу поверить, что Василия и Кости Харасанова нет в живых. Ведь эти люди по своим характерам не были злыми. Почему так произошло?

Он и сам часто задавал себе этот вопрос.

— Трудно сказать, но Харасанов, в принципе, был корыстным человеком. Дипломы техникумов, институтов, водительские права — все ведь он затеял ради наживы. Коваленко — другое дело. Его покалечила мать. У меня есть, Наташа, предложение. Давай пойдем в магазин, возьмем бутылку вина и помянем их добрым словом.

Поздним вечером, веселые, они возвращались домой. Около базара на большой скорости их обогнала сверкающая лаком машина. Через мгновение завизжали тормоза, “Форд” резко остановился.

“Номера киевские, — отметил про себя Франц. — Кажется, сегодня я видел этих ребят в супермаркете на Ленинской”.

Вальяжной походкой два крепыша подошли к молодой паре.

— Извини, брат, можно тебя на пять минут? Есть дело.

Один из незнакомцев взял Франца под руку, отвел в сторону.

— Я слушаю, можно сказать, весь — внимание, — улыбнулся Франц.

— Мы тут сегодня видели вас в магазине... Скажи, кем тебе приходится эта девушка?

Франц очень удивился вопросу.

— Жена, а что, не похоже?

— Ладно, земляк, не гони... Жены такими не бывают.

Франц начинал злиться.

— Знаешь, дружище, даже закон не имеет права вмешиваться в личную жизнь граждан.

— Глохни, мужик! Тебя по-хорошему спрашивают. Кто она тебе? Жены такими красивыми не бывают.

Злость все больше нарастала. Через плечо незнакомца Франц видел как второй пытается взять Наташу за руку.

— Так, земля, — сказал он в тон незнакомцу, — говори, что хочешь и чеши отсюда.

Тот ослабилась.

— Может, уступишь телку, а?.. Мы тебе сгрузим пару тысяч баксов... Как?..

Подобной наглости с времен знакомства с Жарылгаповым Франц не встречал. Вспоминая приемы боя, которым его обучал Константин, он ответил:

— Уступлю, земля, почему не уступить свои доски на твой гроб?!

Как художник он хорошо знал анатомию человеческого тела. Удар ребром ладони пришелся нагледу точно в кадык. Без единого звука толстяк свалился на землю. Тот, который стоял возле Наташи, мгновенно среагировал. Он выхватил пистолет, обхватил рукой шею девушки и приставил дуло к виску.

— Ты что делаешь, козел? Сейчас я твою телку завалю!

Единственной его бедой было то, что он не знал какую науку прошла девушка в подмосковной колонии. Удар в пах правым коленом был произведен по всем правилам — точно и мощно. Он взвыл, словно погибающий паровоз времен гражданской войны.

— О, господи, Наташа, где ты такому научилась? — изумился Франц. — Я думал, что “Ксены — принцессы-воины” водятся только в фильмах.

— Все там-же, Франек, все там-же!

Первый бандит в сознание не приходил. Второй продолжал подвывать где-то за хозяйственным магазином.

Франц поднял новенькую “Беретту” и показал девушке.

— Ребята неплохо экипированы... “Форд” последней модели, “Беретта” последнего образца. Что, возьмем ее себе на память?

И все же хорошее настроение этим случаем было испорчено. Опять повеяло чем-то гадским. В душе появилось ощущение дискомфорта.

— Знаешь, Франек, — сказала Наташа, — мне кажется мы неплохо отдохнули. Пора-бы и устроиться на работу.

В ту ночь они спали тревожным сном. К Францу явился Харасанов. Увешанный оружием, он вел себя агрессивно, без конца выкрикивал: “Хочешь выйти сухим из воды?! Ничего не получится, ты тоже убивал!...”

Из кошмарного состояния его вывели слова Наташи:

— Успокойся, дорогой, не кричи... Проснись, пойдти выпей воды.

На следующий день они отправились в поисках работы. Как Франц ни уговаривал Наташу повременить, она реагировала однозначно.

— От безделья я вскоре сойду с ума. У тебя, дорогой, есть картины, а мне необходимо чем-то заняться.

Он удивился ее рвению, пытался настаивать.

— Наташа, не глупи, у нас осталось от подарка Харасанова восемнадцать тысяч долларов. Этого хватит даже съездить за границу.

— Не спеши, Франц, тратить эти деньги. Кто знает их происхождение?

— Да чего уж теперь говорить, — отмахнулся Франц, — происхождение наверняка доперестроечное. Так что, чего бояться?

Или ее мучили какие-то сомнения, или она чего-то недоговаривала. Он ее не стал “пытать”.

— А куда-бы ты хотела устроиться на работу? Думаю, с этим сейчас всеобщая проблема.

— Знаешь, а ведь я в школе хорошо училась. Особенно математика. Ездил в Алма-Ату на математические олимпиады.

Он удивился.

— А я и не догадывался. Так у тебя есть шанс получить образование. Жмеринский “Проминвестбанк” посылает способных в Киев учиться.

Директор “Проминвестбанка” Надежда Несторовна Гонтарь оказалась очень приятной женщиной. Ее не смутило то, что у Наташи оказались документы “зарубежного” образца. Полученный в Казахстане паспорт не на всех производил благоприятное впечатление.

— Я так думаю, вы хотите остаться на Украине?.. Наверное, выйдете замуж?

Наташа утвердительно кивнула головой.

— Уже подали заявление, муж коренной жмеринчанин.

— Ну, что ж, как секретарь с вашей внешностью вы нам подходите. Не будем скрывать, для хорошего офиса красивая внешность неплохое приобретение. Что касается ваших математических способностей — покажет время. Для начала пошлем вас учиться в Киев.

Сияющая она вышла из кабинета директора. За это время Франц узнал, что Надежда Несторовна человек слова и дела. Является в Жмеринке депутатом городского совета, председатель планово-бюджетной комиссии.

Этот день принес удачу. После обеда Франц взял кисти, мольберт. Они ушли в осенний парк.

Когда вечером они возвращались из парка, в одном из дворов частного сектора Франц увидел знакомый новенький “Форд”. Не щадя цветочную клумбу кто-то преднамеренно спрятал машину под деревьями в глубине двора.

— Думаю, Наташа, это машина наших старых знакомых. Странно, ведь у нас не военное положение. Какой хозяин позволил испаскудить такой шикарный цветник?

Девушка встревожилась.

— Уйдем отсюда, Франц! Ведь у тебя их пистолет. Это добром не закончится.

— Ладно, уходим, только запомни номер дома.

По дороге они молчали, но думали об одном и том же. “Преступный мир прямо или косвенно не желает их отпускать. Откуда эти парни, что они делают в Жмеринке?”

События разворачивались словно в американском боевике. Дома, когда они включили телевизор, диктор винницкой программы “Иштар” сообщил, что областной милицией разыскивается “Форд” последней модели. Владелец машины найден мертвым, автомобиль, по-видимому, захватили преступники.

— Господи, что же это делается? — прошептала Наташа. — Франек, необходимо сейчас же сдать оружие и рассказать где они прячут машину.

Дежурный доложил об их приходе начальнику милиции Бешлею Анатолию Васильевичу.

— Не буду загадывать наперед, но, думаю, что ваша информация нам здорово поможет. Из телевизионной передачи вы узнали только часть информации. Эти парни по Винницкой области оставили еще два трупа. Вот уже вторые сутки мы, можно сказать, на боевом положении. Люди отлучаются домой только перекусить. Что касается пистолета, который вы захватили, мы его оформим как добровольную сдачу. Кажется, вы пришли именно с этими намерениями?

Наташа утвердительно кивнула.

— Вот он, — девушка вытащила из сумочки тяжелый сверток. — Кому передать?

Через несколько минут оперативная группа в составе заместителя начальника розыска Васильева М., старшего уполномоченного Палки В., следователей Ильченко и Кобылянского были готовы. Состав сотрудников второй машины Франц не запомнил, но, как художник, он помнил этих людей в лицо, видел каждый день.

Франц и Наташа ехали в первой машине. Как ни настаивала девушка чтоб ее взяли на место, где скрывались преступники, ответ был однозначен.

Возле дома быта “Рубин” ее высадили. Франц сидел в машине и не видел, что происходило в глубине усадьбы. Где-то далеко вспыхнул свет, раздался шум и тут же тишину ночи разрезала автоматная очередь.

Бандитов усадили в другую машину. По лицам оперативников Франц видел, что операция прошла благополучно.

Майор Палка хлопнул его по плечу и весело сказал:

— Вот и все, Бялковский. Вы нам здорово помогли. Сейчас высадим вас в центре, идите домой отдыхайте!

Лаконизм всегда imponировал Францу. Он любил людей, способных объясняться ёмко и немногословно. Майор Палка вполне укладывался в эту категорию.

У подъезда дома на скамейке его ожидала Наташа.

Господи, Франц, когда закончатся эти сплошные нервытрепки? Кто нас проклял?

— Успокойся, Наташа. Сегодня мы оказали неплохую услугу людям доброй воли. Только представь, ведь у владельца “Форда” где-то есть родители, жена, дети. А другие люди, которых они убили, их семьи..?

— Да я не об этом, Франц... Почему мы так часто становимся невольными участниками подобных событий?

— Кто его знает, Наташа, возможно это судьба.

VI. Они рядом с тобой

Люди, которых он раньше не замечал, с приездом девушки предстали для него в новом свете. Ранее отрешенный, замкнутый, теперь Франц начал интересоваться всем, что его окружало. Несмотря на то, что классика застрелил на Черной речке подлец-карьерист, его слова “любви все возрасты покорны, её влиянья благотворны” остались жить вечно.

Вместе с Наташей он стал посещать старых друзей. Большинство из них разъехались, но некоторые все же остались жить в Жмеринке.

Олежка Мысян, а нынче Мысян Олег Анатольевич, с прошествием лет несколько не изменился.

Вот и сегодня они сидели втроем в уютном кафе “Имидж” и разглагольствовали на разные темы.

Необходимо добавить, что Олег Анатольевич превратился в респектабельного бизнесмена, возглавлял в Жмеринке малое предприятие.

— Ответь мне, Олег, на один вопрос, — обратился к нему Франц. — Почему многие люди клеймят перестройку, тем не менее, всю пользуются благами предоставленной им свободы? Почему в народе так процветает это двуличье?.. За столом клеймят, а затем выходят из дома, садятся в иномарку и едут за город, где у них имеется трехэтажная дача. Ну, я еще понимаю пожилых. Безусловно, они заслужили другую старость. Но ведь у нас на Украине все ноют. И пожилые и молодые. Что ты скажешь на этот счет?

Олежка внимательным, цепким взглядом на него смотрит и отвечает:

— У меня нет двухэтажной дачи, а мои люди уже полгода зарплату не получают.

Франц смеется.

— Вот и ты туда же. Россияне на этот счет говорят четко и исчерпывающе правильно: “Если умеет делать — молодец” или: “Делай ты, кто тебе не дает?” У нас же сплошное нытье, чинопочклонство, вечный поиск крайнего.

Вот смотри, Олежка, — улыбаясь продолжает Франц. — Мы сидим в уютном комфортабельном заведении. Его хозяйка, кажется, Домбровская Наталья Николаевна. Необходимо хороший отзыв записать в книге посетителей. А что было раньше?.. Нет, ты вспомни, — настаивает разгоряченный выпитым вином Франц. — “Фабрика-кухня” — сдвинутые грязные столы, кислый портвейн, поломанные вилки. Знаю, скажешь все было дешево. Но ведь и по-свински... разве это правильно?

Олег Анатольевич молчит. Информация, казалось-бы, простая, но достойная размышления.

— А что ты скажешь, Франц, по поводу развала промышленности, дикой коррупции во всех эшелонах власти?

— Ну, это уже другой вопрос, — говорит подвыпивший Франц. — Это, как-бы тебе получше сформулировать, неправильное использование достигнутых свершений. Концовка звучит по-коммунистически и, думаю, поступать здесь нужно по-коммунистически. Но только в одном направлении. Твердая власть и жесточайший контроль.

— Опять стрелять, что-ли?

— Не стрелять, а пересажать!

Олежка оглядывается и говорит:

— Тех, что нужно, не достать... Те в Калифорнии отдыхают.

Они выходят из кафе. На улице осень. Дышится легко и приятно. Поскольку путь жмеринчанина всегда соприкасается с “привокзалкой”, они незаметно оказываются там.

— Смотри, Франек, а вон наш школьный товарищ Павло Ковальчук. Наверное из Москвы приехал. Договаривается с шофером, чтоб отвез в Кармалюки.

— Эй, Пашка, погоди, не отчаливай! Поговори с одноклассниками!

Ковальчук останавливается, узнает их и кричит:

— Го-го!.. Кого я вижу? Вы откуда здесь взялись?

Они обнимаются, хлопают друг друга по плечу. Поездка откладывается. Они заходят в кафе “Рилакс”, заказывают выпивку.

— Классно выглядишь, Пашка, — говорит Франц. — Рассказывай, как живешь? По внешности видно жена хорошая.

— Не жалуюсь, баба — что надо. Родила мне троих детей, по хозяйству успевает.

— Ну, а сам чем занимаешься, откуда путь держишь?

— С Москвы приехал. Двоюродный братан — директор строительной фирмы. Езжу периодически на заработки.

— Хорошо платит?

— Не жалуюсь, по триста баксов в месяц выходит.

Франц стучит кулаком по столу.

— Опять двадцать пять — в Москву на заработки. А еще кричат: “Отделимся от старшего брата.” Отделимся, когда в гробу будем.

Он злится, Наташа его успокаивает.

— Не люблю националистов. От них, между прочим, идут все беды.

Павло Ковальчук — здоровенный мужик. Он и в школе был здоровым парнем: таскал мешки наравне со взрослыми.

— Поехали, мужики, ко мне в деревню. У меня самогон что надо. А обратно отвезу на своей машине. Есть пикапчик.

Франц и Олег соглашаются, но Наташа против.

— Извините, Павел, на сегодня ему хватит. Как-нибудь обязательно приедем. Да и я еще не видела украинскую деревню.

Они опять выходят на “привокзалку”. Частники, словно тамбовские приказчики, со всех сторон выкрикивают одну и ту же фразу: “Куда поедем? Куда поедем?” Ковальчук все еще пытается уговорить:

— А может махнем? Жена будет рада...

Наконец, убедившись, что уговоры бесполезны, он, не торгуясь, садится в “Жигули” и уже на ходу кричит через окно:

— В общем договорились!.. Приеду за вами на следующей неделе!

Домой идти не хочется. Втроем они опять вышли на Ленинскую.

Такое впечатление, что Мисяна Олега знает весь город. Ему кивают из машин, здороваются на улице.

— Олешка, а кто эта приятная женщина? Я ее вижу каждый день.

— Отличный адвокат — Мельник Елена Сергеевна. Ее контора находится на втором этаже старой почты. Если потребуется исчерпывающая юридическая консультация — пожалуйста.

— А эти двое? Они сегодня встречались нам базаре.

— Нужные всем люди. Гаврилюк Василий и Скакун Вячеслав — зубопротезная фирма “Дент”. Так или иначе ты с ними столкнешься. Зубы твои, как я посмотрю, требуют капитального ремонта.

Поток знакомых Олега не прекращается. Фактически, через каждые десять шагов они останавливаются.

— Директор табачной фабрики Загородний Николай, — продолжает знакомить он. — А это — мой школьный товарищ, художник Франц Бялковский со своей женой. Кажется, ты, Франек, специализировался как портретист? Пожалуйста, Николай Александрович, Франц может написать на профессиональном уровне портрет.

Они идут дальше. Франц начинает уставать и от знакомств, и от рекламы его как “знаменитого художника”.

— Ну и что? — не принимает возражений Олег. — Ты ведь действительно художник и впридачу куришь. Можешь заказать для себя и своих друзей отличный сорт табака.

Наташа рассмеялась.

— Он курит мало. Испортил в Казахстане здоровье. Работал на заводе в горячем цеху и на шахте.

— Шахта замучила? — со знанием дела и шахтерских поговорок улыбнулся Олег. — Ну, тогда ему необходимо пить молоко. Кстати, вон едет директор маслозавода Виталий Забаштанский.

Олег окликнул симпатичного мужчину. Франц разлился:

— Да ты что, Олешка, не вздумай меня выставлять как клоуна. О каком молоке может идти речь? Наташа пошутила.

Олег рассмеялся.

— Перестань нервничать, Франц. Он мне нужен по делу. Мы работаем с вредными препаратами, обрабатываем ядохимикатами поля. Моим людям молочные продукты просто необходимы.

— Тогда другое дело. Но, мне кажется, пока мы дойдем до конца Ленинской я уже буду знать весь руководящий состав Жмеринки.

Олег опять посмотрел на Франца пронизательным взглядом следователя.

— А разве это плохо? Когда-нибудь напишешь картину под названием “Жмеринская рада” или что-то другое в истинно украинском духе.

Франц заинтересованно посмотрел на Олега. Этот невысокого роста энергичный человек сформировался благодаря новой жизни. Независимость Украины все же способствовала переформированию украинского менталитета.

Тем временем Забаштанский поравнялся с ними, но останавливать машину не стал.

— Олег Анатольевич, молоко вы получите как договорились. Подробности дальнейшего сотрудничества обсудим на следующей неделе.

Он уехал. Мысан недовольно развел руками.

— Ну, вот, представить тебя по форме, к сожалению, не получилось. Но впереди масса времени и нереализованных возможностей.

На повороте с улицы Ленинской в переулок Февральский Франц попросил Олега и Наташу остановиться.

— Вон в том домике возле школы после революции 1917 года проживали мои родственники по материнской линии. Именно в этом домике проживала семья Караванских. Сейчас мало кто помнит, а ведь мои родные здесь прятали военно-пленных, которых моя мать выпрашивала с подругой в фашистском лагере. В начале войны такое было возможно. Также в этом домике скрывался винницкий еврей Илья Райс, выдавая себя за железнодорожника Виктора Паламарчука. Один донос и семья, из шести человек, двое из которых были дети, пошла бы под расстрел. Все забывается. Только Бог и время всемогущи на этой земле. Кстати, о Создателе. Когда в годы Великой Отечественной войны фашисты разрушили жмеринскую церковь, мой дед по отцовской линии, будучи церковным старостой, получил разрешение переместить церковь в свой дом. Так что, исходя из заслуг моих предков, я имею право жить и творить в этом городе.

Понимая ностальгическое настроение Франца, Олег и Наташа молчали. Из раздумий их вывел шум тормозящих об асфальт колес.

— Олег Анатольевич, я в сторону вашего дома..., подвезти?

Олег уехал. Франц и Наташа вышли на площадь.

— Посмотри, Наташа, — указал Франц на Доску почета возле здания райисполкома. А ведь всех этих людей я знаю. Я сотни раз с ними встречался, как художник помню их лица, но кто они, чем занимаются узнаю только сейчас. Вот так мы рождаемся, живем, умираем не успев узнать того, кто живет рядом с нами. Нет, я все же останусь жить в этом городе и напишу эти лица. Одной картины недостаточно. Необходимо всех запомнить, помоги мне в этом.

Она стала зачитывать фамилии, названия предприятий. Он пытался запомнить.

— Полиграфическое предприятие “Пресс-Реал”, его директор Репей Валерий Иванович. Жмеринский мясокомбинат, директор Чупик Григорий Андреевич. Табачно-ферментационный завод, Загородний Николай Александрович. Предприятие “Экспресс”, Черный Валерий Тимофеевич. Начальник Жмеринской городской милиции Бешлей Анатолий Витальевич. Осетрова Т. В. — преподаватель музыкальной школы, Чипизубов М. П. — директор общества “Лагуна”, Зеленчук О. Т. — учитель, Петлик В. П. — старший оперуполномоченный Жмеринского РВ УМВС, Карий С. Е. — серебряный призёр чемпионата Европы, Золокоцкий И. К. — директор школы, Митрашевская К. А. — начальник отделения связи № 4, Тарковер Б. М. — директор Харьковского филиала академии сельского хозяйства, Грибок Н. М. — сотрудник табачно-ферментационного завода, Платонова Л. В. — контролер водопроводного хозяйства, Добросердов В. Д. — врач.

VII. Дмитренко Николай Андреевич

Прежде чем уехать в Киев, они с Наташей опять посетили старенькую тетку Франца, которая проживала по улице Свердлова. В свое время тетка Анна работала на известных в Виннице предприятиях — конфетной фабрике и мясокомбинате.

У подъезда двухэтажного дома Франц и Наташа увидели сверкающую лаком новенькую “Волгу”.

— Интересно, кто это посетил тетку Ганну? — сказал Франц. — Ее соседи, престарелые евреи, недавно уехали в Израиль, новые жильцы еще не вселились. А второй этаж вообще нежилой.

Когда через окно Франц увидел в квартире человека в белом халате, сердце забилось учащенно.

— Господи, неужели с теткой плохо?! Ведь только недавно умер ее муж Владимир.

Наташа сжала его руку.

— Не торопись с выводами, Франек, пройдем в квартиру — выясним.

Они прошли в квартиру. На стареньком диване сидели двое мужчин и мирно беседовали с теткой Ганной. Франц, облегченно вздохнув, сказал:

— А мы уже думали, что с вами произошло плохое. Один из ваших гостей в белом халате, мы решили — доктор.

Оживленная, помолодевшая тетка улыбнулась.

— Это люди с моей бывшей работы. Знакомьтесь: Николай Андреевич Дмитренко — директор ОАО “Винницмясо”, по-просту — мясокомбината, а это — его заместитель Василий Степанович Белаш. Приехали проведать, кое-что из продуктов привезли. Приглашают посещать бесплатные обеды в столовой комбината. Я ведь ветеран предприятия, проработала двадцать пять лет.

— А я и не знал, тетя Аня, — Франц обнял старушку за плечи. — Что касается бесплатных обедов, в наше время это уже много.

Николай Андреевич Дмитренко, симпатичный, плотно скроенный мужчина, заинтересованно посмотрел на Франца.

— По вашему выговору смею судить, что вы в последние годы жили за пределами Украины. Если не секрет, где и чем занимаетесь?

— Угадали, — Франц улыбнулся. — Жил сначала в Казахстане, а затем в России. Что касается специальности, она вам может показаться, с точки зрения рабочего человека, несколько абстрактной. По крайней мере с 1917 года о художниках говорили примерно так: “А-а-а, художник..., ну это, братцы, не работа!”

Николай Андреевич громко рассмеялся:

— Вы меня рассмешили Франц. Действительно, чтоб выглядеть неизнеженными и мужественными поборниками пролетариата, некоторые начальники бравировали подобными выражениями. Но ведь не все. Да и перед такими людьми как Пикассо, Рафаэль, Гоген, Рембрандт преклоняется мир.

Василий Степанович Белаш, который в данной ситуации предпочитал молчать, на этот раз заметил:

— Но ведь все поменялось. Теперь даже нас, людей самой прозаической профессии, искусство интересует.

Франц не переставал удивляться. Жизнь на Украине действительно менялась в лучшую сторону. На смену иронии и скептицизму в отношении людей творческих профессий пришло понимание.

— А знаете, Франц, — обратился Дмитренко Николай Андреевич, — поехали сейчас к нам в гости. Посмотрите как в цехах работают наши люди. Думаю, как художнику, вам посмотреть будет интересно.

Наташа вопросительно посмотрела на Франца.

— Может, в другой раз? Нам еще собираться в Киев.

— Нет, дорогая, другого случая увидеть как работают люди в мясной промышленности может не представиться. В свое время Максим Горький и Маяковский не упускали случая посетить бойни Чикаго. Так что если вы еще не передумали, я согласен.

Гидом на предприятии ОАО “Винницмясо” вызвался быть Василий Степанович Белаш.

Цветочные клумбы, замечательная растительность на территории комбината сразу же поразили Франца. “Интересно, как они этого достигли? Трудно представить, что здесь территория такого сложного в плане очистки предприятия. Цветы, воздух без скверного запаха. Хоть сейчас доставай мольберт и садись за работу.”

Белаш улыбнулся произведенному впечатлению и сказал:

— Иностранцы также удивляются. Все это плоды коллективного труда. А теперь пройдемся по цехам плюс параллельно информация.

— Комбинат, как базовое предприятие был основан в 1930 году. В период Отечественной войны 1941—1945 гг. был значительно разрушен. Благодаря энтузиазму коллектива предприятие быстро восстанавливается, расширяется с целью расширения ассортимента. Основная цель — внедрение новых технологий, которые позволяют сделать производство безотходным. Предприятие множество раз отмечалось правительственными наградами.

С 1994 года на базе Винницкого объединения мясной промышленности создано открытое акционерное общество “Винницамясо”, базовым предприятием которого является Винницкий мясокомбинат.

Они ходили из цеха в цех и удивлению Франца не было границ. Безотходные технологии, чистота в цехах, слаженная работа коллектива говорили о том, что люди действительно работают с любовью. Некоторые цифры, приведенные заместителем генерального директора, плохо укладывались в голове художника.

Колбасный цех — 135 тонн колбасных изделий в смену. Консервный цех — 50 тысяч условных банок в смену. Холодильник по замораживанию мяса — 1000 тонн в смену.

Ассортимент выпускаемой продукции поражающе: мясо, жиры, субпродукты, более семидесяти наименований колбасных изделий, сорок наименований консервных изделий, ферментная продукция, сухие животные корма, сгущенное молоко, сливки, все — вплоть до самого святого для каждого человека — хлеба.

Василий Степанович все перечислял достижения коллектива, возглавляемого Дмитренко Н. А. и Францу казалось, что он на выставке где-то в Голландии или в Швейцарии.

— Нашу продукцию мы экспортируем в такие российские города как Москва, Вологда, Мурманск, Ярославль, Новгород, Санкт-Петербург и множество других городов. На Украине хорошо знают нашу продукцию в Киеве, Одессе и опять-же во многих других городах. Из дальнего зарубежья мы поддерживаем связи с такими странами как Норвегия, Италия, Германия, Румыния, Польша.

Когда наши люди уходят в отпуск, они получают дополнительную оплату в размере одного оклада, а при выходе на пенсию, в зависимости от стажа, им выплачивается одноразовая помощь от одного до трех окладов. С 1997 года в столовой комбината введено бесплатное питание для рабочих. Мы оказываем помощь множеству предприятий...

— Хватит!.. Хватит, Василий Степанович. Я в искреннем восторге от услышанного, но, слушая вас, начинаю беспокоиться.

— Что вы имеете в виду? — улыбаясь спросил Белаш.

— Боюсь, что перечисляя такое множество достигнутых трудом заслуг вы все это можете сглазить.

— Думаю, что нет, — продолжал невозмутимо улыбаться Белаш. — Мы работаем по божьему принципу: с любовью в сердце и душе. А кто так работает, может глаза не бояться.

— Наверное вы правы, — немного подумав ответил Франц. — Любовь и труд в этом мире важнее всего.

Они еще долго осматривали территорию, а когда вышли — на проходной их ожидал генеральный директор ОАО “Винницамясо” Дмитренко Николай Андреевич.

— Ну и как, Бялковский, станете писать портреты наших людей?

— Обязательно! Обязательно, Николай Андреевич. Идя на ваше предприятие, я ожидал увидеть мрак и серость, грязь и озверелые лица. Ведь так описывали работников мясной промышленности многие авторы. Вместо этого я увидел высокую культуру производства, целеустремленных и красивых людей. Через один-два месяца ожидайте меня у себя с мольбертом.

VIII. Игорь Матковский

Они стояли на перроне Винницкого вокзала в ожидании электрички. Винницкий вокзал ничуть не изменился. Те же кресла в зале ожидания, тот же устоявшийся десятилетиями специфический запах.

Пышнотельные буфетчицы с мясистыми затылками по-прежнему деловито наливают сто граммов припухшим пассажирам. А доблестная труженица-милиция шевелит огромное количество бомжей, то и дело пытающихся выкроить немного отдыха в пластмассовых креслах.

— До отправления электрички еще добрых тридцать минут, — сказал Франц, — а если учесть, что на минут пятнадцать она всегда опаздывает, у нас куча времени. В здании диспетчерской на троллейбусной остановке открыли новое почтовое отделение. Пойдем, там пересидим, ненавижу вокзал.

Просторный зал дышал чистотой и уютом. Сверкали новенькие стойки, в атмосфере уюта люди были внимательны и добры.

— Действительно, здесь не то, что на вокзале, — улыбнулась Наташа. — До чего же комфорт меняет настроение.

— У нас комфорт до недавнего времени считался чем-то вроде причуды поганных интеллигентов, — сказал Франц. — Всех хотели видеть примерно в одинаковой обстановке, стандартной одежде, стандартно постриженных с одинаковым текстом на устах.

Наташа его словам не придавала значения. Она родилась и выросла в Казахстане. Там на такие мелочи внимания не обращали. От тысяч шахтеров, одетых в спецовку, даже веяло чем-то родным и неотъемлемым.

В зал вошел хорошо одетый мужчина и огляделся по сторонам. Что-то в его облике показалось Францу знакомым... глаза, порывистая походка,

Он пристально рассматривал Франца.

— Извините, вы не Франц Бялковский? — спросил мужчина.

Франц рассмеялся.

— Да, Игорек, ты не ошибся, — ударил его по плечу возбужденный Франц. — Как ты здесь оказался? Ведь твоя родина, кажется, западная Украина?

Игорь Матковский, студент мединститута, с которым они дружили в Черновцах, так и остался горячим и нетерпеливым человеком.

— Получил направление в Винницу. Работаю в четвертой городской поликлинике инфекционистом. А куда ты запропастился?.. Я слышал, у тебя были крупные неприятности с органами?

— Ладно с моими неприятностями. Расскажи лучше, что такое “инфекционист”.

Матковский заинтересованно на него посмотрел.

— Что такое ВИЧ-инфекция, надеюсь, ты знаешь?

— Господи! Неужели ты выявляешь людей, больных СПИДом?

— Вот именно, выявляю. И поверь, ситуация как на Украине, так и здесь, в Виннице, весьма печальна.

— Но как с этим бороться? Что делает, к примеру, в этом направлении винницкая медицина?

— Пока в городе не будет создан областной центр по реабилитации больных СПИДом, все наши усилия будут бесполезны.

Матковский устало махнул рукой и Франц внутренне почувствовал какая огромная ответственность лежит на этом человеке.

— А что, в Виннице имеются ВИЧ-инфицированные? — спросил Франц.

— Господи, Франц! Чувствуется, что ты живешь в своем мире и что происходит в обществе тебя не интересует! В области официально зарегистрировано двести носителей ВИЧ-инфекции. Особую группу риска по распространению инфекции представляют наркоманы. Таковых в области шестьсот шестьдесят человек. Но это официальные данные. Реальное их число — пять-шесть тысяч. Учитывая эту цифру, мы считаем, что количество неучтенных статистикой ВИЧ-инфицированных в Виннице уже колеблется от полутора до двух тысяч человек.

Франц похолодел. Эти цифры показались ему невероятными, пришедшими откуда-то из фантастических рассказов Саймака или Азимова. Еще совсем недавно Украина в плане СПИДа была чистой, словно вода в лесном роднике. Как такое могло случиться?

— Послушай, Матковский, ты упоминал что-то про область. Откуда у жителей райцентров и сел мог взяться СПИД?.. Это просто невероятно!

— Не смей меня, Франц, — Матковский вытащил из кейса потрепанный блокнот. — Вот, послушай, ВИЧ-инфицированные выявлены в двадцати районах области. Также в заведениях УМВД, на железнодорожном транспорте, в войсковых частях, дислоцированных на территории Винницкой области. Показатель распространения наибольший в Тульчинском районе — 28,5 на 100 тысяч населения. Томашпольском 21,7, Крыжопольском 11,6, Пещанском 11,2, Теплицком 8,2, Калиновском и Тростянецком 7,5.

Он закончил, демонстративно посмотрел на молодых людей, которых бросило в холодный пот. “Ну что ж, — подумал Франц, — писатели-фантасты опережают мыслью события на много веков вперед и оказываются правы. Вот так, наверное, в далеких галактиках вымирают жители планет с пришествием монстров, подобных СПИДу.”

— А что делается в этом направлении? Ведь нельзя сидеть сложа руки?! — спросил и одновременно констатировал Франц.

— Пытаемся что-то делать. Трепыхаемся словно рыбка на льду, — ответил Матковский. — Недавно, а именно первого октября 1999 года, создали в Виннице благотворительный Фонд по борьбе с ВИЧ-инфекцией. В Фонд входят известные люди. К примеру, членом Фонда является известный в городе меценат, который помогает многим организациям, Николай Дмитренко. Также в Фонд входят общественные деятели: Людмила Сосновская, полковник Анатолий Сопко, Артем Фляжников, Анатолий Сосновский и другие. Для тебя и твоих знакомых банковский счет нашего благотворительного Фонда “Жизнь” таков: банк “Аваль”, 260033260. Кстати, Франц, — Матковский что-то вспомнил, взял его за руку, — в связи с отъездом из Фонда выбыли два его члена. Ты ведь художник, смог бы нам быть полезным.

Франц задумался. Его решение остаться с Наташей жить на Украине облекалось в новые и новые формы. Выброшенный старым обществом за борт, теперь, у себя на родине его силы и талант стали кому-то нужны, находили применение.

— Необходимо, Игорь, подумать, — ответил он. — Через неделю я тебя разыщу и дам ответ.

IX. Прошлое рядом с нами

Откуда-то со стороны Гнивани двигались темные облака. Осенний город отдыхал от знойного лета. На импровизированные базары украинская земля выбросила всех цветов и оттенков тонны фруктов и овощей.

На площади возле кинотеатра Франц увидел знакомого мужчину. К нему подходили люди, о чем-то велись живые беседы.

— Смотри, Наташа, вон мэр города Виктор Николаевич Жеребнюк. Вышел прогуляться, но не тут-то было: просители его и тут достали.

— А кто вон та красивая женщина с двумя детьми? — чисто по-женски поинтересовалась Наташа.

— Н-н-н-не знаю, — ответил Франц. — Думаю, его жена и дети, но мы с ней не знакомы.

Франц и Наташа хотели остаться незамеченными, но Жеребнюк узнал художника и жестом пригласил подойти.

— Здравствуйте, Бялковский. Я вам сегодня несколько раз звонил, ваша мать ответила, что вас нет дома. Приходите завтра в исполком, получите командировочные для поездки в Киев. Ваша картина “Украинские Афины” будет участвовать в международной выставке. Все обговорено, есть соответствующие документы.

Потрясенный Франц не знал что ему ответить. Ему не верилось, что подобный вопрос мог разрешиться так быстро.

— Вы меня слышите, Бялковский? — Жеребнюк положил руку на его плечо. — Выставка откроется через два дня. Завтра в Киев отправляется наша машина. Дадим вам охрану, мало ли что может случиться по дороге и в Киеве.

С Наташей они решили ехать вместе. Дома взволнованный Франц бегал из угла в угол все еще не веря в ход событий.

Когда они обсуждали подробности предстоящей поездки, в дверь позвонили. Мать открыла. За дверью стоял невысокий полный мужчина и многозначительно улыбался.

— Здравствуйте, Миша, — сказала мать, — что-то вас давненько не было видно.

— А чего мне приходиться... вам лет пять как телеграмм не было.

— И то правда. А что сейчас, неужели телеграмму принесли?

— Принес, да еще какую! — Миша торжественно подал узкий лист бумаги. — Телеграмма-то из Америки, город Нью-Йорк!

Внутри у Франца похолодело. Одеревятели ноги. Наташа непроизвольно перевела дыхание и прислонилась к стене.

Из нагрудного кармана рубашки Франц вытащил доллар и подал почтальону.

— Ого, целый доллар! — маленький человечек почтительно рассматривал купюру. — Телеграмма из-за границы и деньги заграничные.

Художник взял телеграмму в руки. Слова прыгали у Франца перед глазами. Язык в поисках влаги прошелся по нёбу. Текст телеграммы показался им абсолютно диким и невероятным: “Самое трудное уже позади, но прошлое всегда с нами рядом. Получите на главпочтамте города Киева письмо и деньги. Константин Харасанов.”

Конец 1-й книги.